

НЕВЛЯ

14 • 2007

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Борис Пальгов Судебная реформа	4
Владимир Куземко Законник	11
Справка о состоянии преступности	17
Справка о состоянии УИС	20
Акции протеста заключенных	24

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

Эксперты о конфликтных ситуациях в колониях и о правомерности секций дисциплины и порядка	32
Евгений Ихлов Беспредел в законе	39
Валерий Абрамкин Колпинские горки	43
Борис Пантелеев Продолжение следует?..	54
Сергей Ениколопов Закрытые структуры всегда порождают уродства...	66

УСТАМИ НАЧАЛЬНИКОВ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Юрий Александров «Общественные слушания» или общественная фальсификация?	72
---	----

ЗА СТЕНОЙ ИЗ ИНТЕРНАТА – В МИР

Мария Терновская «Мы должны помогать каждому ребенку найти семью и обеспечивать потребности его развития» 78

Мария Терновская Право ребенка на воспитание в семье 88

Альбина Скрипник Идиот 96

Галина Семья Российский опыт работы с выпускниками интернатных учреждений 106

ИСТОРИИ

Олег Павлов Лепота 118

Александр Муленко Кратковременное свидание 127

Александр Сидоров «Гоп со смыком» 134

Дмитрий Стонов Суи 149

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталья Мальхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Борис Пальгов

Судебная реформа

Фактически судебная реформа в постсоветской России началась в 1991 году. Ее необходимость и задачи были сформулированы в «Концепции судебной реформы в РСФСР», принятой 24 октября 1991 года Верховным Советом РСФСР. В этом документе содержатся основополагающие принципы процесса реформирования устаревшей судебной системы для приведения ее в соответствие с современными политическими, социальными и экономическими процессами в стране. В июне 1992 года был принят Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации», который стал фактически первым законодательным актом, воплощающим в жизнь положения «Концепции судебной реформы в РСФСР». Впервые законодательно определялся статус судей как представителей третьей власти государства наряду с исполнительной и законодательной властью. Для осуществления судьями объективного и беспристрастного правосудия были декларированы правовые, организационные, материальные и социальные гарантии их независимости. В дальнейшем вышел в свет Указ Президента РФ от 6 июля 1995 года № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации». Был принят целый ряд процессуальных кодексов по различным отраслям права, несколько очень важных федеральных законов, введен институт мировых судей. Постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 года № 805 утверждена Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы. 4 августа 2006 года за № 1082-р утверждена распоряжением Правительства РФ концепция Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы. Несмотря на то что за 16 лет был издан ряд официальных документов по этой проблеме, ни один из них не сформулировал ход и этапы проведения судебной реформы четко и системно. «Концепция судебной реформы в

РСФСР» 1991 года содержит в себе наиболее революционные положения, но носит скорее декларативный характер. А указанные постановления Правительства РФ регламентируют в основном вопросы финансирования технического переоснащения процесса судопроизводства.

С судебной системой по разным оценкам в России за год сталкиваются до 30 миллионов человек. Тому, с чем при этом приходится встречаться отдельно взятому гражданину в процессе такого «общения», и посвящена эта статья. Ведь особая необходимость реформирования судебной системы обусловлена тем, что вступившее в законную силу решение судьи, вынесенное от имени государства, пусть даже оно ошибочное или ангажированное, как правило, носит необратимый характер для человека. Суть судебной реформы можно сформулировать одним предложением: судебная реформа – это создание доступного для граждан судебного органа, который справедливо, беспристрастно и объективно мог бы рассматривать споры по обращениям заинтересованных лиц в разумные сроки. Все остальное – это уже детали, которые, безусловно, необходимы и важны для того, чтобы лица, ответственные за проведение преобразований в системе правосудия, имели представление, что и в какой последовательности нужно делать, чтобы добиться поставленной цели. С деталями сейчас более или менее становится понятно. Есть концепция, есть нормативная база хода и порядка реформирования судебной системы, поставлены задачи, и для их исполнения определены временные рамки. И выделены деньги, причем немалые. А вот с первым – самой сутью этой реформы – многое осталось по-прежнему.

Доступность суда для рядового гражданина в ходе реформы не стала безусловным понятием. Особенно это касается судов общей юрисдикции. В некоторых судах определен лишь один день приема граждан для подачи заявлений, причем и это не целый день, а полдня. Такое временное ограничение установлено явно не для их удобства. Прежде всего речь идет об удобстве для самих судей. Но даже в приемные часы попасть на прием лично к судье не так-то уж и просто. Вполне вероятно, что гражданина примет помощник судьи. И это практикуется во многих судах. То есть судьи в ходе судебной реформы еще дальше отстранились от гражданина, поручив все «тяготы» общения с живым человеком помощнику. Иногда создается впечатление, что чем меньше у судьи в производстве дел, тем лучше, по его мнению, работает его помощник. Бывает, что помощники, а иногда и сами судьи отказывают в приеме заявления, не выдавая мотивированного определе-

ния о причинах такого отказа. Человеку попросту отказывают в приеме документов, вуалируя свое нежелание разбираться в сложном или «неудобном» деле мудреными юридическими терминами, и рекомендуют обратиться к адвокату. На мой взгляд, судебная реформа лишь обострила эту проблему, и судья стал еще более недоступен для гражданина. Попытка формализации отношений между подающим заявление гражданином и судьей в судах общей юрисдикции на манер арбитражных судов, где личное общение стороны процесса и судьи вне судебного заседания ограничивается почтовой и электронной перепиской, на мой взгляд, слишком преждевременна. Ведь в суды общей юрисдикции в надежде найти помощь по защите своих прав обращаются и малограмотные, и пожилые люди. Среди них довольно много малообеспеченных, тех, кому не по средствам платная юридическая помощь адвокатов и юристов. Формально такое поведение судей вполне соответствует концепции судебной реформы на новом этапе, но при существующих обстоятельствах это опять скажется отрицательно на отдельно взятом гражданине. С одной стороны, ограждая судей общей юрисдикции от непосредственного общения с гражданами, реформа преследует благую цель – исключить любое воздействие на позицию судьи, укрепляя принцип независимости при вынесении решения по делу. Но если вспомнить о том, что на данном этапе практически отсутствует механизм бесплатной юридической помощи населению, то практически человека оставляют один на один со своей проблемой. По уголовным делам вопрос бесплатной юридической помощи хоть как-то решается, а если гражданину нужно составить иск или заявление в суд, чтобы отстоять свои нарушенные права в гражданском либо административном судопроизводстве, он должен полагаться только на самого себя. Бесплатная юридическая помощь по гражданским и административным делам сейчас просто не предусмотрена. Хотя в недалеком прошлом государство пыталось организовать юридические консультации в центрах социальной помощи, привлекая к этому адвокатов и частично оплачивая их работу. Сейчас средства для этого не выделяются, хотя проблема на сегодняшний день вполне решаема.

Создание института мировой юстиции могло бы быть выходом из сложившейся ситуации, где само название предполагает «близость» к народу и необходимость вникать в «житейскую» суть проблемы гражданина. Да и сама категория рассматриваемых мировыми судами дел наталкивает именно на такой подход. Ведь среди них преобладают семейные и бытовые конфликты, где иногда просто необходимо разрешать такие споры с применением житейской мудрости и опыта. На мой

взгляд, крайне ошибочно принимать в корпус мировых судей малоопытных и молодых юристов. Несмотря на якобы невысокую сложность в плане юридической квалификации дел, рассматриваемых мировыми судами, забыто огромное значение таких дел для рядового гражданина. Ведь из таких, казалось бы, «мелких» споров и конфликтов и состоят проблемы основных слоев населения. Напрашивается неутешительный вывод о том, что возможность создания института судебной системы в лице мировых судей, который был бы близок и максимально доступен для разрешения их насущных споров и проблем населения, на сегодняшний день необратимо утрачена. Мировые суды созданы и работают по образу и подобию федеральных районных судов, переняв при этом и все негативные моменты «дореформенного» судопроизводства. К тому же основой их работы являются те же процессуальные законы, что и для федеральных судов. При таком подходе гораздо проще и дешевле было бы пойти по пути простого увеличения штата федеральных районных судов для снятия нагрузки при рассмотрении дел.

Нет существенных сдвигов в вопросе независимости судей первой инстанции при вынесении решения по существу. Рассматривая дело, судьи по-прежнему сориентированы на позицию вышестоящего суда. Цель вынесения решения – оставление его в силе в случае рассмотрения в вышестоящей инстанции. Для судьи иерархия возможного давления в самой судебной системе на его независимость при вынесении решения выглядит примерно так. Сначала куратор вышестоящей инстанции – с ним зачастую ведутся консультации в ходе всего процесса и при подготовке текста решения. Его рекомендации могут быть главным фактором при определении позиции судьи первой инстанции. Далее – сложившаяся практика высшего регионального суда по конкретной категории дел. Не секрет, что на семинарах региональных судейских корпусов руководители судов дают рекомендации, которые судьи должны выполнять при рассмотрении дел, учитывая экономическую, политическую или криминогенную обстановку в регионе. Ну и наконец так называемые письма-рекомендации Верховного Суда РФ. В них судьи нижестоящих судов получают разъяснения, как в том или ином случае применять процессуальный или материальный закон по некоторым категориям дел. Причем это носит как бы неофициальный характер, но в то же время имеет форму настоящей рекомендации, обязательной для исполнения. Думается, что такая практика как раз и нуждается в реформировании. И говорить о том, что судья первой инстанции полностью независим при вынесении решения, на сегодняшний день некорректно.

К сожалению, мало что изменилось и в уголовном судопроизводстве. Имеется в виду ломка стереотипов заведомо обвинительного уклона при рассмотрении уголовных дел. Судья, как и прежде, гораздо ближе по духу стороне обвинения, чем защите. Прокурор, поддерживающий государственное обвинение, заходит в кабинет судьи запросто, в любое время и нисколько не скрывая это, а зачастую, наоборот, такие «тесные» отношения прокурора и судьи подчеркиваются, видимо, в целях оказания «психологического воздействия на преступника». Хотя до вступления приговора в силу подсудимый формально не признан виновным. А вот общение судьи со стороной защиты искусственно ограничивается, как бы изначально ставится водораздел между судьей и обвинением с одной стороны и защитой и подсудимым с другой. Зачастую это бросается в глаза и оказывает отрицательное влияние на мнение граждан о беспристрастности судей при рассмотрении уголовных дел. Нередки случаи, когда судья в процессе позволяет себе дать волю эмоциям и еще на этапе судебного следствия высказывает свою позицию относительно виновности подсудимого. Пытаясь прямо в процессе «перевоспитать» подсудимого, выглядеть лучше в глазах потерпевших, поддерживая их морально, судья иногда скатывается до оскорблений и угроз в адрес подсудимого, давая понять, что позиция защиты надуманна, ложна и имеет одну лишь цель – уйти от справедливой ответственности за содеянное. Подсудимому нередко предлагается признать вину. При этом недвусмысленно разъясняется, что при признании вины суд будет более лоялен в вопросе назначения наказания. Такие вещи случаются и по явно сфабрикованным эпизодам в уголовных делах. Выглядит очень странно, когда в начале процесса судья намеками, а иногда и напрямую, предлагает подсудимому полностью признать свою вину, а в приговоре оправдывает подсудимого по некоторым эпизодам из общего объема предъявленного обвинения или применяет более мягкий материальный закон. А если бы подсудимый признал все, что ему вменяет в вину следствие? О какой объективности тут можно вести речь? По-прежнему в ходе судебного заседания у некоторых судей при рассмотрении уголовных дел проявляется воспитательная позиция по отношению к подсудимому. Воспитательно-показательный уклон рассмотрения уголовных дел плавно и уверенно перетек из советского правосудия в нынешнее, почти не претерпев никаких изменений. Это недопустимо, так как напрочь перечеркивает отношение к суду как к независимому арбитру, беспристрастно оценивающему доводы равных сторон по делу. Отсюда правовой нигилизм и искусственное противопоставление судебных органов и рядовых граждан государства.

Проблема лишения человека свободы до вынесения приговора стоит не менее остро, и судебная реформа практически ее не коснулась. Формальный подход в вопросе необоснованного ареста как меры пресечения, давно уже требует немедленного реформирования. Уже давно обсуждается ошибочность позиции судов всех уровней, вплоть до Верховного Суда, когда при избрании меры пресечения на период следствия суды не рассматривают вопрос виновности человека в предъявленном ему обвинении. Учитывается наличие работы, семейное положение, тяжесть вменяемого в вину деяния, наличие постоянного места жительства, но только не наличие или отсутствие вины. Это парадокс, но, к сожалению, так оно и есть. В этом проявляется половинчатость судебной реформы, ее оторванность от принципов гуманного и справедливого подхода к гражданам своего государства. Всем известны условия содержания в следственных изоляторах. Но дело даже не в этом. Вырвав человека, пусть даже на два-три месяца, из нормальной жизни, водворив его в следственный изолятор, можно инициировать необратимые негативные последствия в его судьбе. Особенно ярко это можно проиллюстрировать на примере сложившейся практики извещения подсудимого о времени и месте рассмотрения уголовного дела. При назначении уголовного дела повестка подсудимому высылается по почте. Причем в практике до сих пор встречаются случаи, когда это делается простым письмом, что, безусловно, недопустимо. Сколько может произойти «случайностей», которые помешают получить это извещение? При этом не извещенного надлежащим образом подсудимого суд считает заведомо виновным в том, что он (по не зависящим от него причинам) не узнал о времени рассмотрения его дела. И зачастую неявка в суд в таких случаях рассматривается как основание для применения к подсудимому таких мер, как объявление в розыск и изменение подписки о невыезде на арест. Удручающе выглядит ситуация, когда подсудимый, получив повестку с опозданием, приходит в суд и объясняет судье причину своей неявки. В ответ он, как правило, узнает, что изменить уже ничего нельзя, постановление об объявлении розыска направлено для исполнения, и бедолаге остается только сидеть дома и ждать, когда его «разыщут» работники милиции.

Техническое перевооружение системы судопроизводства – назревшая необходимость, на которую выделяются миллионы рублей налогоплательщиков. В регионах установлены и работают видеосистемы для рассмотрения кассационных и надзорных жалоб. Это позволяет, не вывозя человека из следственного изолятора или колонии, рассмот-

реть его обращение в вышестоящий суд. Стоит это колоссальных денег и, безусловно, нужно. Но вот что вызывает недоумение: для содержащегося в следственном изоляторе подозреваемого, обвиняемого или подсудимого до сих пор не предусмотрена выдача обычных канцелярских принадлежностей, юридической литературы для подготовки и осуществления собственной защиты. Все это – и ручку, и бумагу, и кодексы – он должен добыть сам, да еще и в условиях изоляции от общества. А ведь его туда на период следствия водворил все тот же суд! Так неужели из тех миллионов до сих пор так и не нашлось средств на такие элементарные вещи, без которых подготовиться к тому же суперсовременному видеорассмотрению жалобы в кассации или надзоре весьма трудно. Конечно, это лишь частный пример, который для кого-то может показаться несущественной мелочью. Но на фоне таких контрастов рано говорить о том, что реформа российской судебной системы привела к реальному улучшению положения рядового гражданина, непосредственно с ней столкнувшегося.

К нам в область назначили нового прокурора. Обычно прокурорские с ментовскими хоть и недолюбливают друг друга, но до открытых войн дело стараются не доводить: все ж таки из одной кормушки хлебаем и в постоянной борьбе с преступностью друг от дружки зависим, куда выгоднее этикетничать и «дружить домами», чем мутузить друг дружку в харю на потеху глазеющей публике... Но на этот раз прислали к нам прокурора – «деструктивщика», он карьеру делал на том, что разоблачал и топил всех подряд. Скопит компромат на власть имущих на своем уровне, поднимет крутую волну, сольет информацию о происходящем в СМИ, и на гребне скандала поднимется еще на одну ступеньку служебной лестницы. В трех областях он уже пошалил таким образом, отовсюду ушел с шумом и повышением, а теперь вот его к нам направили, нашу провинциальную элиту немножко отпрессовать. Прокурор – пугало, так сказать... И понятно, что с первого же дня своей работы у нас начал он катить бочку и на милицию, благо при желании повод для раздолбательной критики в адрес ментов найти нетрудно, а желания у него – было!..

С собою привез тот прокурор целую бригаду своих людишек, расставив их на различные ключевые посты в областной, многих городских и районных прокуратурах. И к нам в район прислали одного такого... Вадим Чехович, очкастый такой, кругленький, вкрадчивый, стал замом райпрокурора. Казалось бы, всего лишь зам, пост не первостепенный, но не всегда... Если все в районной прокуратуре знают, что зам – один из команды «областного», то в каком-то смысле этот зам становится куда «главнее» своего непосредственного шефа!..

И начал этот Чехович, выполняя какие-то данные ему негласно инструкции, всячески мутить воду. В частности, цеплялся к мужикам из РОВД, выискивая у них недостатки в работе, «ловя блох», так сказать... Ладно бы, будь у него цель «помочь», так нет же... Стремился он к прямо противоположному: унижить, дискредитировать, лишить уверенности в своих силах и возможностях, развалить и растоптать так, чтоб другим неповадно было... И все это – под флагом требований соблюдать законность, с постоянными ссылками на какие-то законные и подзаконные акты, чуть ли не на Конституцию, хотя любому умному человеку ясно, что «жить по Конституции» – нужно, обязательно даже, но – совершенно невозможно, поэтому никто по ней и не живет, никто ее и не читал даже, чтоб не дурить себе мозги лишней информацией... Все это знают, все всё понимают, и всем становится неловко, когда появляется некто, отнюдь не дурак, между прочим, и на полном серьезе вдруг спрашивает: «А почему это вы нарушаете конституционные статьи такие-то и такие-то?.. Нехорошо!..» Что плохо это – никто и не спорит. Как и с тем, что мы – стареем. И что правят нами – мерзавцы. И что женщины вконец застывали в последнее время... Но что реально меняет это знание? Ничего. Что есть – то и будет, это реальность, и никакой Конституцией от нее не прикрыться. Если наши законы диктуют одно, а жизнь – другое, то тем хуже для наших законов, и никакого иного выхода в этой ситуации не существует..

...Теперь расскажу, как активность зама-«законника» проявлялась на практике, на примере моего личного опыта (подобным Чехович доставал и многих других, каждого – на своем уровне и по-своему).

Итак, бомбанули хату, взяли кое-что из *шмотья*, от сексотов мы получили наколку: «Гипс сработал!», и двинули на адрес к бандиту Гиренко по кличке Гипс. Стучать и звонить не стали, баловство это, когда на разные сомнительные адреса ломишься, а просто пнули дверь ногами, она сама собою и распахнулась. Гипс и конечностями дрыгнуть не успел, как мы влетели на адрес и поставили его лицом к стенке. Быстренько осмотрели тесную грязноватую квартиру, и в комнате на шкафе нашли норковую шапку – точь в точь по описаниям такую же сперли с хаты пострадавшего. Я сразу же двинул Гипса по почкам: «Говори, паскуда, чья шапка?!» Он со мною уже сталкивался, знал, что строг я, но справедлив и без производственной необходимости никого не калечу, поэтому решил за лучшее сразу же «чистосердечно раскаяться»: «Украл я ее вчера!.. Стырил по такому-то адресу!..» О, совсем другой базар!.. Мы с ним еще немножко дружески потолковали, он и

из другого краденого кое-что указал, где оно хранится или кому конкретно сбыл (остальное ушло намертво, к сожалению: «продал на улице неустановленным лицам»). В основном мы сработали четко: преступление оперативно раскрыли, преступник – вот он, налицо, поработает с ним еще немножко следак, и направляй уголовное дело в суд...

Но тут в ситуацию вмешался Чехович. Для начала спрашивает: «А на основании чего вы, собственно, вошли без приглашения в квартиру гражданина Гиренко?..» Во, блин... Не скажешь же: «Поступил донос!» В прокуратуре не поймут, это – не основание... Начинаем мямлить: так и так, мол, было подозрение, что Гиренко мог быть причастным, решили проверить... «Ну и проверяли бы, но на каком законном основании вы без санкции прокурора нарушили неприкосновенность жилища?!..» – сверкает очками этот гаденыш. Как будто не знает, что ежели б мы за каждым проникновением на адрес ко всякой уголовной мрази бегали бы за санкцией к прокурору, то у него и дверь кабинета не закрывалась бы ни на минуту. «Мы имеем право и без санкции, поставив затем прокуратуру в известность, и...» «Да, имеете право – в случаях, когда есть веские и предусмотренные законодательством основания, а в данном случае таких оснований не было!..» – чуть повысил голос зам.

Дальше – больше. «На каком основании вы устроили в квартире несанкционированный обыск?!» – «Так ведь вы знаете...» – «Ничего я не знаю, кроме того, что записано в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах. Вы их читали когда-нибудь? Ах, читали... А известно ли вам, что изымать шапку вы по закону имели право лишь под “протокол изъятия”, в присутствии понятых, да и то лишь после того, как следователь предварительно допросит подозреваемых и вынесет постановление о выемке у него на адресе... Имели вы на руках такое постановление? Не имели. Допрашивал Гиренко перед обыском следователь? Не допрашивал. Присутствовали при изъятии понятые? Не присутствовали. Следовательно, данное изъятие является незаконным и никаким вещдоком в уголовном деле являться не может! А раз так, то и возбуждать уголовное дело законных оснований у нас нет. Поэтому немедленно извинитесь перед гражданином Гиренко за незаконное задержание и отпустите его на свободу! Да, и шапку ему верните, обязательно!»

От таких речей мы аж рты разинули. Ну ладно, адвокат такую речугу толкнул бы, за большие бабки еще и не такое скажешь, отстаивая интересы подзащитного, а то ведь – прокурор, призванный стоять на стра-

же интересов державы!.. При нынешних наших скудных возможностях, если еще и обложить нас со всех сторон запретительными флажками да заставить бегать за санкцией на каждый свой шаг, тогда уж точно бандиты окончательно обнаглеют, среди белого дня будут бродить по коридорам РОВД и грабить оперов-лохов... Понимать же надо!..

Впрочем, о чем я?.. Все этот штопанный презерватив прекрасно понимал, не даун ведь... Но просто «заказ» у него был таков: мочить ментуру!.. И у других, расставленных по прочим прокуратурам чеховичей была такая же программа действий. Все собранные (и подтасованные!) ими фактики «ментовского произвола» стекались бы из районов в городскую прокуратуру, из городов – на стол к прокурору области, и он, обобщив их в нужном духе, отправил бы докладную в Генеральную прокуратуру, параллельно сдав избыток информации газетчикам, кое-кого из милицейских выгнали бы или даже посадили, а самого облпрокурора – с повышением в столицу... Понятная арифметика!..

...Что касаясь персонально Гиренко, то все равно мы его не отпустили: нажали на него покрепче, он и раскололся еще на пяток подобных же краж, с весомыми вещдоками, так что не пришлось нам перед ним унижаться, краденую шапку возвращая...

У кого-нибудь может сложиться ощущение, что кое в чем Чехович и прав, защищая права и интересы простых людей. Для таких наивных приведу еще один пример. На одной из оперативок замрайпрокурора вдруг заявил: «Почему милиция никак не борется с уличной торговлей на неразрешенных местах? Вы обязаны противоборствовать спекуляции и получению незаконных, то есть не облагаемых налогами, доходов!..»

Наши, кто на той оперативке был, только затылки озадаченно почесали... Объяснили ему остороженько, что торгующие сигаретой, водкой, семечками и всякой огородиной старики и женщины, которых он, собственно говоря, и имел в виду, – это обездоленные нашей действительностью люди и, если лишить их возможности делать свой маленький бизнес или обложить налогами их и без того копеечные прибыли, они ж элементарно помрут с голода!..

Чехович в ответ удивился: «Разве это основание для того, чтобы нарушать установленные нормы законодательства?» И смотрит сурьезно, как будто и в самом деле до него что-то не доходит.

Наши мнутя: «Но как же бороться с торговцами этими?..» Чехович супит брови, изрекает: «Применение спецсредств – только в рамках долж-

ностных инструкций... А с уличной торговлей бороться очень легко: перекройте каналы поступления товаров, пресеките незаконную деятельность поставщиков – вот уличная торговля сама собою и иссякнет».

Да, нашелся умник... постеснялся бы молотить такое!.. Какие, к чертям собачьим, поставщики?! Бабулька на городском мелкооптовом рынке покупает, допустим, сигареты или водку по одной цене и перепродает их на своем районном базарчике уже по цене немножко другой, небольшую разницу кладет в свой карман – вот тебе и все поставщики... И никак ты это не пресечешь, разве что приставишь к каждому пенсионеру или домохозяйке милиционера, пусть ходят следом и наблюдают, не собирается ли данное лицо закупить товар в размерах чуть больше мелкого, без увесистых доказательств того, что творится это не с целью дальнейшей перепродажи... Бред! Полный и решительный бред сумасшедшего! Особенно заметный на фоне все той же мысли: отними держава единственную возможность немножко заработать у обворованных ею же граждан – на что они тогда будут жить?.. Но Чеховичу сие по барабану – «законы надо исполнять!», и весь сказ...

...Интересные у нас все-таки законы... Помирать с голоду и сдыхать от нищеты они никому не мешают, «это ваше личное дело», но как только попытаешься выцарапать и выжить – вмиг набегит толпа желающих выкрутить тебе руки и вырвать побольше бабок из твоего тощего кармана... И не рэкетеры ведь, не какие-то бандиты, нет – государевы слуги и стоящее за ними само государство!

...И посылают-таки ментов гонять тех всеми обиженных старушек, а Чехович глазеет из окна своего служебного кабинетика и нам, ментам, пальчиком грозит: «Активнее работайте, господа!.. Вон, на углу, еще одна торговка семечками не охвачена вашим запретительным рвением...» Сволочь!

Кончилась кипучая деятельность зама-«законника» очень быстро и как-то вдруг... Сняли его шефа, областного прокурора. Разумеется, вовсе не за то, что ставил он палки в колеса милицейским службам и интриговал против многих неугодных ему областных вельмож, то было в порядке вещей... Но ведь кто-то наверху двигал нашего борца за правду все эти годы, прикрывая его от ответных ударов, и вот этот «кто-то», не поладив с «Самым-Самым», однажды был вынужден подать в отставку. И тут же началась расправа над «его» людьми.

Слово «расправа», разумеется, в данном случае имеет узкий смысл. Никто никого не сажал и не расстреливал, просто люди лишались сво-

их влиятельных и тепленьких местечек, и все даже и не на обочине жизни оказывались, ибо буквально у каждого именно на этот «черный день» были припасены «плацдармы» в какой-нибудь коммерческой структуре или политической партии, так что и за экс-областного прокурора, и за того же Чеховича можно было быть спокойным – с протянутой рукой на паперти мы их не увидим...

В первые дни после отставки облпрокурора «в связи с переходом на другую работу» смотреть на нашего Чеховича было больно: потерянно бродил с жалкими глазами по зданию районной прокуратуры, все даже думали – повесится. (Естественно, мешать ему никто и не думал.) После ухода своего покровителя стал Чехович в прокуратуре никем и ничем, чем-то вроде тумбочки для обуви, не более... Помнивший о былом всевластии своего зама, районный прокурор теперь поглядывал на Чеховича со злорадной улыбочкой, и ничего хорошего бедолаге эта улыбочка не сулила. Он и рад бы сам уйти «по собственному», но в прокуратуре резкие рывки туда-сюда не приветствуются, сиди и жди, пока о тебе вспомнят, изображай трудолюбие и тихонечко молись: «Авось пронесет!.. Авось как-нибудь забудут обо мне и на этой самой должности до самой пенсии оставят!..» Но – дудки, в правоохранительных органах память у всех профессионально долгая, и спустя несколько недель после ухода «того» убрали и «этого» – он просто исчез бесследно из прокурорского кабинета, словно и не было никогда человека...

...Спустя несколько месяцев дошел слухок: переехал Чехович в соседнюю область и заделался там адвокатом в консультации... И могу вас уверить: в отличие от нас, нищих оперов, лапу с голодухи он и там не сосал!..

Преступность в России в январе – октябре 2007 года

В январе – октябре 2007 года органами внутренних дел рассмотрено 17,08 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 8,0% больше, чем за первые 10 месяцев 2006 года. Почти по каждому седьмому сообщению (14,9%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 2544,7 тыс. уголовных дел, что на 6,6% меньше показателя аналогичного периода прошлого года. За этот период зарегистрировано 3060,0 тыс. преступлений, или на 5,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 19 субъектах Российской Федерации, снижение – в 66 субъектах.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных снизился с 28,1% в январе – октябре 2006 года до 27,2%.

Более половины всех зарегистрированных преступлений (52,4%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 1318,0 тыс. (-5,5%), грабежа – 248,7 тыс. (16,0%), разбоя – 38,0 тыс. (-22,5%). Почти каждая третья кража (34,7%), каждый двадцать шестой грабеж (3,8%) и каждое пятнадцатое разбойное нападение (6,6%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Каждое семнадцатое (5,9%) зарегистрированное преступление – квартирная кража. В январе – октябре 2007 года их число снизилось на 10,0% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем – октябрём 2006 года возросло на 0,6% и составило 26,1 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств снизилось на 9,6% (1561 факт).

В январе – октябре 2007 года с использованием оружия совершено 11 998 преступлений (–24,4%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в г. Санкт-Петербурге (761), Новосибирской (644), Иркутской (539), Московской (497), Свердловской (493), Челябинской (370) областях, Красноярском крае (381), Чеченской республике (460).

По сравнению с январем – октябрём 2006 года на 4,3% снизилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 415,8 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 13,6%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 194,4 млрд. руб.

Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 38,8%.

Подразделениями органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями выявлено 206,4 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 49,6%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 89,4 млрд. руб., а сумма возмещенного ущерба – 39,97 млрд. руб.

Подразделениями органов внутренних дел по расследованию налоговых преступлений выявлено 24,8 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений данной категории составил 6,0%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 73,47 млрд. руб., а сумма возмещенного ущерба – 48,63 млрд. руб.

В январе – октябре 2007 года выявлено 199,4 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 11,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем – октябрём 2006 года на 3,2% возросло число преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, снизился с 58,0% в январе – октябре 2006 года до 53,9%.

В общественных местах зарегистрировано 567,7 тыс. преступлений, или на 3,5% меньше, чем за январь – октябрь 2006 года. На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 335,3 тыс. преступлений, в том числе: 106,0 тыс. грабежей (–16,2%), 93,8 тыс. краж (–0,7%), 12,5 тыс. разбойных нападений (–23,4%). На дорогах и транс-

сах вне населенных пунктов совершено 359 разбойных нападений (-16,5%), 733 грабежа (-7,8%), выявлено 187 фактов незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (+43,8%).

В январе – октябре 2007 года раскрыто 1507,9 тыс. преступлений (-0,8%), в том числе 678,6 тыс., следствие по которым обязательно, и 829,4 тыс., следствие по которым необязательно. Не раскрыто 1551,1 тыс. преступлений, что на 5,9% меньше аналогичного показателя за январь – октябрь 2006 года. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 25,2% (в январе – октябре 2006 года – 28,0%). Остались нераскрытыми 2748 убийств и покушений на убийство (-24,8%), 8520 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (-17,6%), 909,3 тыс. краж (-4,9%), 175,5 тыс. грабежей (-15,0%), 19,2 тыс. разбойных нападений (-27,4%). Преступлений прошлых лет в январе – октябре 2007 года раскрыто 49,1 тыс., что на 13,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Почти половину (46,3%) раскрытых преступлений прошлых лет составляют кражи (22 720) и девятую часть (11,1%) мошенничества (5472).

Выявлено 1111,2 тыс. лиц, совершивших преступления (-2,9%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода снизился с 59,7% в январе – октябре 2006 года до 59,5%, а удельный вес ранее судимых лиц вырос с 23,1% до 23,2%.

Почти каждое третье (29,7%) оконченное расследованием преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое седьмое (14,6%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое тринадцатое (7,7%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 43,0 тыс. преступлений, что на 6,2% меньше, чем за январь – октябрь 2006 года, в том числе гражданами государств – участников СНГ – 38,9 тыс. преступлений (-5,6%), их удельный вес составил 90,3%.

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства возросло на 2,3% и составило 13 654 преступления.

УИС: цифры и факты

Начиная с ноября 2002 года численность вновь арестованных возрастает, и эта тенденция сохраняется до настоящего времени. Всего же за неполные пять лет действия нового УПК РФ в СИЗО поступило более 1,5 млн. человек, в отношении которых судами была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, или в среднем от 30 до 34 тыс. человек в месяц. Таким образом, сколько-нибудь значительного снижения числа вновь арестованных в связи с введением судебной процедуры заключения под стражу не произошло. Аналогичная ситуация складывается и с заключением под стражу женщин и несовершеннолетних. Если, например, в июле 2002 года в следственные изоляторы поступили 1106 женщин и 1101 несовершеннолетний, то в апреле 2007 года – соответственно 3027 и 1536 человек. Рост числа вновь арестованных ведет к переполнению СИЗО, сокращению средних размеров камерной площади, приходящейся на одного человека, серьезно ухудшает условия содержания подозреваемых и обвиняемых. Очевидно, что цели, продекларированные разработчиками УПК РФ, по крайней мере касающиеся вопросов заключения под стражу, за прошедшие пять лет достигнуты не были.

За 2002–2006 годы в СИЗО было введено дополнительно более 44 тыс. мест для содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. В настоящее время средний размер камерной площади, приходящейся на одного содержащегося под стражей в СИЗО УИС, составляет 3,9 кв. метра. Это почти в два раза больше, чем было в конце 1990-х годов, хотя пока еще норма, установленная законодательством, не достигнута.

На начало 2007 года ситуация со средним размером камерной площади характеризуется следующим образом. В 39 субъектах Российской Федерации, или ровно в половине регионов, имеющих в своем

составе следственные изоляторы, средний размер камерной площади на одного содержащегося под стражей соответствует норме (4 кв. метра на человека) или превышает ее. В 15 регионах (19% от общего числа) средний размер камерной площади на одного подозреваемого и обвиняемого близок к норме и составляет от 3,6 до 3,9 кв. метра. 24 субъекта Российской Федерации, или 31% от общего количества, на сегодняшний день считаются проблемными.

Для размещения подозреваемых и обвиняемых в соответствии с санитарной нормой жилой площади в следственных изоляторах 39 регионов не хватает 17,7 тыс. мест.

В 2007 году началась реализация утвержденной Правительством Российской Федерации Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» с объемом финансирования 54,6 млрд. рублей. В рамках данной Программы в следственных изоляторах будет создано дополнительно 33,5 тыс. мест, в том числе будут введены в эксплуатацию 26 новых СИЗО, отвечающих самым современным требованиям и международным стандартам. Как показывают расчеты, реализация этой программы позволит довести средний размер камерной площади в расчете на одного содержащегося под стражей до 4,8 кв. метра.

Значительно снизилось количество жалоб граждан Российской Федерации в Европейский суд по правам человека на условия содержания заключенных в учреждениях УИС. Так, если в 2002 году им было принято к рассмотрению 60 дел, то в 2006 году их количество сократилось более чем в четыре раза. А с начала 2007 года рассмотрена лишь одна жалоба.

Кроме этого, в докладе Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания по итогам визита в Российскую Федерацию в 2006 году было отмечено, что в сфере условий содержания заключенных под стражей достигнут определенный прогресс, а российские власти демонстрируют в этом вопросе стремление к открытости.

Положительные тенденции в деятельности пенитенциарной системы России были отмечены и на заседании 37 сессии Комитета ООН против пыток.

В настоящее время уголовно-исполнительная система активно взаимодействует с общественными правозащитными организациями. В данной работе принимают участие свыше 350 благотворительных фондов, общественных и религиозных организаций, как отечественных, так и международных.

Наиболее часто встречающимися в пенитенциарных учреждениях являются заболевания социального характера: туберкулез, вирусные гепатиты, ВИЧ-инфекция, венерические и кожные контагиозные заболевания. Уровни заболеваемости вирусными гепатитами В и С в них превышают в 3–4 раза средний уровень, регистрируемый в целом по России. При этом в структуре острых вирусных гепатитов на вирусный гепатит А приходится 18–26% заболеваний, на вирусный гепатит В – 40–60% и вирусный гепатит С – 20–22%. Из общего количества впервые выявленных случаев острого вирусного гепатита 40–50% ежегодно регистрируются в следственных изоляторах, из них случаи вирусного гепатита А составляют в упомянутой структуре около 30%, вирусного гепатита В – 40–50%, а вирусного гепатита С – 19–20% случаев.

В УИС создана и развивается система подготовки квалифицированных специалистов для УИС, включающая в себя сеть образовательных учреждений ФСИН России из семи вузов с семью филиалами, одного учебного заведения среднего профессионального образования, межрегионального учебного центра, 78 учебных центров (пунктов) при территориальных органах ФСИН России.

В образовательных и научно-исследовательских учреждениях ФСИН России в настоящее время работают 482 кандидата наук и доцента, 104 доктора наук и профессора. Для подготовки собственных научно-педагогических и научных кадров при НИИ ФСИН России, а также в четырех вузах открыты докторантуры и адъюнктуры. Контингент обучающихся в системе послевузовского профессионального образования составляет 357 адъюнктов и докторантов.

Анализ положения дел в области профилактики ЧП среди сотрудников УИС показывает, что, несмотря на предпринимаемые меры организационно-правового, кадрового и воспитательного характера, общая численность потерь среди личного состава, связанная с различного рода трагическими ситуациями, остается достаточно высокой. Например, в 2006 году погибли 129 человек, получили ранения и травмы различной тяжести 1769 сотрудников. В общей структуре ЧП, сопряженных с летальными исходами, свыше трети случаев приходится на дорожно-транспортные происшествия (38%), затем следуют крайние формы деструктивных проявлений (25%). При исполнении служебных обязанностей погибли 20 сотрудников и получили ранения 453 человека.

За 2006 год допущено 26 429 нарушений служебной дисциплины, из них 57% составляют нарушения исполнительской дисциплины, привлечены к дисциплинарной ответственности 23 125 сотрудников. На

28% возросло количество нарушений законности среди личного состава (2005 г. – 527; 2006 г. – 676). Наибольшее количество нарушений законности в расчете на 1000 сотрудников зарегистрировано: в УФСИН России по Камчатской области – 28,06; Ямало-Ненецкому автономному округу – 18,85; Вологодской – 18,84; Магаданской области – 16,69; Кабардино-Балкарской Республике – 13,91; Республике Хакасия – 13,23 (по УИС России – 2,2).

Количество сотрудников, привлеченных к ответственности за нарушения законности и преступления, увеличилось на 24% и составило 584 человека (АППГ – 471), основная часть – 97% – за нарушения законности. Наибольшее количество нарушений законности (в расчете на 1000 чел.) допущено службами: воспитательной работы с осужденными – 9,04; безопасности – 4,72; оперсостава – 4,05.

В 38 территориальных органах в отношении сотрудников УИС возбуждено 120 уголовных дел (АППГ – 71), по которым основная масса преступлений совершена при исполнении служебных обязанностей – 71%. Из них 35 – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, 60 – за злоупотребление и превышение должностных полномочий, 12 – за взяточничество.

Отмечается некоторое снижение дисциплинарных проступков, связанных с употреблением спиртных напитков, – 992 (АППГ – 1181). Тем не менее каждый 25-й дисциплинарный проступок совершен в состоянии алкогольного опьянения. Почти половина из них (465) совершена на службе. В три раза увеличилось количество самоубийств в состоянии алкогольного опьянения – с 4 в 2005 году до 13 – в 2006 году. На службе с применением табельного оружия совершено 4 самоубийства.

Распределение осужденных по видам наказания (в процентах)

	2006 год	1-е полугодие 2007 года
Лишение свободы	34,5	33,4
Исправительные работы	4,6	4,6
Условное осуждение	46,3	44,8
Штраф	10,8	12,2
Другие меры наказания	3,8	5,0

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Акции протеста заключенных – осень 2007 года¹

Кемеровская область

20 сентября

По информации родительского комитета защиты заключенных, недавно созданного в Кемеровской области, **11 заключенных**, находящихся в ЛИУ-16 пос. Абагур Лесной (лечебная колония для больных туберкулезом; Новокузнецкий район Кемеровской обл.), **объявили голодовку**. От заключенных постоянно поступали жалобы на систематическое физическое насилие со стороны администрации, незаконное ограничение передач, нарушение правил внутреннего распорядка. 19 сентября колонию посетил прокурор области Д. Гейтман, который заявил, что все жалобы беспочвенны и что уполномочен решать эти вопросы оперуполномоченный А. Глеков (который, заметим, известен своим жестоким обращением с заключенными в ИК-4 (п. Шерегешь)). Заключенные расценили данное заявление как прямую угрозу им за жалобы и подали заявление о голодовке от 11 осужденных. Они потребовали встречи с прокурором, Уполномоченным по правам человека в Кемеровской области и правозащитниками. Уже 21 сентября число участников голодовки увеличилось до 100 заключенных. Поступают сообщения об избиваниях заключенных. У колонии собрались родственники и журналисты. Их не пускают в колонию.

¹ По материалам Фонда в защиту прав заключенных.

Санкт-Петербург

24 сентября

Сотрудники ГУ ФСИН Петербурга и Ленобласти проводят превентивные **мероприятия против готовящейся** в следственном изоляторе № 1 «Кресты» **акции неповиновения**. Как сообщили в пресс-службе ГУ ФСИН, из достоверных источников стало известно, что арестанты «Крестов» готовят голодовку. Акция, по данным тех же источников, спланирована авторитетами и лидерами преступной среды, находящимися на свободе. Нечто подобное происходило в учреждениях питерской пенитенциарной системы в феврале 2004 года. ФСИН обещает не допустить голодовки заключенных. Представитель ведомства отметил, что пока не располагает точной информацией о намерении заключенных начать акцию неповиновения, подчеркнув, что в настоящее время обстановка в «Крестах» спокойная.

Между тем в минувший четверг группа из 17 подростков, которые содержатся в «Крестах» по обвинению в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, устроила бунт, требуя смягчения норм режимного распорядка. Ситуацию удалось нормализовать без применения физической силы, хотя на место был вызван отряд спецназа. Следственным управлением при прокуратуре возбуждено уголовное дело по статье «дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Ярославская область

3 октября

На голодовку за свободу **решился заключенный ИК-2** Рыбинска Евгений Семейкин. Почти два года он отбывает наказание за преступление, которого он не совершал (разбойное нападение на семью из Архангельска). В начале этого года была задержана банда из Углича, один из членов которой признался в преступлении, за которое был осужден Семейкин. В конце сентября областной суд признал виновными в этом преступлении угличских бандитов. Однако и после приговора суда Семейкин остается за решеткой. По закону, освободить его может только оправдательное решение суда. Но оно не будет принято, пока приговор другим за это преступление не вступит в силу. Как сообщил отец Евгения Александр Семейкин, этот процесс может растянуться на несколько месяцев. Поэтому в знак протеста его сын объявил бессрочную голодовку, которая будет длиться до тех пор, пока его не освободят. Заключенный – инвалид второй группы, голодовка может серьезно сказаться на его здоровье.

Прокурор по надзору за исполнением законодательства в исправительных учреждениях по Ярославской области Сергей Касаткин заявил: «Семейкину будут созданы все необходимые условия, будет обеспечено ежедневное медицинское наблюдение, как это предписывается новым уголовно-исполнительным законодательством. Это дело взято под контроль лично прокурором области, и с нашей стороны будут все моменты отслеживаться, если будут какие-то последствия».

Самарская область

8 октября

Вчера в самарской исправительной колонии строгого режима № 6 **вспыхнул бунт**. Его причиной стала смерть одного из осужденных, в отношении которого администрация применила «спецсредства». В ИК-6 (пос. Управленческий) отбывают срок две тысячи человек. 200 из них в обед отказались от «пайки» и нелегально, по сотовым телефонам, сообщили о волнениях родственникам и журналистам. Акция протеста обернулась многочисленными жалобами на условия отбывания наказания, на качество медицинской помощи и организацию питания. Для того чтобы разобраться в ситуации, в ИК № 6 прибыл начальник Управления службы исполнения наказаний Самарской области Валерий Яковлев. Он заявил, что по факту смерти осужденного проводится проверка. Если подтвердится информация о том, что смерть наступила по причине избиения резиновыми палками, будет возбуждено уголовное дело. Слухи о том, что за колючей проволокой пришлось стрелять, чтобы усмирить осужденных, официально опровергаются.

«Шестерка» считается образцово-показательной колонией. Сюда привозили звезд цирка и эстрады, построили Дворец культуры, работает театральная студия, и даже есть свое телевидение. Сотрудники ГУФСИН не исключают, что в ИК организована провокация. За последние 10 лет в Самарской области было три бунта заключенных. Самый значительный из них произошел 29 августа 2004 года в новокуйбышевской колонии строгого режима № 3.

Свердловская область

8 октября

В Свердловской области **осужденные** одной из колоний **объявили голодовку** – около сорока человек из 55-й колонии Ивдельского района отказались от приема пищи.

Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний по Свердловской области 8 октября дало следующий официальный

комментарий: «7 октября в ИК общего режима г. Ивдель в 19.00 несколько осужденных заявили о намерении начать голодовку. Были выдвинуты заведомо противоречащие законодательству требования о смягчении предусмотренного УПК РФ и другими нормативами режима содержания и правил внутреннего распорядка. Спустя несколько часов, в районе 23.00, после проведенной разъяснительно-воспитательной работы, все участники противоправной акции отказались от своих намерений. Обстоятельства произошедшего будут уточнены в ходе проверки, которая в настоящее время проводится ГУФСИН по Свердловской области».

17 октября

В Кировграде Свердловской области **в результате беспорядков в колонии для несовершеннолетних погибли три человека.** Федеральная служба исполнения наказаний РФ сообщает, что «погибли два осужденных и один сотрудник», один заключенный скончался от огнестрельного ранения, а еще один находится в реанимационном отделении больницы. Кроме того, пострадали шесть работников колонии и семь заключенных. «Семь заключенных ночью попытались преодолеть основное ограждение колонии и были замечены караулом, который предупредительными выстрелами попытался пресечь попытку побега, после чего группа заключенных попыталась попасть на караул и отобрать оружие», – сказано в комментарии ФСИН. Тогда сотрудники охраны открыли стрельбу на поражение. От огнестрельного ранения погиб один осужденный. Всего в колонии находились 463 заключенных, в том числе 365 несовершеннолетних, осужденных за особо опасные преступления.

Кировградский межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Свердловской области возбудил уголовное дело по факту инцидента в воспитательной колонии по четырем статьям УК РФ. Дело возбуждено также по ст. 206 УК РФ (захват заложника) и ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов). Ранее сообщалось о возбуждении уголовного дела по ст. 105 УК РФ (убийство) и ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки). Уголовное дело принято к производству следственным управлением по Свердловской области. На место происшествия выехала следственно-оперативная группа. Проводится расследование.

В Кировград направлена также комиссия Минюста РФ для проверки всех обстоятельств произошедшего. Уполномоченный по правам человека Свердловской области Татьяна Мерзлякова также выехала в колонию Кировграда, чтобы на месте изучить обстоятельства беспорядков.

Причиной беспорядков в воспитательной колонии в Кировграде стало нежелание части осужденных переходить во «взрослую» колонию, поскольку в воспитательных колониях для несовершеннолетних условия содержания лучше.

Российские правозащитники намерены провести независимое расследование инцидента в колонии.

Ленинградская область

29 октября

Массовые беспорядки произошли 25 октября в колонии **общего режима в Металлострое (Колпино)**. Локализовать их удалось в ходе переговоров заключенных и руководства ГУ ФСИН по Петербургу и Ленобласти. «Коллег» из Металлостроя поддержали в 3-й колонии в Форносово – около полутора тысяч человек не вышли на вечернюю поверку. Накануне здесь около 500 заключенных отказались от приема пищи. В ГУ ФСИН уверены, что все происходящее – результат подрывной деятельности вольного криминалитета в канун выборов. Заключенные утверждают, что все это – «дела семейные», которые не несут в себе такого глобального подтекста.

Беспорядки в Металлострое начались днем. После обеда в помещении штрафного изолятора (ШИЗО) палками были избиты несколько заключенных. (По официальной версии, это был всего лишь слух.) Заключенные двинулись в сторону ШИЗО. По дороге было разбито стекло в дежурной части и подожжено несколько «будок», которые делят зону на локальные участки. До кровопролития не дошло.

От заключенных известно, что они успокоились, когда фсиновцы пообещали им уволить неугодного зама и еще ряд особо ретивых сотрудников колонии. По официальным данным, инцидент был исчерпан после разъяснительной работы, которую провел с заключенными лично начальник питерского ГУ ФСИН Владимир Маленчук.

По факту произошедшего будет проведена служебная проверка. Уголовное дело возбуждено по статье 212, часть 2, УК РФ (участие в массовых беспорядках).

Заключенные ИК № 5 в Металлострое написали коллективное заявление в адрес правозащитной организации «За гражданские права», подписи под ним поставили около 300 человек. Однако передать письмо они не могут. По данным правозащитников, в заявлении указываются истинные причины, приведшие к бунту в колонии, – ужесточение режима, издевательское отношение к осужденным, участвовавшим в избиениях и т. д.

Самарская область

6 ноября

В тольяттинской воспитательной колонии для несовершеннолетних преступников ее воспитанники накануне попытались устроить беспорядки. Ситуацию удалось нормализовать без применения силы, сообщил Юрий Калинин.

«Прошедшей ночью группа из примерно десяти осужденных несовершеннолетних, настроенных негативно, взобралась на крышу, заманив туда уговорами и угрозами еще несколько десятков подростков, и попыталась устроить акцию неповиновения. Для того чтобы ситуация не вышла из-под контроля, к колонии были подтянуты дополнительные силы, но, к счастью, обстановка нормализовалась без каких-либо серьезных последствий и пострадавших», – рассказал Калинин. По его словам, подавляющее большинство осужденных подростков, а их в этой колонии 270 человек, не поддержали зачинщиков. Сперва молодых людей попытались уговорить спуститься, но затем была вызвана группа спецназа, которая спустила их оттуда силой. При этом оружия и спецсредств не применяла, за исключением нескольких шумовых гранат.

По факту противоправных действий и призывов к неповиновению возбуждено уголовное дело.

Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин пообещал приложить все усилия для расследования обстоятельств инцидента в колонии для несовершеннолетних в Тольятти. По его мнению, серия подобных инцидентов говорит о серьезных проблемах в колониях, а также о том, что «влияние криминалитета извне ложится на благоприятную почву этих проблем».

Астраханская область

15 ноября

Волнения в ИК № 10: недавно возле исправительной колонии общего режима № 10 собрались родственники заключенных. По словам матерей и жен, за стенами колонии их дети и мужья подвергаются избиению. По информации родственников, полученной от осужденных, в колонию несколько раз приезжал спецназ и избивал их. Родственники сообщают: «Спецназ якобы проводит учения. На наших детях и мужьях тренируются, как на живых манекенах. Родные попросили нас прийти к зданию колонии, встать живой стеной и не пропустить спецназ. В день нашего прихода спецназ не приехал, наверное, мы их спугнули».

Выходом из этой ситуации родственники заключенных видят создание родительского комитета – зарегистрированной в Минюсте об-

щественной организации, куда бы заключенные смогли обратиться и пожаловаться без страха и опасений.

Заместитель начальника УФСИН по Астраханской области полковник Владимир Куликов заверил, что никаких фактов избиения в исправительной колонии № 10 не было, что подтверждают проверки прокуратуры, а также правозащитные организации города, замначальника УФСИН России и другие источники.

В тревожную ситуацию вмешался Уполномоченный по правам человека. По его поручению в исправительную колонию общего режима № 10 выехал руководитель аппарата Даниар Батрашев. Заключенных по громкоговорящей связи оповестили о прибытии представителей Уполномоченного, предложили лично подать жалобу. Но из всех осужденных обратилось только три человека. Причем, по словам Даниара Батрашева, их пояснения по якобы случившейся ситуации противоречили друг другу. Проверяющие обратились в медчасть, где предложили заключенным показать следы избиений, но таковые тоже отсутствовали. Что же породило слухи об «избиениях»?

Свое мнение о волнениях «отрицательно настроенных заключенных» высказал сотрудник одной из астраханских колоний: «Я считаю, что до Астрахани докатилась всероссийская волна неповиновения. В некоторых случаях поводом для возмущений заключенных становятся плохие условия содержания, в той же «десятке» не хватало спальных коек... Наведение и ужесточение порядка на зонах не нравится криминалитету».

Руководитель аппарата Уполномоченного по правам человека Даниар Батрашев, комментируя ситуацию вокруг ИК № 10, сказал: «Уполномоченный по правам человека еще раз обратил внимание на то, что необходимо строго и неукоснительно соблюдать права осужденных, уважать достоинство личности. Уполномоченный намерен в самое ближайшее время поставить перед руководством УФСИН по Астраханской области вопрос об общественных советах при исправительных учреждениях. Создание таких советов полезно со всех точек зрения – это и помощь осужденным в их социально-бытовом обустройстве, и гражданский контроль над местами заключения. Что касается жалоб и претензий, то, если имеются конкретные факты, сами осужденные и их родственники могут обращаться с заявлениями к Уполномоченному по правам человека».

Эксперты о конфликтных ситуациях в колониях и о правомерности секций дисциплины и порядка

Читателю предлагаются мнения, которые были высказаны на Общественных слушаниях «Российская практика содержания заключенных: наследие нацизма и ГУЛАГа?» 23 ноября 2007 года.

Валерий Абрамкин

Начиная с 2003–2004 года регулярно стали поступать сведения, что в системе исполнения наказаний начали возрождаться гулаговские и даже нацистские традиции. Это установлено на основе контент-анализа писем заключенных.

Трансформация тюремной субкультуры началась одновременно с ужесточением пенитенциарной политики «исправительно-трудового законодательства» (1961 год). В ходе кампании по «искоренению преступности» (приуроченной к построению коммунизма), проходившей под лозунгом «преступник должен почувствовать презрение всего общества», лагеря (переименованные в колонии) превращаются в учреждения предельно закрытого типа¹, в зонах тщательнейшим образом уничтожаются все приметы и знаки вольного (относительно вольного, конечно, поскольку его называли большой зоной) мира, начинается процесс отторжения «тюрьмы» от «воли».

Произошла предельная регламентация всех сторон жизни заключенных, были установлены самые суровые режимные ограничения. Часть из них (количество отправляемых на волю писем, свиданий, получаемых посылок и передач) предельно сократила возможность контактов заключенных с «волей» (даже с родными и близкими). Вводится система жестких дисциплинарных взысканий (например, лишение

¹ В середине 50-х годов большая часть лагерей по существу стали учреждениями полуприкрытого типа (по режиму, условиям содержания и т. п.).

свидания, права получать посылки, приобретать продукты в «ларьке», восстанавливается институт клеймения: стрижка наголо (для мужчин), форменная одежда (женщинам, например, выдают солдатские рубашки и кальсоны, лишают их права на «дамские туалеты» вплоть до дневных и ночных рубашек – это тоже относится к клеймению, и весьма изощренному). Радикально меняются технологии управления массой заключенных. Происходит усиление оперативных служб, использующих не только агентов, но и палачей («прессовщиков»).

Именно в это время создаются так называемые «самодеятельные организации осужденных», которым передается часть официальных полномочий персонала и функции, выходящие за пределы официальных полномочий, что позволяет сильно расширить набор латентных способов подавления заключенных. В отличие от оперативных служб «готовность» вступить в «самодеятельные организации осужденных» закрепляется публично – через нашивки, нарукавные повязки, подписи под заявлениями о вступлении во «внутреннюю полицию» и т. п. Появляется институт номенклатурных должностей, которые могут занимать только «вставшие на путь исправления». Как показывают результаты наших исследований, открытое (публичное) закрепление сотрудничества с администрацией через «органы самоуправления» оказывается еще более разрушительным для личности заключенного, чем тайное (секретное обязательство по агентурной работе).

Проблемы, возникающие (постепенно) из-за «новой субкультуры» имеют отношение не только к местам лишения свободы («культурная конфронтация» между арестантским сообществом и персоналом учреждений, разидентификация сотрудников и т. д.), но и к другим сферам жизни общества (армия, преступность и т. д.). Как это ни странно, попытка «воли» отгородиться от «тюрьмы», привела к усилению влияния тюремных нравов и обычаев на все слои вольного населения, «приватизации» и криминализации российского общества.

Проводимая сейчас в России пенитенциарная политика, кроме отдаленных возможных последствий, угрожает безопасности местного населения, приведет к росту уровня насилия и жестокости в обществе: «капо» (члены «секций дисциплины и порядка») и те, над кем они измывались-издевались, выходят на свободу духовно покалеченными.

Руководство ФСИН признает только одну причину бунтов – происки криминальных авторитетов или правозащитников. Пока оно будет занимать эту позицию, улучшений не будет.

Мара Полякова

Мы заслушали свидетелей, бывших заключенных, которые рассказали, к каким криминальным последствиям приводит реализация инструкции, позволяющая возлагать на отбывающих наказание обязанности администрации ИТУ по наведению порядка и поддержанию дисциплины. Представитель УФСИН призывал не доверять этим свидетельствам лишь потому, что они даны людьми, осуждавшимися ранее за преступления. Однако для меня как для юриста это не аргумент. Каких-либо доказательств их лжесвидетельств приведено не было.

Но даже если в свидетельствах бывших заключенных не все достоверно, сама постановка вопроса недопустима с юридической точки зрения. Нельзя перекладывать на заключенных обязанности администрации.

Мы нарушаем таким образом конституционные принципы, права человека.

Представитель УФСИН ссылаясь на соответствие инструкции международным документом. Однако это неверное утверждение, тем более с учетом толкования, которое ему придается практикой, приводящей к насилию со стороны одних заключенных в отношении других.

Нас беспокоит такое положение дел. Существует ли решение этой проблемы?

У нас надзор за обеспечением прав заключенных входит в обязанности прокуратуры. Судя по тому, что нам известно о положении дел в местах лишения свободы, надзор прокуратуры не оказался эффективным.

Мне известно, как в Великобритании обеспечиваются права заключенных. Там нет прокуратуры, функцию контроля выполняет общественность. Она пользуется колоссальным доверием и у представителей пенитенциарной системы, и у заключенных. Я была потрясена, когда вместе с представителями общественности (они именуются визитерами) посещала тюрьмы. Им дают ключи от всех блоков, включая те, в которых содержатся осужденные к пожизненным срокам. В тюрьмах висят ящики, куда заключенные опускают свои жалобы, и никто, кроме представителя общественности, не имеет доступа к этим ящикам. Если в тюрьме происходит какое-либо ЧП, если осужденного заключают в штрафное помещение, администрация обязана немедленно, в течение суток, сообщить об этом визитеру. Эта система имеет вековые традиции, опыт, она весьма эффективна и экономична. Ведь визитеры не получают от государства никакой зарплаты. Уже много лет находится в Государственной Думе законопроект, который очень близок к тому, что делается в Великобритании. Этот законопроект пред-

полагает учреждение в России института общественного контроля за содержанием лиц, изолированных от общества. Необходимо добиваться его принятия как можно скорее. И конечно же немедленно должны быть ликвидированы секции по наведению порядка и дисциплины.

Тамара Морщакова

Для оценки этой ситуации даже не нужно выяснять такие глубокие закономерности, о которых сейчас говорили и которые определяют отношения криминального мира и тех, кто занимается преодолением всего, связанного с криминалом. Я вижу в вопросе, который сегодня обсуждается, проявления тех болезней, какими поражено общество в целом и в частности власть, которая должна исполнять свои обязанности и в деле организации исправительно-трудовых учреждений.

Первая болезнь – это безответственность, вторая – стремление облегчить себе выполнение собственных задач. Ведь для исполнителя всегда проще использовать не строго соответствующие закону методы, а произвол. И то и другое, с точки зрения поставленных правовых целей, абсолютно недопустимо. Разве администрация тех учреждений, где не вполне благополучно, исходит из других побуждений? Она хочет облегчить себе задачу, и она использует произвол. Это возможно только в силу их безответственности, безответственности не только нравственной, но и правовой.

Именно поэтому я думаю, что, если общество не проявит достаточной воли и мужества, если мы все-таки не сумеем реализовать идеи общественного контроля над пенитенциарной системой, мы вряд ли можем надеяться на то, что власть сама справится с этими методами прокурорского надзора, методами судебного надзора, методами привлечения работников пенитенциарной системы к какой-либо дисциплинарной ответственности. Этого не будет, если не будет создан механизм социального контроля. Пока его нет. И пока его нет, все, что написано в области права на примерах исправительных учреждений, явно демонстрирует нам, что право – это факультет ненужных вещей. Когда-то, в 60-е годы, общество соглашалось с мыслью, что право должно стать чем-то реальным. Без социальной поддержки мне представляется это невозможным.

Сергей Ковалев

Само существование секций дисциплины и порядка грубо противоречит фундаментальным понятиям о праве. В правовом государстве не может быть такой дифференциации подвергнутых наказанию, ког-

да одни несут наказание, а другие имеют функцию наказывать тех, кто, как и они, несут наказание. Такое бывало у нас – в один из периодов советской истории существовали зоны самоохраны, когда заключенные получали в руки оружие и несли охрану зоны. Это был короткий период, но он был.

Сам принцип никуда не исчезал, и речь идет только о подлой, кровавой, жестокой его иллюстрации. Пусть простят меня нынешние сидельцы, что их боль – это якобы просто иллюстрация, но все же это действительно иллюстрация к той атмосфере, в которой мы все существуем.

Раньше уголовно-исполнительное право называлось уголовно-исправительным... Я очень хорошо помню, как мы в первом парламенте пытались, иногда не совсем безуспешно, реформировать это уголовно-(тогда еще) исправительное право.

Вопрос в том, чему учит исполнительная или исправительная система тех, кто туда попадает? Она ни в коем случае не учит осужденных уважению к закону. Она учит их прямо противоположному. Чему учат нас и тут, в большой зоне, как это раньше называлось. Закон у нас (что бы там ни говорил президент о диктатуре закона) – это не то, что работает, это то, что прилично иметь и делать вид, будто оно работает.

Я приведу вам конкретный пример из пенитенциарной практики. К нам на зону приехал надзирающий прокурор. Он сказал: «Я запрещаю вам в ваших жалобах ссылаться на Конституцию. Имейте в виду, что заявления, в которых будут ссылки на Конституцию, я рассматривать не буду. Конституция, – сказал он, – написана не для вас, Конституция написана для американских негров, она написана для того, чтобы эти негры понимали, как хорошо живут люди в Советском Союзе». Самое страшное в этом примере – то, что это не было издевательством. Он говорил, как думал, а думал, что так оно и должно быть.

Я мог бы доказать как дважды два четыре, что наша ныне действующая, а точнее бездействующая, Конституция работает точно так же. Имитации закона, которой нас учит власть в большой зоне, в малой зоне учат гораздо более «конкретно», зримо и осязаемо, осязаемо ребрами и другими частями тела. Здесь мы получаем более мягкие уроки, в зоне – другие. Но на самом деле в зоне царит произвол, в зоне каждый попавший туда отлично понимает, что все нацелено на то, чтобы сломать тебя и направить к послушанию, а не к тому, чтобы ты начал понимать требования закона и как сознательный гражданин стал придерживаться их в жизни. Так всегда было в советской исполнительной системе.

Мара Федоровна Полякова совершенно справедливо привела иные примеры. У нас в Отечестве всегда царил произвол, и Юрий Иванович

Калинин вовсе не скрывал этого в ту пору, когда мы часто общались с ним по поводу пенитенциарных проблем. Он дневал и ночевал в первом Верховном Совете, были тяжелые времена, и его усилия были направлены в правильную сторону. Периметр должен освещаться, для этого нужны деньги на лампочки, заключенных надо кормить, осужденный имеет право на трехразовое питание по известным нормам, значит, нужны деньги. Но как только мы начинали с ним разговор о концепции этой системы, так Юрий Иванович сразу говорил: «Нет, извините, я по своей биографии оперработник, стукачи необходимы, и секции дисциплины и порядка (тогда они назывались несколько иначе) тоже совершенно необходимы». То есть необходимо деление на помощников администрации и противников администрации, на вставших на путь исправления и не вставших на путь исправления. Это альфа и омега нашей тюремной системы. И эту систему надо взорвать вместе с системой имитации права в целом.

Людмила Алексеева

Мы посвятили эти слушания секциям дисциплины и порядка именно потому, что учредители Фонда помощи заключенным и правозащитники считают, что именно с этого звена следует начинать изменения в нашей пенитенциарной системе. Это и нарушение прав заключенных, и растрепанность людей, которые там находятся, прежде всего тех, кого забирают в секцию, – они выходят сломленными, они выходят не способными жить нормальной человеческой жизнью по закону. Но и тем, кто подвергается давлению и не вступает в эти секции, ломают не только ребра, но и психику. Я хочу присоединиться к Маре Федоровне Поляковой и Тамаре Георгиевне Морщаковой – я не вижу иного выхода, кроме общественного контроля за нашей пенитенциарной системой.

Юрий Иванович Калинин делает все возможное, чтобы общественные представители не попадали именно в те места заключения, откуда у нас больше всего жалоб. Пожалуйста, приезжайте, но только в те учреждения, которые они выберут, и в то время, которое они выберут, чтобы их заранее предупредили, чтобы убрать матрасы с клопами, покрасить что-то, а главное, убрать тех заключенных, которые могли бы нам честно рассказать, что там происходит. Хотя, конечно, по сравнению со сталинскими временами, когда ничего узнать было невозможно, теперь не так: нам люди пишут, мы знаем те колонии, в которых хуже всего с соблюдением прав заключенных. И с этим Юрий Иванович Калинин пока ничего не сможет поделать. Мы будем знать о том, что происходит в лагерях. А если будем знать, то скорее, в конце концов чего-то добьемся...

Генри Резник

Для меня, в силу моей профессии, секции дисциплины и порядка – безусловное зло. Это нарушает фундаментальные основы права. Производится селекция в однородной в правовом отношении массы. Люди попали туда за совершение преступления. Из них выделяются люди, которые должны обеспечивать дисциплину и правопорядок.

Если это называется «секция дисциплины и правопорядка», то люди идут туда исполнять надзирательские функции. Это изначально порочная идея. Сам этот порядок раскручивает развитие определенной психологии, мол, мы – активисты, мы живем правильно, а это – другие, преступники, в отношении которых нужно осуществлять подавление.

Как человек, кое-что понимающий в криминологии, я могу сказать: люди в местах заключения оказываются не потому и не только потому, что они совершили преступление. Есть преступная личность, но это маленькая часть, она имеет определенные природные склонности, но в основном попадают туда люди, отличающиеся от нас лишь тем, что они совершили преступление, а чаще всего тем, что их изобличили в совершении преступления.

Знаю опросы, которые проводили в Европе, и в Америке, и у нас, и там спрашивали: «Совершали ли вы когда-либо в своей жизни какие-нибудь преступления?» Большинство ответили «да»... И надо понимать, что за решеткой – точно такие же люди.

В той же кировоградской колонии, где произошли всем известные кровавые беспорядки, очень хорошие условия... Там есть школа, там можно приобрести специальность, там спортивный зал, баскетбольная площадка, а три года назад хоккейную площадку залили. И причина этого страшного бунта, действительно страшного (там погромили все – и спортзал, и продуктовый магазин), причина этого бунта при вполне приличных материальных условиях в том, что не обеспечивается атмосфера уважения к человеческой личности. В буклете об этой колонии есть одна фраза, которая полностью соответствует установкам системы исполнения наказаний. Там сказано о требовании **беспрекословного** послушания. Что значит «беспрекословное»?!

Сейчас, чтобы обеспечить нормальную жизнь в местах лишения свободы, чтобы обеспечить возврат этих людей в общество, необходимо перестроить психологию и методы управления колонией внутри. В частности, прекратить вербовку людей, которые вместо администрации должны обеспечивать дисциплину и порядок, выполняя функции администрации и за это получая определенные привилегии. Секции дисциплины и порядка – это ненормально.

Беспредел в законе

О законодательном обеспечении секций дисциплины и порядка

В последнее время поступает все больше сообщений о беспорядках и акциях протеста в учреждениях Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН) РФ. В правозащитные организации приходят многие сотни, если не тысячи, обращений от заключенных и их родственников, сообщающих о грубых и систематических нарушениях прав человека. Анализ обращений позволяет выявить, что среди основных причин происходящего – **секции дисциплины и порядка** (СДиП), «самодеятельные организации» осужденных, создание которых прямо предписано действующим законодательством (ст. 111 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) РФ).

Существует представление, что нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность СДиП, дескать, вполне конституционны, а все беззакония – результат эксцессов исполнения на местах, как любят говорить, «результат конкретных нарушений конкретных лиц». Именно так обычно утверждают представители Минюста и Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН РФ).

Это непоколебимая официальная позиция пенитенциарного ведомства. Современные российские правоведа рассуждают так: «Система исполнения уголовных наказаний в недалеком прошлом советских исправительно-трудовых лагерей пережила период, когда одни осужденные повсеместно наделялись административно-распорядительными функциями по отношению к другим. Отсутствие надлежащего контроля за их деятельностью приносило в ряде случаев беды и страдания для основной массы отбывающих наказание. Действующий закон запрещает предоставлять членам самодеятельных организаций допол-

Е. Ихлов – руководитель Информационно-аналитической службы ООД «За права человека».

нительные льготы и наделять их полномочиями администрации исправительного учреждения.

Как пример можно даже привести тот аргумент, что осужденные имеют право объединяться против засилья блатных. Однако все эти благие намерения разбиваются о реальность, а именно, превращение части осужденных – при содействии администрации – в некий эквивалент *«капо»* в нацистских концлагерях (сравнение В. Абрамкина) или *«полицаяв»* на оккупированной территории (сравнение Г. Резника).

Выступая на проведенных 23 октября Фондом «В защиту прав заключенных» и другими правозащитными организациями в Центральном доме журналистов Общественных слушаниях, «Российская практика содержания заключенных: наследие нацизма и ГУЛАГа?», Т. Морщакова, Г. Резник и М. Полякова констатировали антиконституционный характер не только разделения осужденных на две различные «касты» с различными правами, но и само наименование секции «дисциплина и порядок», поскольку поддержание правопорядка и связанное с этим принуждение – исключительная прерогатива государства.

Однако, если углубиться в тексты УИК РФ и ведомственных документов, то в них обнаруживается глубокое внутреннее противоречие и, более того, существуют нормативные положения, которые прямо провоцируют на незаконную деятельность членов СДиП.

Рассмотрение проблемы СДиП необходимо начать с другого законодательного положения, буквально обрекающего администрацию на стравливание осужденных. Речь идет о норме ст. 84 УИК РФ (Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях): «1. В соответствии с законодательством Российской Федерации в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность, задачами которой являются: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; **содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.** 2. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными аппаратами исправительных учреждений, а также другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции».

Поэтому, чтобы узнать у осужденного то, что он тщательно скрывает, а именно, ранее совершенное преступление, администрация оказывается вынуждена:

а) вербовать осведомителей-provokаторов, функции которых радикально отличаются от простого информирования о готовящемся или совершенном нарушении закона и внутреннего распорядка;

б) поощрять оказание психологического и иного (в том числе физического) давления на осужденных с целью получения от них «явок с повинной» – действия, которые удобнее проводить руками заключенных.

Теперь, учтя все вышесказанное, обратимся непосредственно к статье 111 УИК РФ (Самодетельные организации осужденных к лишению свободы): «1. В исправительных учреждениях создаются самодетельные организации осужденных к лишению свободы, которые работают под контролем администрации исправительных учреждений. 2. Участие осужденных в работе самодетельных организаций поощряется и учитывается при определении степени их исправления. 3. Основными задачами самодетельных организаций осужденных являются: оказание осужденным помощи в духовном, профессиональном и физическом развитии; развитие полезной инициативы осужденных; оказание позитивного влияния на исправление осужденных; участие в решении вопросов организации труда, быта и досуга осужденных; **содействие администрации исправительных учреждений в поддержании дисциплины и порядка**, формировании здоровых отношений между осужденными; оказание социальной помощи осужденным и их семьям. Перед самодетельными организациями осужденных могут стоять и иные задачи, не противоречащие целям, порядку и условиям отбывания наказания. 4. Члены самодетельных организаций осужденных не пользуются дополнительными льготами. Самодетельные организации осужденных и их члены не могут обладать полномочиями администрации исправительного учреждения. 5. Порядок формирования и деятельности самодетельных организаций осужденных определяется Министерством юстиции Российской Федерации. 6. В исправительных учреждениях из числа положительно рекомендовавших себя осужденных создаются советы коллективов исправительных учреждений. В исправительных учреждениях могут создаваться и иные самодетельные организации осужденных, если их деятельность направлена на решение задач, указанных в части третьей настоящей статьи. 7. В тюрьмах и среди осужденных, содержащихся в помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, самодетельные организации не создаются».

Таким образом, даже из этого вытекает, что на осужденных-«секционистов» закон возлагает участие в поддержании дисциплины и порядка, то есть прямые функции правоохранительного характера, приблизительно совпадающие с функциями Добровольных народных дружин (ДНД). Но члены ДНД законодательством выделены в особые условия, чего нет и не может быть в отношении членов актива колоний.

А ведомственные акты еще больше расширяют права членов СДП. Формально даже не все сотрудники администрации наделяются такими полномочиями, а именно – вести воспитательную работу.

Вот «Положение о порядке формирования и деятельности самостоятельных организаций осужденных в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний:¹ ...5. Участие осужденных в работе самостоятельных организаций поощряется и учитывается при определении степени их исправления.

В характеристиках, направленных администрацией учреждения в суд для решения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, помиловании, изменении вида ИУ, предоставлении права передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ, а также проживания за пределами территории ИУ, замене неотбытой части наказания более мягким, а также при рассмотрении вопросов об изменении условий отбывания наказания, предусмотренных видом режима данной колонии, отражается участие осужденных в деятельности самостоятельных организаций.

6. Самостоятельные организации осужденных и их члены не могут обладать полномочиями администрации учреждения. Направления их деятельности, права и обязанности руководящих органов и членов самостоятельных организаций осужденных определяются в соответствии с настоящим Положением с учетом вида ИУ и конкретных условий его функционирования. 7. Основными задачами самостоятельных организаций осужденных являются: оказание осужденным помощи в духовном, профессиональном и физическом развитии; развитие полезной инициативы осужденных; оказание позитивного влияния на исправление осужденных; участие в решении вопросов организации труда, быта и досуга осужденных; **содействие администрации ИУ в поддержании дисциплины и порядка**; формирование здоровых отношений между осужденными; оказание социальной помощи осуж-

¹ Утверждено Приказом Министерства юстиции РФ от 8.06.2005 года № 79, Зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 22.06.2005 г. № 6742.

денным и их семьям. Перед самостоятельными организациями осужденных могут стоять и иные задачи, не противоречащие целям, порядку и условиям отбывания наказания.

II. Основные организационные формы самостоятельных организаций осужденных

8. Самостоятельные организации осужденных учреждения, как правило, состоят из советов коллективов осужденных отрядов и совета коллектива осужденных учреждения.

9. При совете коллектива учреждения с целью общего руководства активом общественных формирований осужденных создаются: **секция дисциплины и порядка**; секция общеобразовательного и профессионального обучения; секция трудовой адаптации; секция пожарной безопасности; секция досуга, совета клуба и библиотеки; физкультурно-спортивная секция; секция общественных корреспондентов многотиражной газеты, редакции стенгазеты учреждения; секция социальной помощи; другие секции.

10. При совете коллектива отряда для руководства и проведения повседневной деятельности создаются: **секция дисциплины и порядка**; секция трудовой адаптации; секция пожарной безопасности; санитарно-бытовая секция; секция досуга; секция общеобразовательного и профессионального обучения; физкультурно-спортивная секция; другие секции...

33. Члены секции дисциплины и порядка посредством **рейдов**, а также бесед с лицами, допускающими нарушения установленного порядка отбывания наказания, проводят работу по: **поддержанию дисциплины и порядка среди осужденных** в жилой и производственной зонах, столовой, учебных классах и местах отдыха; формированию у осужденных уважительного отношения к человеку, общественным нормам, правилам и традициям человеческого общежития; созданию в учреждении (отряде) здорового морально-психологического климата; **воспитанию осужденных** в духе соблюдения законности; **стимулированию правоупотребительного поведения**. Руководитель секции дисциплины и порядка присутствует на заседании комиссии учреждения по вопросам постановки и снятия осужденных с профилактического учета».

Обратим внимание, что в дополнение к правам, данным «активистам» законом, подзаконный акт (Приказ) дает им право на проведение рейдов (а это однозначно правоохранительная функция), а также идеологические (воспитательные) функции. Зададим себе вопрос: каким образом члены СДиП могут стимулировать других осужденных, если закон формально их самих не наделяет никакими привилегиями? Или быть небитым и не «опущенным» – это само по себе отменный стимул?!

Валерий Абрамкин

Колпинские горки

Три года назад в Колпинской воспитательной колонии (далее – КВК), расположенной неподалеку от Санкт-Петербурга, поставили спектакль «Записки из мертвого дома» (по мотивам произведений Достоевского). Мальчикам в работе над спектаклем помогали сотрудники Музея Достоевского, профессиональные режиссеры и актеры Санкт-Петербурга. Спектакль показывали дважды: вначале в колонии, потом «для воли» – в Музее Достоевского¹.

Эта работа дала очень многое не только подросткам, но и взрослым, которые участвовали в этом проекте.

«Больше всего мне было жалко мальчика, у которого умерла мама, и он остался раздетым и голодным среди богатых и пирующих людей, которые думают только о себе. Я надеялся, что кто-нибудь ему поможет. Но он замерз на улице. Как тяжело и больно сознавать, что ты никому не нужен, что тебя нигде не ждут. И только после смерти ты можешь попасть в прекрасный мир любви и добра» (воспитанник КВК, зритель).

«Во время работы над спектаклем я испытывал необыкновенные чувства, мне казалось, что я не в зоне, а на воле...» (воспитанник КВК, актер).

«Мы острее почувствовали одну из главных идей автора «Записок из мертвого дома»: тюрьма, тем более в том виде, в каком она существует в России, не только бесчеловечна, но и бессмысленна. Тюрьма, особенно для подростков, не способна решить декларируе-

В тексте использованы сюжеты из радиопередач «Облака» в эфире «Радио России».

¹ <http://www.prison.org/clouds/clouds635.shtml>

мые задачи наказания в виде лишения свободы: исправление правонарушителя, предотвращение преступлений, снижение уровня зла, насилия и жестокости в мире...

Мальчики, может быть, потому с нами были близки и к нам хорошо относились, что мы вообще не задумывались о том, преступники ли они, мы работали с ними просто как с детьми...

*За полгода до нашего прихода воспитанники этой колонии делали гробы – такое зловещее *temento mori*» (заместитель директора Музея Достоевского Вера Бирон).*

Начальник Главного управления исполнения наказаний по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Валерий Александрович Заборовский тогда же в интервью корреспонденту «Облаков» рассказал о переменах, которые произошли в КВК за год совместной работы над спектаклем «Записки из мертвого дома»:

«При первом посещении в 2002 году Колпинская колония произвела на меня впечатление запущенного отстойника: все грязное, обшарпанное, разбитое, дети неухоженные, сами сотрудники как попали одетые, никакого интереса нет в глазах – не то что блеска... полное равнодушие – это самое страшное.

Сейчас у нас не проходит недели, когда бы колонию не посещали общественные организации, всевозможные творческие коллективы... Я надеюсь, что те зерна, которые были брошены в "тюремную землю", будут прорасти, они должны дать всходы, привести к благим переменам не только в Колпинской колонии, но и в уголовно-исполнительной системе всей страны».

На какое-то время Колпинская колония стала образцом открытости для представителей различных общественных организаций и религиозных конфессий, родных и близких воспитанников...

Но это время прошло.

Сигнал тревоги пытались подать родители нескольких воспитанников колонии. Они рассказывали о беспределе, который царит в КВК, просили спасти детей... По словам родителей, кардинальные перемены в жизни колонии начались летом этого года, когда начальником был назначен Анатолий Александрович Долгов.

Приведем только три истории.

Лариса Анатольевна Берман и ее приемный сын – воспитанник КВК Платон Дмитриев. С Платоном вначале познакомился муж Ларисы Ана-

тольевны Александр Иванович, который случайно оказался с мальчиком в одной камере СИЗО «на Лебедева»². Платон – круглый сирота из города Волхова, в школе никогда не учился, бродяжничал. В конце 2004 года Александр Иванович был освобожден из следственного изолятора. Он рассказал жене о Платоне, и, несмотря на то что у них в семье уже было трое собственных детей, в январе 2005-го они начали хлопотать об усыновлении Платона.

Лариса Анатольевна стала бывать у мальчика, помогала, чем могла. Администрация колонии не только препятствий не чинила, но и с восторгом отнеслась к решению супругов Берман усыновить Платона; кто-то из руководства КВК даже назвал их поступок подвигом. Руководство колонии обещало ходатайствовать о досрочном освобождении Платона, как только подойдет время для обращения в суд. Ни одного взыскания до лета 2007 года у Платона не было, только поощрения...

Вот, что сообщает Лариса Берман:

«В колонии жизнь шла почти как на воле, никаких эксцессов я никогда не наблюдала. Часто проводились “родительские дни” и другие мероприятия, на которые меня обязательно приглашали. Свидания нам давали, даже личные. Платон снимался в фильме “Казнить нельзя помиловать”, потом из комиссии по помилованию пришла в колонию просьба помочь мальчику освободиться поскорее.

Но весной этого года в колонии стало меняться руководство, появились новые оперативники... Мальчики, которым уже немного оставалось до УДО, рассказывали мне, что с них стали требовать деньги: “Тебе, говорят, до УДО осталось совсем немного, если хочешь освободиться, плати ежемесячно 10 тысяч рублей, не будешь платить – мы тебе оформим любые нарушения, ты и в колонию для взрослых со взысканиями пойдешь...”»

«Закон гласит, что только “отрицательные” до 21 года могут отправляться из ВК во взрослую колонию. Так теперь они всех мальчишек после 18 лет делают отрицательными. Пишут им всем характеристики, а для надежности “устраивают” им такие нарушения, за которые можно посадить в ДИЗО: подбрасывают наркотик в постель, подкладывают какие-то палки, ловят их на территории – не там прошел, не туда посмотрел. Причем все это делается абсолютно и в массовых масштабах. Мальчишки живут сейчас в

² Так называют в Санкт-Петербурге СИЗО для малолеток, туда же иногда помещают и взрослых заключенных, которые ожидают рассмотрения своего дела в кассационной инстанции.

моральном шоке: они боятся даже выходить на улицу, не знают, куда им ступить, куда сесть – этого нельзя, туда нельзя... И чем это все закончится – очень трудно сказать».

В соответствии с действующим законодательством, воспитанников, не допускающих грубых нарушений, обычно оставляют в колонии до 21-го года. В ВК больше шансов освободиться досрочно (или, как говорят, «уйти по УДО»), чем в учреждениях для взрослых. Кроме того, перевод из одного учреждения в другое – тяжкое испытание и для взрослого арестанта, а для молодого человека этап – это сильнейшая психологическая травма. Да и с досрочным освобождением в колонии для взрослых – свои сложности. Поэтому родители воспитанников, при возможности, выплачивали назначенную за родного ребенка «дань».

Родители колпинских мальчиков рассказывают, что сотрудникам колонии дается что-то вроде планового задания на отлов «отрицательных» (так называют нарушителей), которым исполнилось 18 лет.

В октябре 2007 года в КВК проходила проверка, и никаких серьезных нарушений законности обнаружено не было. Елена Куликова, мама одного из воспитанников колонии, узнала о том, как готовилось к проверке колпинское руководство:

«11 октября должна была приехать в колонию московская комиссия. А 10 октября выбрали таких мальчишек, которые могли пожаловаться комиссии на то, что там, после прихода нового начальника, происходит, и вызвали на КП, даже без личных вещей. И моего Дениса тоже.

Потом спецэтапом вывезли их в больницу Гааза. Почему спецэтапом? Потому что этапный день (по графику) – четверг, а 10-е – это среда.

В больнице мальчиков держали в изолированном боксе инфекционного отделения под предлогом проверки на туберкулез. Ни с того, ни с сего именно у этих 18 человек “подозрение на туберкулез”.

Я, как только узнала об этом, пошла к начальнику колонии Долгову. Он обещал, что мой сын пройдет обследование и вернется обратно, скоро вернется. Денис уже прошел комиссию, которая решает вопрос: оставлять ли осужденного в ВК или отправить его во взрослую колонию. Решение комиссии было положительным, поэтому я Долгову и поверила. Но из больницы моего сына отправили на этап, сейчас он уже в Туле.

Мало того что Долгов не сдержал своего слова, он вслед за Денисом отправил бумагу о том, что Денис якобы конфликтует с сотрудниками колонии и настраивает других воспитанников против началь-

ства. Такие же характеристики сейчас пишут всем воспитанникам, кому 18 лет исполнилось. И как мальчишкам жить теперь дальше? Уйти с такой характеристикой по УДО практически невозможно. Денис мог бы уйти по УДО из Колпинской воспитательной колонии, а теперь он вынужден будет сидеть до конца срока. Всю жизнь перечеркнули, искалечили этим мальчишкам, вывезенным таким подлым образом. Они просто хотят из детей сделать уголовников».

Бьет тревогу и Татьяна Михайловна, чей сын Олег до прихода нового начальника Колпинской колонии имел одни поощрения. Незадолго до того, как Олегу должно было исполниться 18 лет, его самыми изощренными способами стали превращать «в злостного нарушителя режима содержания»:

«На прошлой неделе я поехала в колонию на свидание. И вдруг сын мне говорит:

– Я недавно вышел из ДИЗО.

Я спрашиваю:

– Как из ДИЗО, ты же никогда ничего не нарушал?

Олег говорит:

– Они у меня в кровати нашли железяку.

– Как же так, – спрашиваю, – ты что, не мог кровать свою проверить, когда на нее ложился?

Олег рассказывает:

– Эту кровать мы незадолго до того разбирали, мне и в голову бы не пришло, что ее надо еще раз проверять. Видимо, эту железяку они мне подложили.

В ДИЗО Олег просидел два дня. После этого ему оформили устное замечание: будто бы Олег грубит оперативным сотрудникам. Никаким сотрудникам в этой колонии никто никогда не грубит. Дети и так там настолько оскорблены и унижены... Боятся они сотрудников, и оперативных сотрудников, и начальников, и всех на свете.

У него до УДО осталось 2 месяца и 11 дней. Мы уже этот срок по дням считаем с бабушкой. И вот сейчас такая история, что у него появились взыскания, а эти взыскания можно погасить только через полгода. Теперь получается, что он уедет во взрослую тюрьму с такими взысканиями как какой-то неисправимый тип. И потом, когда я была у него на свидании, он сказал:

– Мама, я повешусь, я не могу так больше жить.

Я говорю:

– Сынок, ну что ж ты такое говоришь!

Говорят, указ у них какой-то вышел, чтобы всех совершеннолетних детей в тюрьму взрослую отправить до нового года. Но не такой же ценой этот указ выполнять! Не такой же ценой! Вот ему всего лишь два месяца одиннадцать дней осталось! Я не знаю, что мне теперь дальше делать.

Спасите моего сына!»

Скорее всего Татьяна Михайловна (мама Олега) имеет в виду не Указ (законодательное установление), а приказ. Примерно с начала октября этого года к нам в Центр³ поступают сведения о том, что руководство Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) приказало начальникам воспитательных колоний до 1 января будущего года перевести во взрослые колонии всех воспитанников, достигших 18-летнего возраста. Косвенно эту информацию подтверждает интервью директора ФСИН Ю.И. Калинина⁴. В этом интервью глава службы исполнения наказаний сообщает о том, что ФСИН России готовит законодательные инновации, которые должны исключить возможность пребывания в ВК осужденных старше 18 лет (сейчас в ВК можно содержать воспитанников до 21 года). Не касаясь сущности этой инновации, я хотел бы напомнить, что в случае ее одобрения на молодых людей, уже находящихся в ВК, она не должна распространяться. Принцип «обратной силы» работает только для смягчающего закона. (В случае если принимается какая-то норма (в УК РФ, предположим), облегчающая участь осужденных, то она распространяется и на тех, кто был осужден ранее, то есть до вступления в силу более мягкой нормы.) Здесь этот принцип распространили на ужесточающий приказ.

Страшно то, что практика «выдворения» взрослых малолеток из ВК стала одной из главных причин кровавых событий в кировградской колонии⁵. Тогда были подстрелены двое подростков и еще не понятно, сколько было покалечено, погиб и один сотрудник колонии.

Судя по сообщениям мам колпинских мальчиков, несмотря на этот кровавый урок, подобная практика продолжается. Если эта информация соответствует действительности, то это означает, что руководство ФСИН России провоцирует дальнейшие беспорядки и бунты в ВК.

Если приказ об удалении из ВК совершеннолетних «малолеток» и другие приказы, о которых мы знаем из неофициальных источников,

³ Центр содействия реформе уголовного правосудия (www.prison.org).

⁴ «Неделя». № 4519. 15 ноября 2007 г.

⁵ См. передачу № 789: <http://www.prison.org/clouds/clouds789.shtml>

действительно существуют (не важно – устные это приказы или письменные), директора Федеральной службы исполнения наказаний, господина Калинина, следует привлечь к ответственности по статье 321 Уголовного кодекса: «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Мы неоднократно (с апреля 2004 года) предлагали создать комиссию по выявлению причин роста социальной напряженности в местах лишения свободы. В нее должны входить государственные люди достаточно высокого ранга, эксперты, государственные и независимые правозащитники. Такие комиссии в цивилизованных странах создают, когда происходят тюремные бунты даже и не такого, как сейчас в России, масштаба. Выявляются реальные причины бунтов, разрабатывается программа мер по выходу из кризиса.

У нас за три года тюремных эксцессов никаких серьезных расследований не проводилось, а тюремные беспорядки продолжают и приобретают все более острый характер.

А из Колпинской колонии сообщили, что там совершено убийство 17-летнего Саши Деменского, воспитанника из Мурманска, который прибыл в КВК со сроком в один (!) год. По словам сообщивших нам эту информацию людей, Саша был забит «активистами» из секции дисциплины и порядка... 24–25 ноября в КВК зверски избит сотрудниками Саша Матряшин, ранее водворенный в ДИЗО... От Сергея Вернигора требуют подписать заявление о том, что это он избил своего товарища. Сергей попал в ДИЗО за попытку побега, а в побег мальчик ушел, не выдержав издевательств со стороны сотрудников и активистов, требующих платить «дань».

Достойно сожаления, что доброе дело, начатое в Колпинской колонии три года назад, превращается в национальный позор.

Когда этот текст был готов к печати, в Центр поступила дополнительная информация из КВК, и сейчас у меня есть возможность предложить читателям более полную и объемную картину о ситуации в колонии.

Перемены в колонии начались после прихода в оперативную службу нового сотрудника Максима Сорина (в апреле этого года) и после назначения (в июне) нового начальника учреждения Анатолия Долгова. Их усилиями воцарилась атмосфера страха, произвола и насилия.

После прихода Сорина начал складываться своеобразный теневой рынок, который утвердился и расширился при новом начальнике. Глав-

ным товаром на этом рынке стало самое дорогое для узника, тем более юного узника, – свобода.

По закону, подавляющее большинство осужденных, совершивших даже тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, имеет право на условно-досрочное освобождение (УДО) после отбывания трети срока, назначенного судом. Как правило, суды освобождают воспитанника досрочно, если у него нет дисциплинарных взысканий и отрицательной характеристики от администрации. Нарушителя суд по ходатайству администрации может перевести в колонию для взрослых, где он чаще всего досиживает назначенный срок до конца.

По сообщениям родителей, теперь в Колпинской колонии с воспитанников, у которых приближается срок рассмотрения вопроса об УДО, требуют выплачивать ежемесячно от 4 до 10 тысяч рублей. Тем воспитанникам, чьи родители соглашаются выплачивать «дань» полностью и аккуратно, гарантируют положительную характеристику к моменту рассмотрения вопроса об УДО в суде. К тем колонистам, чьи родители отказываются от услуг оперчасти, применяются самые жестокие способы воздействия.

Чаще всего оформляют взыскания за малейшие или придуманные нарушения, некоторым даже подбрасывают во время обыска запрещенные предметы, наркотические вещества, деньги.

По словам сотрудников колонии, еще в апреле в колонию пришло распоряжение из ФСИН России, в котором содержалось указание примерно такого содержания: «С целью профилактики правонарушений... рекомендуем перевести отрицательно настроенных воспитанников, а также лиц, имеющих лидерские качества, в ИК...». А в конце июля – начале августа – еще одно указание, в котором предписывалось перевести в ИК до нового года всех воспитанников, которым исполнилось 18 лет.

По информации, поступающей из ВК других регионов, там также получены аналогичные директивы. Где-то эти приказы выполняют без особого рвения, беседуют с совершеннолетними воспитанниками, узнают, нет ли у них желания перевестись «на взросляк». Иногда, особенно если ИК для взрослых ближе к дому, подросток соглашается, пишет заявление, уезжает из ВК с хорошей характеристикой, а руководство ставит очередную «галочку» в отчете для управления.

Там, где руководство ВК начало проводить новую инициативу ФСИН России с особым рвением и остервенением, это привело к бунтам (Кировградская ВК), беспорядкам (Жигулевская ВК) и т.п. Можно себе представить психологическое состояние подростка, которого лишают всякой надежды на досрочное освобождение. Для арестанта «день

свободы дороже всяких пряников», а порой и самой жизни. Кировоградские воспитанники полезли на запретку, под пули. Некоторые журналисты потом удивлялись – зачем, ведь в колонии созданы такие прекрасные условия?

Руководство Колпинской ВК не только проявило рвение, но и попробовало снять «пенки» с этих директив, в несколько раз повысив цены по УДО на «теневом рынке ГУЛАГа». При этом сбор «дани» идет чаще через самих заключенных (так безопаснее).

Вернемся к истории воспитанника Платона Дмитриева. В июне 2007 г. начальник оперслужбы Максим Сорин потребовал от Платона, который работал в медчасти завхозом, достать ему микроволновую печь. После того как приемная мать мальчика передала Сорину эту печь, тот стал требовать, чтобы Дмитриев собирал с больных по 6 тысяч рублей ежемесячно. Платон рассказал об этом воспитательнице, та попросила начальника колонии оградить своего воспитанника от вымогательств. Через несколько дней на мальчика посыпались всякого рода взыскания. Вскоре Платона убрали из санчасти, теперь его отправляют лишь на подсобные работы. В ноябре Платон был избит пьяными сотрудниками, и на него наложили еще несколько взысканий, на основании которых составлена отрицательная характеристика. 16 ноября Колпинский суд вынес решение о переводе Платона Дмитриева в ИК для совершеннолетних.

В Колпинской колонии используют и более жесткие способы воздействия на строптивых «неплательщиков». Известны случаи, когда их избивают или унижают и сами сотрудники, и их подручные из числа «бугров» (так называют воспитанников, занимающих должности бригадиров и завхозов) или членов секции дисциплины и порядка. Иногда подростки впадают в отчаяние от постоянных унижений и всякого рода домогательств и даже пытаются «уйти в побег». Иногда это приводит к тяжелым последствиям. В начале июня 2007 года двое воспитанников Колпинской колонии, задумавших побег, ударили по голове сотрудницу склада, которая выводила воспитанников на работу. Силу удара не рассчитали, и женщина умерла...

5 октября воспитанник Сережа Вернигор пытался бежать из колонии. По сообщениям из конфиденциальных источников, на побег Сергей пошел, не выдержав издевательств со стороны сотрудников и активистов, требующих выплачивать «дань». Он не смог просить помощи у своей матери, поскольку для его семьи – это разорение.

24 ноября был избит Александр Матряшин. По версии администрации, Матряшина избил Сергей Вернигор. По сообщениям из конфиденциальных источников, Александр Матряшин был избит сотрудниками ВК и в тяжелом состоянии отправлен в реанимационное отделение Межобластной больницы имени доктора Ф.П. Газа (далее – МОБ). В справочной МОБ сообщать о состоянии его здоровья посторонним лицам (Матряшин – сирота) отказались. Родители колпинских мальчиков, хорошо знающие Сашу, опасаются за его жизнь.

28 ноября Колпинскую колонию посетила группа общественных деятелей Санкт-Петербурга: председатель региональной Комиссии по помилованию и Общественного совета города – Алексей Сергеевич Козырев, заместитель председателя Комиссии по правам человека при губернаторе – Владимир Эдуардович Шнитке, член комиссии по правам человека и комиссии по помилованию, писатель Михаил Николаевич Кураев.

Поводом для посещения стали жалобы колпинских мам, которые, не имея возможности защитить детей через суд и прокуратуру, обратились к представителям общественности Санкт-Петербурга. О результатах посещения Колпинской колонии рассказывает Владимир Эдуардович Шнитке:

«К сожалению, у нас сложилось впечатление, что факты, приведенные в жалобах родителей колпинских воспитанников, имеют под собой основания. Платон, с которым мы беседовали, рассказал о вымогательстве денег оперативными сотрудниками, о случаях избиений...»

«Всё это вызывает у нас серьезное беспокойство, и я надеюсь, что Комиссия по правам человека рассмотрит результаты нашего посещения и обратится в прокуратуру с предложением провести серьезную проверку обстановки в Колпинской колонии...»

На следующий день после посещения колонии общественной комиссией начальник колонии – Александр Долгов – был снят с занимаемой должности. 30 ноября сотрудникам был представлен новый руководитель. Однако, по мнению членов комиссии, это совсем не означает, что необходимость прокурорской проверки отпала. С ними солидарны и родственники колпинских мальчиков.

Надеюсь, что в самое ближайшее время прокуратурой и другими государственными органами, занимающимися защитой прав человека, в Колпинской колонии будет проведена реальная и результативная проверка...

Борис Пантелеев

Продолжение следует?..

Меры вынужденные и бесполезные

Общая часть уголовного права определяет систему наказаний как вид государственного принуждения, который должен обеспечить достижение целей кары, наказания, то есть восстановления социальной справедливости.

Как восстанавливают социальную справедливость, отчасти покажет рассказ о некоторых событиях последнего времени в зонах России.

В июне 2005 года сотрудники администрации ИК-30 (г. Льгов Курской области) в очередной раз избили осужденных. Штатная ситуация для России. Но вскоре около трех сотен эзков объявили акцию протеста против незаконных действий администрации. Это уже вышло за рамки обычного и привлекло внимание.

Тут надо уточнить, что действия сотрудников администрации, как-то: избиения, пытки, давление, провокации, которые эзки называют незаконными, с точки зрения законодателей, а следовательно, и администрации, вполне законны, поскольку называются иначе:

- не избиения, а подавление противоправных действий, угрожающих безопасности общества;
- не давление, а перевод в одиночную камеру (или с определенными соседями) якобы в целях обеспечения безопасности заключенного;
- не пытки, а ограничение подвижности, искусственное кормление и т.д.

В этом суть разницы в оценках событий обществом и системой.

Б. Пантелеев – руководитель Санкт-Петербургского отделения Комитета за гражданские права.

На этот конфликт обратили внимание. Возможно, совещались, обсуждали, принимали решения. Знать бы какие... Ведь конфликты по-прежнему катятся по стране, и ссылки на некие темные силы, руководящие ими в обход немощного УФСИН, уже явно не объясняют происходящее.

В проблемных зонах произошла ротация кадров. Мера вынужденная, но бесполезная. Беда в том, что новые начальники зон пришли не из НИИ, а из таких же зон, да еще с повышением (например, новый глава питерской УФСИН был в свое время заместителем начальника калининградской уголовно-исполнительной системы). Заключение знают, что это чревато закручиванием гаек и произволом. Так и получилось.

Стратегия не меняется, зону по-прежнему стремятся держать вне поля зрения общества, поэтому далеко не все новации становятся достоянием СМИ. Но некоторые оценить можно.

Курс – на Хабаровск

В Льгове сотрудники избивали заключенных, после этого они обратились в прокуратуру. Впрочем, как известно, прокурор вполне мог и сам навсегда отбить охоту у любых начальников вводить спецназ в зону. Но зато теперь появляются доказательства, бумага, которую будут читать и комментировать. И соответствующие инстанции вынуждены будут выносить решение. Но самое страшное, что нечем будет крыть многочисленным старшим офицерам ФСИН, которые с экрана ТВ, без ограничения времени, рассказывают о тех же событиях. Но – иначе. Опровергая СМИ, которые якобы не все увидели и сняли, а что увидели – не так поняли.

В числе 300 осужденных написал заявление в прокуратуру и Виталий Князев. Ему здесь уделяется много внимания по одной причине – удалось узнать подробности его злоключений, во многом типичные. В заявлении Князев требовал привлечь к уголовной ответственности сотрудников администрации ОХ-30/3, применявших изощренные пытки и избивавших осужденных, не желавших вступать в добровольные сомодеятельные организации.

Администрация УФСИН по Курской области, применяя всевозможные ухищрения, заставила всех заявителей забрать свои жалобы. Можно себе представить, каким образом это происходило.

Князев выдержал. Его жалоба уже прошла стадию коммуникации в международном суде Страсбурга. Излишне говорить, что Князева избивали, даже жгли кипятком, а потом, как водится, отправили отбывать наказание подальше, в Комсомольск-на-Амуре (ИК-11). Но заявление с требованием привлечь к ответственности своих мучите-

лей он так и не забрал. А это означает, что скоро льговские события будут профессионально обсуждаться европейским судьями.

Ясно, что, пока Князев жив, угроза судебного разбирательства более чем реальна. А это чревато для него большими опасностями.

Действительность вполне оправдывает такие предположения. 30 декабря 2006 года Князев был в очередной раз водворен в ШИЗО. Требовал, чтобы представители УИС (уголовно-исполнительная система) РФ не нарушали закон.

Администрация не ломает себе голову, выдумывая причины для взысканий. Не явился на административную комиссию? В ШИЗО. Тот факт, что Князев в это время находился в ПКТ – запираемом и охраняемом помещении, откуда самостоятельно, без разрешения той же администрации ИК-11 выйти невозможно, – никого не интересует.

Суть происходящего объясняет разговор между осужденным Князевым и заместителем начальника этой колонии по БиОР Ворончихиным А.П. На очередную жалобу Князева Ворончихин ответил, что, мол, руководство колонии получило указание из Москвы подвергать Князева преследованиям, *«если будет продолжать жаловаться»*.

В дальнейшем Князева переводят в ИЗ-27/1 (начальник – капитан в. сл. Коробов Ф.А.) г. Хабаровска, в связи с рассмотрением его кассационной жалобы на неправомерное, по его мнению, решение суда о переводе на тюремный вид режима.

Очевидно, выполняя негласный приказ вышестоящего начальства, сотрудники ИЗ-27/1 с первого дня самоустранились от оказания Князеву какой-либо медицинской помощи, хотя в его медицинской карточке было указано, что у него в легких находится три гвоздя. Необходимо пояснить, что одиннадцать гвоздей Князев вбил себе в бок за полтора месяца до этого, в знак протеста против незаконного решения о переводе его на более строгие условия наказания (его отправляли в тюрьму закрытого типа). После обращений правозащитных организаций в различные надзирающие инстанции медицинскую помощь Князеву вроде бы оказали.

Письма Виталию Князеву, отправленные нами в Хабаровский централ, не выдали, заявив что в них *«содержится информация экстремистского характера»*. Наши уфсиновцы берут на себя роль и экспертов, устанавливающих наличие в текстах (кстати, нормативных актах Минюста РФ и Конституции РФ, а именно эти документы содержались в письмах) сведений экстремистского характера, и прокуроров, выносящих постановления об изъятии писем, и судей, утверждающих эти постановления.

Пенитенциарная система России борется с нарушителями режима содержания, не жалея сил и средств. У Князева за весь срок отбывания наказания имеется 72 нарушения. Из них 18 зафиксированы в Хабаровском крае. Разве не повод задуматься – *почему* осужденный раз за разом совершает нарушения, отчетливо сознавая, что он планомерно ухудшает свое положение? Нет ли здесь недоработок со стороны самой администрации?

По-моему, в Минюсте следовало бы проанализировать, не способствуют ли их собственные инструкции возникновению волнений в среде заключенных. Один из тюремных начальников, объясняя причины волнений в питерских тюремных заведениях, сказал, что осужденные пошли на штурм ШИЗО, повинувшись стадному чувству. Но в правилах внутреннего распорядка есть немало положений, которые помогают вытравливанию всего человеческого из зэка. Например, вновь введенный запрет на так называемое отчуждение предметов и продуктов. То есть любой человек, которому не чужды в том числе и христианские заповеди, не может теперь поделиться с голодным, не рискуя попасть в ШИЗО.

А вмененная осужденным обязанность передвигаться по колонии строем! Понятно, что какое-то дисциплинирующее начало в тюрьме должно присутствовать. И почему бы вместо «передвигаться строем» не записать «передвигаться организованными группами»? И у региональных правоприменителей резко сократилась бы возможность, толкая нормативные акты по своему усмотрению, заставлять осужденных ходить не просто строем, но строевым шагом и с песнями или, наоборот, мелким гусиным шагом.

Мне кажется, что есть и другие недоработки. Оперативник сам приносит Князеву в камеру телефон, разрешая ему позвонить, потом в камеру врываются спецназовцы «для производства обыска и обнаружения запрещенных к хранению предметов». На лагерном жаргоне такие методы называют «холодный отжим».

А медицина, не будь к ночи помянута... В той же ИК-11 некая «медсестра» Галина Ивановна при решении вопроса о водворении Князева в ШИЗО заявляла дословно следующее: *«С...ать я хотела на твоего Гиппократа. Я ему клятвы не давала. <...> У тебя ведь заболевание железододефицитная анемия? Вот тебе и полезно будет в камере с железяками посидеть!»*

Нельзя не сказать и о реакции проверяющих. Прокурор на жалобы осужденного Князева В.А. не реагирует никак. Вообще о бездействии прокуроров можно говорить долго, да нет смысла. В этом государстве

никому их деятельность не нужна. Поэтому просто отметим, что прокуратура в зоне фактически не работает.

Да и сами жалобы администрация не отправляет по назначению. Между тем физическое состояние Виталия Князева ухудшается.

Видя такое категорическое нежелание сотрудников хабаровского УИС выполнять обязанности, можно утверждать, что руководство ИЗ-27/1 (как и других учреждений Хабаровского УИС) заинтересовано в устранении нежелательного свидетеля, то есть в физическом уничтожении заключенного, дискредитирующего ГУ ФСИН и готового подтвердить в суде садистские поступки некоторых его сотрудников.

ООД «За права человека» отправило в УФСИН по Хабаровскому краю и в краевую прокуратуру телеграммы с требованием *«соблюдения законности в отношении осужденного Князева»*. Наша организация продолжает отслеживать судьбу Князева.

«Кресты» (ИЗ-47/1), центр Санкт-Петербурга

20 сентября 2007 года семнадцать несовершеннолетних, содержащихся под стражей в СИЗО, протестуя (по официальной версии представителей питерского УФСИН) против того, что в маленьких камерах не ставят спортивные снаряды, вырвались на крышу прогулочных дворов, помяли бока двум контролерам и в течение довольно продолжительного времени кричали, бросали в проезжающие машины камни, даже подожгли какое-то строение.

Почему-то в течение нескольких часов их никто не решался утихомирить, хотя штат в этом питерском СИЗО насчитывает несколько сотен сотрудников. Правда, злые языки утверждают, что после того как несовершеннолетние преступники разошлись (кстати, по рекомендации своих «старших братьев») по камерам, на территорию изолятора зашли полтора десятка спецназовцев и безо всякого риска жестоко избивали малолетних бунтовщиков. Не буду настаивать на правдоподобности такой информации, но совершенно очевидным является следующее.

- никто не обратил внимания на такой факт – что делали несовершеннолетние в следственном изоляторе для взрослых;
- почему никто не предполагал подобной ситуации, несмотря на периодические заявления российских пенитенциарщиков о том, что у них «все под контролем».

Не оправдывая действия малолетних буянов, все же надо отметить, что и они обычные люди, имеющие чувство собственного достоинства. О причинах можно только догадываться. Одно ясно: было нечто объ-

единившее их всех, причем это происходило в режимном учреждении, где за малейшее неповиновение жестоко наказывают. И не изоляцией, а зверскими побоями.

Мало этого или достаточно, если надзирательница (особый тип звероподобных женщин, внешне вполне симпатичных блондинок и брюнеток) одному из подследственных мальчишек в грубой форме приказывает вернуться в камеру лишь потому, что ей не понравилось выражение его лица? А он в ответ заявил, что вернется в камеру после того, как помоеется, потому что его для этого из камеры и вывели. Но женщина применяет оригинальный воспитательный прием – хватает молодого человека за гениталии и бьет рукой по лицу. В ответ она тоже «получает в голову».

Вот такие взаимоотношения. Их даже наши законодатели предусмотреть не могли. Жестокость и хамство, процветающее среди сотрудников и сотрудниц, не может не быть примером подражания для эзков. Так почему же никто и над этим не задумывается?

А факт изъятия более двух сотен мобильных телефонов, на который с таким удовольствием многократно ссылался Уполномоченный по правам человека Санкт-Петербурга Игорь Михайлов? Почему никто не задался вопросом – как они туда попали? Не может ведь такое количество телефонов попасть через продуктовые передачи (а если и так, то чем там занимается оперотдел и бюро передач)?

К тому же это количество телефонов можно смело помножить как минимум на два. У каждого владельца телефона наверняка есть близкий товарищ или друг, которому он дает пользоваться аппаратом. Значит, как минимум 400 уголовных дел должны были бы или рассыпаться в прах, или существенно затормозиться в завершении. Или же должно было бы, к примеру, состояться 400 побегов из тюрьмы. Однако этого не произошло.

Значит, заключенные пользуются мобильной связью не для нарушения тайны следствия или расшатывания режима содержания, а исключительно для поддержания социально-родственных связей. Помоему, это тема для раздумий законодателя.

Поселок Металлострой, Ленинградская область

В нашу организацию еще в начале октября стали поступать тревожные сигналы от заключенных из «Крестов» и от осужденных из Металлостроя¹ и их родственников – они чуть ли не умоляли нас прислать комиссию, чтобы та прекратила беспредел администрации. Мы пере-

¹ Колония УФ-20/5.

давали эту озабоченность руководству питерского УФСИН, убеждая его, что нельзя закручивать гайки до бесконечности. Однажды резьбу может просто сорвать. Нам отвечали, что все под контролем, никаких волнений не будет и *«профессионалы разберутся сами»*. К сожалению, последующие события показали, насколько они профессиональны.

Беспорядки в Металлострое началось днем 25 октября. По имеющимся у нас данным, после обеда в помещении штрафного изолятора палками были избиты несколько заключенных. Вроде бы приезжими «курсантами» из так называемого «челябинского десанта» (то есть сотрудниками, откомандированными в Санкт-Петербург из Челябинского УФСИН) якобы с подачи одного из замов начальника колонии. По официальной версии, это был всего лишь слух. Однако мы имеем множество свидетельств, что протестующие зэки двинулись в сторону ШИЗО, желая видеть тех, кого избивали, и тех, кто бил. По дороге было разбито стекло в дежурной части и подожжено несколько «будок», которые делят зону на локальные участки. Пожарных на территорию не пустили, равно как и «скорую» (на место было отправлено три машины – на помощь как минимум 50 пострадавшим, по крайней мере, такие вводные были сначала у медиков).

Битье стекол пресс-служба ГУ ФСИН подтверждает, остальное нет – по официальным данным, никакого пожара не было (тут наблюдается расхождение с данными МЧС, которое зафиксировало возгорание) и никто не пострадал.

Вот что говорил один из осужденных, Сергей: *«Нам кричали, чтобы мы опустили голову и быстро вышли на улицу. Никто не хотел получать дубинкой по голове, поэтому мы подчинились. На улице посадили всех на корточки и сказали, чтобы мы не поднимали голову. Так мы просидели примерно два часа. Смотреть, кроме как в землю, не разрешали. Всех, кто поднимал голову, били дубинками по голове и спине. После этого мероприятия по зоне многие ходят перебинтованные, а некоторые вообще лежат в лазарете. Особо сопротивляющихся посадили в изолятор. В бараках все раскурочили»*.

Утром 27-го в колонию № 5 ввели «войска». Около четырехсот сотрудников спецподразделений построили на плацу всех содержащихся в «пятерке» осужденных. Не менее 90 человек погрузили в «автозаки» и вывезли из колонии. Предположительно, среди этапированных были активные нарушители режима, которых теперь рассредоточат по другим пенитенциарным учреждениям. После чего, по мнению правозащитников и журналистов, любая проверка в металлостроевской колонии теряет смысл.

В тот же день (около 16.30) в цехе № 7 промзоны колонии обнаружили осужденного, 24-летнего Сергея Венедиктова, без признаков жизни. Он был найден, насколько нам известно, в странной позе – сидя на коленях, со скрещенными ногами и удушенным.

Говорить о самоповешении в такой ситуации сложно.

Особенно сильно в ШИЗО были избиты 7 человек: Андрей Баранов, Илья Говард, Михаил Майков, Владимир Венебранец, Нурлан Сулейманов, Дмитрий Хайридинов и Максим Родин.

Трудно судить, что вызывает сегодня такие столкновения администрации и «сидельцев». И в какой мере права каждая из сторон?

Судить тем более трудно, поскольку и без того закрытое тюремное ведомство купюрует или вовсе скрывает информацию. Но два «бунта» за такой короткий срок едва ли означают, что там, за колючей проволокой, все по закону и в полном порядке...

Сами эти трагические события используют все, и каждый – в своих целях. Если губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко говорит, что *«за этим стоят определенные силы, которые заинтересованы в такого рода акциях... Условия содержания в колониях не были нарушены, и ничего экстраординарного там не происходило»*, то тюремщикам не о чем беспокоиться – их прикроют. К тому же такие заявления развязывают руки следователям, которым не хватает улик, чтобы посадить за решетку имярека. Имяреком можно назначить любого, что, собственно, и произошло. Задержали криминального авторитета, якобы организовавшего бунт, некоего Вьюченко, что, по-моему, является полной фикцией. Найден очередной стрелочник, который, находясь на свободе, сумел каким-то таинственным способом обеспечить слаженные действия спецконтингента в зоне.

Пусть их было всего двести человек, хотя мы располагаем данными о том, что их насчитывалось от 1,5 до 2 тысяч человек, то есть вся зона. Но еще раз подчеркиваю: авторитет – на воле, осужденные – в тюрьме. Тем не менее ему якобы удастся инициировать слаженные действия множества лиц, за что им придется тяжело пострадать, и они это прекрасно понимают.

Есть два объяснения: или эти люди – идиоты, или те, кто пытается представить все в таком свете, искажают факты. А на самом деле – просто переполнилась чаша терпения заключенных... Вот что они рассказывают.

Жестко держать начали месяц назад. Когда из челябинской колонии (новый замначальника колонии № 5 также был переведен в Пе-

тербург из Челябинска. – Б.П.) прибыл десант – 90 «строгорезимников». На зоне сразу стало как в 30–40-е годы. В ШИЗО просто били ни за что. За всякие мелочи избивали конкретно. А у нас режим – не строгий, общий. Кто за кражу сел, кто за разбой... Многие молодые люди по первому разу...

В четверг (25 октября) случилось очередное избиение в ШИЗО. Оттуда доносились жуткие крики. Мы пошли посмотреть своими глазами: что там происходит? Стали требовать: покажите! Нас в изолятор не пустили. Тогда мы разломали крышу. Но когда туда забрались – было уже поздно, там уже никого, естественно, не осталось...

Особенно сильно избили 5–7 человек. Известен один из тех, кто был подвергнут жесточайшему избиению, – Максим Родин. Но их тем не менее по-прежнему содержали в ШИЗО, а не в больнице. И врачей им не вызвали.

(Александр, осужденный колонии № 5. Разговор 26 октября. С 27 октября мобильный телефон не действует.)

С сегодняшнего утра у нас, похоже, чрезвычайное положение. Около 5 часов нас подняли криками и дубинками какие-то военные (их было несколько сотен человек) в разной форме (серого, черного и зелено-го цветов – вперемешку). Они согнали людей из всех бараков. Полуодетых построили на плацу, где продержали несколько часов. На шлюзах дежурили автоматчики. Около десяти утра человек сто посадили в «автозаки» и увезли. Это была первая партия. Сейчас готовят вторую партию, чтобы вывезти отсюда.

Мы бастовали против беспредела. Потому что у нас и так немало было прав, а с начала сентября – полное их отсутствие. А нас сейчас пытаются выставить за негодяев. Якобы мы боремся за то, чтобы больше тут иметь. Нет. Мы боремся за то, чтобы нормально есть, пить, работать, зарабатывать УДО (условно-досрочное освобождение – Б.П.), и только.

(Сергей, осужденный колонии № 5. Разговор 28 октября.)

Осужденные написали в петербургское отделение ОО «Комитет за гражданские права» заявление за подписью около 300 человек, в котором подробно объясняют причины и события, предшествовавшие тому, что было изложено выше. И просят провести независимую и объективную проверку. Так как заявители убеждены, что такое заявление не пройдет официальным путем, то в этом вопросе, по моему мнению, мог бы помочь Уполномоченный по правам человека Санкт-

Петербурга Игорь Михайлов. Но захочет ли он делать что-то, противоречащее неписаным чиновничьим традициям?..

В Металлострое заключенные пытались добраться до тех представителей администрации, которые скрывались в одном из помещений колонии (сами сидельцы называют его «шлюзом»). До кровопролития не дошло. На место примчалось руководство колонии и ГУ ФСИН. А рядом с зоной стала создаваться мини-армия из сотрудников всевозможных спецподразделений (только омовцев туда было направлено порядка 400), говорят, что в сторону Металлостроя двинулись даже водометы, закупленные к саммиту. По всей видимости, ситуация расценивалась как весьма серьезная. По имеющейся информации, когда журналисты уже после 23.00 покидали «плацдарм боевых действий», силовики еще оставались в Металлострое. И были настроены весьма по-боевому.

В самой колонии обстановка к тому времени уже почти стабилизировалась. От звонивших нам стало известно, что ээки успокоились, когда фсиновцы пообещали им уволить неугодного зама и еще ряд особо ретивых сотрудников колонии. По официальным данным, инцидент был исчерпан после разъяснительной работы, которую провел с заключенными лично начальник питерского ГУ ФСИН Владимир Маленчук. Заключенные даже сообщали, что в разговоре с Маленчуком они предлагали свою помощь в восстановлении порядка в колонии.

Несмотря на это, в питерском ФСИН уверены, что беспорядки спровоцированы извне лидерами преступного мира и напрямую связаны с недавними событиями в «Крестах», где не удалось провести акцию неповиновения (голодовку), а также с «ситуацией в стране» (по всей видимости, имеются в виду выборы).

Сами сидельцы, естественно, не проводят столь серьезных параллелей. Где, как говорится, они и где выборы. Осужденные убеждены: *«когда паны дерутся – у холопов чубы трещат»*. После смены начальства тюремного управления началось незаконное ужесточение режима. Что же касается утверждений администрации, что ээки якобы протестуют против запрета на наркотики, то это не выдерживает элементарной критики. Нет ничего проще, чем организовать работу оперативного отдела и отдела безопасности управления так, что количество попадающих в колонии и следственные изоляторы наркотиков вначале резко сократится, а потом они и вовсе исчезнут. И для этого совершенно не обязательно кромсать и портить продукты в передачах. (Кстати, если спросить у соответствующих органов, сколько зафиксировано актов изъятия запрещенных веществ в продуктовых пе-

редачах, то вряд ли это будет сопоставимо с количеством искореженных передач.)

Потемкинские репортажи

Руководство питерской ФСИН пошло на весьма «щедрый» шаг: после долгих уговоров журналистам, приехавшим в Металлострой, разрешили подойти поближе к колонии. Правда, и здесь была некая избирательность. Например, корреспондентов телевидения «5-й канал» не только пустили на территорию колонии, но и дали им возможность пообщаться с представителем актива зоны, проговорившего в объектив телекамеры заученные фразы-скороговорки о том, какие зэки мерзавцы и какая хорошая администрация колонии. А вот каналу «СТО» почему-то не повезло. Не пустили.

Посмотреть на «зону» журналистам дали через решетчатое окно третьего этажа. Увидели они немного: некое здание с надписью у входа «строительная бригада № 16 ИК 20/5», рядом – проходная «Сектор 3». Сотрудники ФСИН особо обратили внимание журналистов на то, что никаких следов пожара нет. Но запах гари в воздухе витал. Да и на самой территории колонии находились две машины пожарной службы.

Некоторые журналисты были убеждены: хоть зону им и показали, но не ту. То, что оказалось в поле зрения, мало походит на бараки. Во-первых, эти строения находятся в непосредственной близости от административного здания и разделяет их только асфальтированный плац. Ни «колючки», ни контрольно-следовой полосы. Ближайшая вышка – на углу по диагонали. Охрана на ней есть, но прожектор не горит. Если бы именно в этом секторе произошло ЧП, его наверняка освещали бы лучше. Вероятно, в этой части заключенные работают, но живут – вряд ли.

Сопровождающий сначала сказал, что бараки и промзона в Металлострое разделены, а на обратном пути замялся и как-то неопределенно пояснил, мол, и работают, и живут, по сути, заключенные рядом.

Все уверения в том, что никаких силовых акций не планируется, ставил под сомнение тот факт, что по выходе журналистов из колонии стали проявлять активность бойцы спецподразделений. Большая часть из них была уже в бронежилетах и касках, другие «одевались» и вооружались пластиковыми и металлическими щитами.

Впрочем, дальше ворот и проходной эти люди на тот момент не двигались. Возможно, заключенных было решено просто разделить. И если не вывезти за пределы ИК № 5, то «перетасовать», по крайней мере.

Перетасовали. Время покажет, насколько эффективны принятые меры.

Руководство ФСИН может сколько угодно повторять, что все акции неповиновения – *«происки авторитетов и лидеров уголовно-преступной среды, находящихся на свободе. А цель их – дестабилизировать обстановку, спровоцировать сотрудников на применение физической силы и спецсредств»*. Но разве ежедневные лишения и унижения – это и есть стабильность? Луну халатом не прикроешь. Не перестанут от этих заверений идти к правозащитникам родственники и знакомые заключенных, не иссякнет поток освободившихся зэков, находящиеся за решеткой не перестанут писать письма, звонить, прося помощи в прекращении беспредела.

Наверное поэтому правозащитников все чаще представляют подручными тех самых мифических криминальных авторитетов, расшатывающих стабильность и процветание российских зон. Это правозащитники буквально заставляют зэков бороться за свои права, то и дело покушаются на государственность и грозят нарушить ее стабильность – главное достижение последних лет.

А хорошо бы найти способ, чтобы и вправду заставить людей бороться за права. Например, чиновников всех мастей заставить бороться за права подчиненных им людей – зэков и вольняшек...

Сергей Ениколопов

Закрытые структуры всегда порождают уродства...

Любое закрытое, режимное место рождает и развивает уродливые отношения внутри, и чем более структура закрыта, тем больше там негативных тенденций. Если просто пустить такую ситуацию на самотек (например, полностью отрезать тюрьму от всяких связей с окружающим миром – только охранники и заключенные), то она быстро превратится во что-то очень непотребное. И как только это непотребство станет известно в «большом мире», мы сразу же начнем требовать от тюремного начальства каких-то действий...

Поэтому просто утверждать, что любая организация из заключенных, создаваемая или сотрудничающая с тюремным начальством, – это однозначно плохо и она портит людей, все равно что говорить, будто сама тюрьма не портит людей. Тюрьма портит всех – и тюремщиков, и заключенных. И надзирателей портит очень сильно.

Эксперимент Зимбардо¹ показывает, что в любой закрытой структуре быстро найдутся свои охранники и свои заключенные и отношения между ними будут складываться нечеловеческие, более агрессивные, чем в обычной ситуации.

Сама по себе идея (идея наказания и способов его обустройства) должна быть более конструктивной. Конструктивным, на мой взгляд, может быть только одно направление: надо добиваться как можно большего количества альтернативных наказаний, то есть любых наказаний, исключающих тюремное заключение и вообще лишение свободы. Аль-

С.Н. Ениколопов – заведующий кафедрой криминальной психологии Московского психолого-педагогического университета.

Материал подготовлен на основании интервью, которое С.Н. Ениколопов дал редакции журнала в ноябре 2007 года.

¹ Зимбардо Ф.-Дж. Стенфордский тюремный эксперимент // Эксперименты и жизнь. СПб., 2007. С. 4–23.

тернативные наказания должны сопровождаться работой с психологом, с психиатром, поскольку диагноз «вменяем» вовсе не означает, что человек психически здоров. Битцевский маньяк, к примеру...

Иначе говоря, тех, кто оказывается в тюрьме², следует тщательно отфильтровывать. И там – в тюрьме – требуется серьезная реформа. Может быть, нужно строить лагеря не по принципу «строгий режим», «общий режим», а по какому-нибудь другому, скажем, в одном месте неосторожные и транспортные преступления, в другом – убийства...

В любом случае с попавшими в тюрьму нужно вести активную психологическую работу. Их нужно реабилитировать. Выпускать их обратно в общество (и даже не в прежнем виде, а в том виде, к которому их приводит сегодняшняя тюрьма) – просто опасно.

Относиться к ним как к людям очень хорошим (а у правозащитников очень часто проскакивает между строк, что заключенные лучше, чем надзиратели) – значит ставить всю нашу общественную систему в критическое положение, когда не придется удивляться самосудам. И Калоев действительно станет национальным героем.

Вообще говоря, страшно, если человек совершает самосуд и становится национальным героем. Недавно мы увидели, во что это могло бы превратиться. Слава Богу, сам Калоев вел себя достаточно сдержанно, и ни «нашим», ни тем, кто за ними или около них, не удалось раскрутить это безумство... Вместе с тем общее недовольство судебной системой вполне может привести и к такому варианту.

Возвращаясь к заключенным, надо учитывать и то, что подавляющая часть населения полагает, что их вообще не должно быть видно на наших улицах. Забрали и – с концами. То есть окружающие нас люди совсем не спешат согласиться с правозащитниками в том, что заключенные много лучше охраняющих их тюремных людей. И правозащитный тезис о том, что надо запретить администрации любую оперативную работу в среде заключенных (а такие новации звучали на Общественных слушаниях по конфликтным ситуациям в тюрьмах), – это, мягко говоря, несерьезно.

Оперативная работа – необходимая часть работы администрации, у нее свои проблемы, у нее задача – чтобы на контролируемой территории было тихо. Хорошо еще, что на администрацию у нас все-таки возложена и задача перевоспитания заключенных. Они эту задачу выполняют плохо, непрофессионально, несовременно, но если они от этого совсем откажутся, то им вообще будет наплевать на то, какими будут выходить оттуда заключенные.

² Под «тюрьмой» автор имеет в виду любые места лишения свободы.

Именно общество (я имею в виду общественные организации, роль государства тут минимальна) должно заказывать работы, исследования, проекты по реформированию системы наказания. Ведь доминировать должно понимание того, что внешний мир ждет, что через какое-то время заключенные выйдут в него менее опасными людьми... Для внутриведомственных целей это не столь существенно. Такие исследования должны определить и реалистичные правовые пределы для администрации тюрем, и эффективные рычаги воздействия (в том числе силовые) на заключенных. Немаловажно определить и способы работы внутри тюрьмы, внутри колонии, чтобы минимизировать негативный эффект самих мест заключения.

Я говорю об общественных организациях и убежден, что такую работу могут заказывать академическим институтам и организациям именно они. Есть свои научно-исследовательские институты у Минюста, у МВД, есть отделы, которые занимаются пенитенциарными проблемами и пенитенциарной психологией. Но это ведомственные учреждения, они решают задачу в рамках ведомства. А ведомство (любое – оно может быть и не хорошее, и не плохое) просто задает себе задачу, которую можно решать максимально удобным для себя способом. Для себя, а не для окружающего его общества...

Только выйдя за рамки ведомства, можно рассмотреть какие-то другие задачи. Минюст не будет волновать население, которое вне его ведомства. ФСИН не будет волновать, что думает обыватель по поводу мест лишения свободы...

Правозащитники, как мне показалось, видят панацею от всех тюремных бед в максимальной открытости тюрьмы. Надо понимать, что такая открытость будет встречать серьезное сопротивление. Не только административное, но и – что для меня важнее – сопротивление населения. Население не хочет ни знать, ни видеть тюрьму, тюремные проблемы...

Я это вижу на примере психических больных. Та же самая история: сообщается, что будет выпущено определенное количество психбольных, которых переведут на амбулаторное лечение. Никто не хочет думать, что скорее всего речь идет о тихих, астенизированных больных. Все представляют толпу психопатов, и в обществе начинается дикий вопеж. То, что было в прессе, просто ужасно. А ведь это спокойные психастеники, которых и в сумасшедшем доме держат-то, в общем, для того, чтобы окружающие их не затоптали...

Так что обществу открытость тюрьмы в настоящее время безразлична. А если под открытостью иметь в виду правозащитный контроль, то эта мера бесполезна, но и далеко не панацея...

Пойдите в Минздрав, попробуйте проконтролировать это практически открытое учреждение... А Министерство образования... Вы в любом открытом детском доме будете встречать глухое и тихое сопротивление. В любом РОНО...

Наверное, это одна из функций развитой организации – стремиться к своей закрытости. Все они у себя внутри спокойно решают, и никому не надо всякого стороннего контроля. С таким ощущением они всегда встретят любую комиссию, хоть правозащитников, хоть из Счетной палаты или из контрольно-ревизионного отдела... В общем, то изначальное сопротивление, которое встречают правозащитники в тюрьме и о котором они столь возмущенно кричат, вполне естественно...

Если бы я был начальником тюрьмы и прочел бы или услышал все, что говорили на Общественных слушаниях по тюремным конфликтам, то я тоже встал бы в такую же начальственно-отвергающую позу. Мне же ничего не предлагают. Предлагается только: всюду ходить и меня критиковать. Возможных к принятию предложений – ноль. А вершина – это попытка запретить мне любую оперативную работу... Ну не может так существовать правоохранительная или тюремная организация! Можно спорить, нужно ли так много стукачей, имеет ли смысл все время плодить стукачей, но что точно нельзя – это полностью отказаться от этой работы. Все мы видим, что происходит с милицией, когда прекращается работа ее оперов со своими агентами. То же будет и в тюрьме. Начнутся убийства, начнут сводить счета...

Важно, чтобы был не критикующий контроль, а контроль, устанавливающий оптимальные и реализуемые компромиссы между потребностями тюрьмы как закрытой организации (в упрощенном виде можно сказать, что их потребности ограничены защитой периметра – защитой ото всех: от тех, кто снаружи и тех, кто внутри) и потребностями общества...

Но и цели проверок, и критерии проверок должны быть внешними по отношению к тюрьме. Например, по всему комплексу мер, направленных во избежание рецидива... Пока не будет внешнего критерия в оценке работы тюремного ведомства, более всего они будут бояться беспорядков и всего, что можно назвать нарушениями того самого периметра (включая и информационные нарушения)...

Плохо и то, что психологов для себя они готовят сами. А психологи должны со временем стать не номинальной единицей в штатном расписании, а важнейшей составляющей в работе тюрьмы. Часть психо-

логов приходит в тюрьму из пединститутов, и они более открыты, чем сама система в целом.

Все они участвуют в наших конференциях, мы их приглашаем на переобучение, они заключают договоры на переподготовку в нормальных хороших вузах... Но работу психолога в тюрьме определяют его инструкции, а на самом деле параметры этой работы должно указывать общество. Ведомственная инструкция работает только на статус-кво, а не на интересы общества. Свои же интересы общество может определить единственным способом – исследованиями и анализом, которые проводятся независимыми научными институтами, университетами... Интересен американский опыт. Там, например, по заказу ФБР уголовную статистику анализировали университетские криминологи... И, например, оказалось, что рост насильственных преступлений в семье напрямую связан с ростом психотерапевтической помощи семье. Обывательское мнение (и мнение ФБР) полагало, что все наоборот. А тут выяснилось, что сама семейная терапия (двое близких людей, которые выкладывают все свою грязь кому-то третьему), вообще говоря, способствует росту убийств. С другой стороны, эти же исследования показали, что чем больше приютов, куда можно убежать от семейного насилия, тем меньше убийств в семье...

Подчеркну, что эти исследования делали не полицейские психологи, а университетские криминологи и психологи, которые получают общественный и государственный заказ на такую работу.

Подобные же исследования могли бы определить параметры работы тюремных психологов. Это помогло бы оздоровить тюремную атмосферу и создать механизм будущей работы «на выход». От охранника, который стоит на вышке, не зависит, каким будет выходить человек. А от психолога и воспитателя очень зависит.

И еще необходим буфер между обществом и выпущенным на свободу заключенным. Но у нас нет квалифицированных социальных работников. Возьмите любой детдом. Выкинули – и забыли. Ну может, какой-то один воспитатель и считает, что прежде всего нужно этих детей готовить к реальной жизни, но что он может без специальных программ, которые разрабатываются с помощью специальных исследований? И в результате половина этих ребят – что из колонии, что из детдома – не знают, как купить самые обычные вещи... Им никто не объяснил, как пользоваться общественным транспортом... Никто не научил писать жалобы... Никто не сказал, когда их надо писать, а когда – не надо. Это – так называемые социальные навыки, которым нужно обучать всех тех, кто некоторое время провел в отрыве от социума, в закрытых учреждениях, иначе они в этой жизни беспомощны.

УСТАМИ НАЧАЛЬНИКОВ

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Юрий Александров

«Общественные слушания» или общественная фальсификация?

А где же, собственно, общественность?

23 октября в Центральном доме журналистов состоялись «общественные слушания» на тему «Российская практика содержания заключенных: наследие нацизма и ГУЛАГа?». Конкретным предметом «слушаний» стали секции дисциплины и порядка (СДиП). Значительное внимание было уделено и произошедшим в ряде заведений УИС волнениям среди заключенных.

В кавычки «общественные слушания» я ставлю потому, что никакой общественности там не было. В зале собралось человек сорок, может, чуть больше. В президиуме сидело более десяти человек: ведущие «слушаний» и так называемые «эксперты». Еще шесть человек являлись «свидетелями». Часть участников были представителями ФСИН России, часть – журналистами. Таким образом, пришедшая на «общественные слушания» общественность исчислялась единицами, если вообще она там присутствовала.

Кто же были ведущие, «эксперты» и «свидетели»? Да все те же лица: Лев Пономарев, Людмила Алексеева, Валерий Абрамкин, Сергей Ковалев. Кстати, многие из заявленных участников не пришли: более десятка карточек с фамилиями были убраны. Очень жаль, что в число «ведущих» попали Тамара Морщакова – судья Конституционного суда в отставке, писатель Василий Аксенов и знаменитый адвокат Генри Резник. Правда, стоит отметить, что именно эти трое участников никаких голословных заявлений, связанных с «нацизмом» и «ГУЛАГом», не делали и, как мне показалось, действительно пытались разобраться в теме «слушаний».

Ведущие – Лев Пономарев со товарищи – «заклеймили» СДиП, отметив, что членами этих самодеятельных организаций совершаются

многочисленные нарушения. Правда, с доказательствами у них было негусто. А вернее, не было ни одного подтвержденного прокуратурой или судом. Зато у них были «свидетели»...

Однако оказалось, что двое из этих свидетелей – бывшие сотрудники правоохранительных органов, видимо, из числа «оборотней в погонах», так как на слушания они явились чуть ли не сразу после освобождения из колонии, предназначенной для бывших сотрудников правоохранительных органов, один – сам бывший член СДиП, освобождавшийся в этом «звании», еще один – заключенный с 23-летним стажем отсидки, естественно, с кучей судимостей, и двое – члены экстремистской партии Лимонова, запрещенной судом. Даже по нормам криминальной субкультуры подбор таких «свидетелей» не выдерживает никакой критики.

Основная претензия собравшихся к СДиП состояла в том, что на эти секции якобы перекадывается часть функций администрации. А уж «эсдпэшники» этим пользуются всюю: избивают осужденных, грабят, вымогают и т. д.

Правда, ни один «свидетель» не показал, что лично он это все видел. Просто «слышали», и все. Но этого оказалось достаточно, чтобы обвинить всю уголовно-исполнительную систему в том, что права заключенных нарушаются грубейшим образом, а в колониях и тюрьмах установлены порядки, которые в своей жестокости не уступают порядкам в фашистских и сталинских лагерях.

Странными показались мне и размышления ведущих, «экспертов» и «свидетелей» об условно-досрочном освобождении. По их словам, условно-досрочно освобождаются исключительно члены СДиП. Правда, сами же «свидетели» утверждали, что настоящих «активистов» в колониях 10–15%. Но условно-досрочно освобождается более 50% от общего числа освобождаемых. По логике, как минимум 35–40% среди освобождающихся условно-досрочно, к активистам не принадлежат.

К тому же условно-досрочно освобождает вовсе не администрация, а суд. По закону, участие в СДиП не входит в требования к кандидатам на УДО. Администрация представляет в суд характеристику, в которой содержатся данные «о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения» (ч. 2 ст. 175 УИК РФ). Безусловно, участие в различных секциях может учитываться. Это как бы плюс. В то же время неучастие не является минусом, потому как для УДО это не является обязательным условием. Тем более, повторюсь, освобождает не администрация, а суд, и на суде интересы осужденного может представлять адвокат.

Основное требование правозащитников – запретить деятельность самодеятельных организаций осужденных, особенно СДиП. Но ведь и Совет Европы в новой редакции Европейских пенитенциарных правил рекомендует, чтобы заключенные участвовали в обсуждении вопросов, касающихся условий содержания (ст. 50 ЕПП): «Все заключенные в целом заинтересованы в нормальном функционировании пенитенциарного учреждения и могут поделиться полезными соображениями в этой области. По этой и ряду других причин им должна быть предоставлена возможность довести свое мнение до тюремной администрации. Решение о форме поддержания диалога с заключенными остается за национальными тюремными властями. В некоторых случаях заключенным позволяют избирать своих представителей и формировать комитеты, которые будут представлять чувства и интересы своих сотоварищей. Возможны и другие способы взаимодействия по усмотрению администрации» (официальный комментарий к ст. 50 ЕПП). Но и для российских самодеятельных организаций осужденных основной сферой деятельности являются санитария, труд, библиотека, различного рода кружки, спортивные мероприятия. Соблюдение дисциплины также является составной частью условий содержания.

Конечно, можно обойтись и без всяких этих элементов самоуправления. Для этого достаточно перевести всех российских заключенных на тюремный вид режима, то есть расформировать все исправительные и воспитательные колонии, а вместо них понастроить тюрем. Кстати, на тюремном виде режима никаких самодеятельных организаций сейчас не предусмотрено. И для администрации учреждений это было бы большим облегчением. Ну что может сделать в одиночной камере заключенный? Ничего. А вот лучше ли это для самих заключенных – большой вопрос. Так что, прежде, чем что-то расформировывать, надо хорошенько подумать – будет ли от этого лучше?

Общественный контроль и хваленая Британия

Не выдерживают критики и утверждения отдельных так называемых «правозащитников» о том, что УИС становится более закрытой от общественного контроля. Наоборот, уголовно-исполнительная система России год от года становится все более открытым ведомством, всецело приветствующим сотрудничество как с неправительственными организациями, так и со средствами массовой информации. Только в 2006 году представители 350 общественных организаций посещали с различными целями учреждения УИС более 1500 раз, увеличилось количество посещений следственных изоляторов, исправительных и

воспитательных колоний и тюрем представителями различных средств массовой информации, в том числе зарубежными. По сути, и дня не проходит, чтобы в каком-нибудь учреждении не побывали либо представители общественности, либо представители СМИ. Частые гости в российских пенитенциарных учреждениях и представители международных контролирующих организаций.

Кроме того, во всех территориальных органах УИС уже созданы и активно работают общественные советы, сформированные из авторитетных представителей различных институтов гражданского общества, которые своей полезной деятельностью содействуют администрации пенитенциарных учреждений в области социальной реабилитации осужденных и заключенных под стражу, защиты их прав и свобод.

На «слушаниях», о которых выше шла речь, говорилось о британском опыте. Советы визитеров, существующие при английских тюрьмах, якобы полностью исключают случаи нарушения прав британских заключенных. Советы визитеров – вещь, безусловно, полезная, только и они панацеей не являются.

Недавно публикация популярной английской газеты «Гардиан» произвела эффект разорвавшейся бомбы. Оказалось, что более 160 служащих пенитенциарной системы Великобритании причастны к пыткам заключенных либо к сокрытию фактов избиений, изнасилований и угроз физической расправы в британской тюрьме Вормвуд Скрабс, расположенной на западе Лондона. Изданию стали известны детали доклада, который был подготовлен еще в 2004 году Питером Куином, на протяжении тридцати лет возглавлявшим британские исправительные учреждения. Доклад этот вопреки британской традиции не был опубликован и, соответственно, не стал достоянием общественности. Свои материалы Куин представил в Управление пенитенциарной системы Великобритании, однако его доклад все это время был засекречен. По его словам, он был потрясен тем, что ему удалось обнаружить несколько лет назад. «Долгое время с заключенными жестоко обращались, иногда дело доходило до пыток. Такой ситуации не было в британских тюрьмах по крайней мере последние сорок лет», – подчеркнул он. В докладе отмечается, что злоупотребления со стороны персонала Вормвуд Скрабс были отмечены в период с 1992 по 2001 год. Причем, отмечает «Гардиан», около 100 служащих, которые знали о пытках заключенных в этой тюрьме, до сих пор работают в структурах Управления пенитенциарной системы, а 50 участников бесчинств по-прежнему служат в самой тюрьме Вормвуд Скрабс.

Правозащитники также подчеркивают, что не принимается закон «Об общественном контроле...». Но законы принимают депутаты, а не сотрудники УИС. Будет закон, будет и общественный контроль, разумеется, в рамках закона. Не будет, значит..

Кстати, во Франции, стране не менее демократической, чем Великобритания, никакой общественный контроль за тюрьмами не предусмотрен.

Цели и задачи общественного контроля определены в соответствующем законопроекте (который, кстати, правозащитников не совсем устраивает: по их мнению, он им предоставляет недостаточно прав). Однако непонятно, кто будет эти задачи осуществлять. Ведь в России, что ни «эксперт» по тюремным делам, то это либо человек, сам ранее отбывавший наказание, либо родственник ныне сидящего. А пойдет ли в контролеры, например, академик Юрий Рыжов? Или Юрий Афанасьев? Или Тамара Морщакова? Вряд ли у них есть для этого время...

Кстати, о бунтах...

Повторять все измышления на эту тему, которые звучали в выступлениях «экспертов», не буду.

Скажу лишь, что массовые выступления заключенных возможны, по моему мнению, в трех случаях. Первый, он же самый распространенный: стремление различного рода криминальных авторитетов внести дезорганизацию в деятельность учреждений УИС. Это им нужно, чтобы не потерять власть, им не хочется, чтобы в «общак» перестали течь средства простых эзков, не хочется, чтобы тюрьмы и колонии были действительно тюрьмами и колониями, а не рассадником криминальной субкультуры... Только вряд ли это пройдет. Сами же правозащитники говорят, что почти уже и не осталось «черных» зон. Вот и хорошо, что не осталось. Править, по моему мнению, должен закон, и вовсе не тюремный.

Второй случай – неправомерные действия представителей администрации. Такое случается. Но, как говорилось выше, такие действия получают однозначно жесткую оценку со стороны руководства ФСИН России, вплоть до увольнений виновных и возбуждения уголовных дел.

И наконец, третий случай. Это то, что психологи называют эффектом подражательства. Чаще – в силу возраста – этот эффект встречается среди несовершеннолетних. «Там вон чего сделали, давай и мы тоже!» – примерно так они объясняют свои действия. Во что это выливается, мы все прекрасно знаем. И отсюда следует один-единственный вывод: нельзя до бесконечности гуманизировать условия содержания в тюрьмах. Режим должен быть очень жестким (не жестоким!) и предельно регламентированным.

ИЗ ИНТЕРНАТА – В МИР

Мария Терновская

«Мы должны помогать каждому ребенку найти семью и обеспечивать потребности его развития»

Сегодня система защиты прав детей представляет собой хаос разнообразных структур и служб, по которым перебрасывают ребенка, без особого плана и без ответственности за конечный результат. Нет единого процесса принятия решений о ребенке. В итоге – дублирование функций, неэффективная трата средств и минимальный результат для детей и семей. Здесь мы говорим о детях в трудной жизненной ситуации: это и дети в социально опасном положении, и оставшиеся без попечения родителей, и сироты.

Главенствует ведомственный подход. Ребенок сам по себе, его благополучие и развитие отнюдь не являются основной целью совместной деятельности неисчислимых участников профилактики и защиты прав детей. Отсутствует единая система, единый процесс помощи такому ребенку – начиная от выявления семейного неблагополучия и вплоть до достижения положительного результата (положительного – для ребенка). Таким результатом может стать возврат в семью или устройство в новую семью, но главное – результат должен быть оптимальным с точки зрения интересов ребенка, а не интересов, принципов или удобства органов опеки и учреждений.

Отсутствие планирования мер по защите прав ребенка в трудной для него ситуации (причем на основе профессиональных оценок) неизбежно приводит к смещению целей всей системы профилактики: цель деятельности органов опеки, которой должен был бы быть наилучший результат для ребенка, подменяется показателями функцио-

М. Ф. Терновская – канд. пед. наук, директор ГОУ Детский дом № 19 «Центр патронатного воспитания» и БФ «Наша семья».

Материал подготовлен на основании интервью, которое М. Терновская дала редакции журнала в ноябре 2007 г.

нирования отдельных учреждений и ведомств, обслуживающих этого ребенка.

Такая система неэффективна как для отдельного ребенка, так и для устойчивого развития общества в целом. Выстроить единый процесс защиты прав ребенка и планирования попечения над ним – вот центральная задача сегодня.

Но, пожалуй, не стоит просто клеймить органы опеки, которые либо не справляются, либо справляются плохо со своими обязанностями (напомню, что под обязанностями мы все-таки имеем в виду защиту интересов ребенка, в первую очередь безопасность и семью). У них нет ресурсов. И не будет, даже если расширят штаты. Это будут штаты администраторов, а нужны специалисты. Например, у нас 60 человек различных специалистов. Ясно, что такие организации должны быть связаны с органами опеки, иметь полномочия на работу по опеке и попечительству, иметь лицензию.

Органы опеки только называются «органами опеки», а по сути они вмешиваются в дела семьи и решают судьбу детей и их родителей. Они должны и дальше заниматься своим делом и осуществлять свои так называемые «властные полномочия», но, чтобы получалось эффективно, необходимо каждое такое решение подготовить, обосновать, исследовав как следует ситуацию ребенка и его семьи, выявив, что же нужно каждому такому ребенку, и выбрав оптимальное решение с участием специалистов.

В настоящее время органы опеки работают только тогда, когда ребенок уже остался без попечения родителей. Как в анекдоте – вы умрете, а потом мы вам поможем... Профилактикой занимаются другие органы и ведомства. Это как раз и неверно.

На самом деле органы опеки должны начинать работать, как только возникла ситуация неблагополучия в семье. И далее вести этого ребенка до конца – до улаживания ситуации в семье или до устройства ребенка в новую семью... То есть одна структура должна принимать решения о детях – и максимально профессиональные, квалифицированные и всегда с точки зрения оптимального результата для ребенка. Чтобы был профессионализм, нужно дополнить органы опеки сетью специализированных учреждений по опеке и попечительству.

Что же вместо этого делается сейчас? На этапе неблагополучия никто ничего не делает. Все выжидают, пока само не рассосется или пока ситуация неблагополучия не созреет настолько, что станет очевидной необходимость изъятия ребенка. Потом опять «зависание» –

в ожидании собранных бумаг и установленного статуса. Поэтому дети годами находятся в приютах, которые тоже что-то делают, но по факту, когда ребенок уже в учреждении. Иногда эти дети сразу попадают в детские дома (когда нет приютов), иногда остаются без всякой помощи, и их принимает улица...

В общем, полностью за судьбу ребенка у нас не отвечает никто, эта ответственность рассыпана, как мозаика, между многими опекунскими учреждениями, такое положение само по себе провоцирует безответственность. Чтобы преодолеть этот хаос, прежде всего следует устранить дыры в законодательстве. У нас ведь неблагополучные дети поделены на категории (в трудной жизненной ситуации, безнадзорные, оставшиеся без попечительства родителей, дети-сироты, дети-отказники и т. д.), и для каждой из этих категорий установлена своя отдельная процедура и свое отдельное ведомство...

Единственный ответственный орган обязательно должен быть (и я уверена, он будет рано или поздно, несмотря на отчаянное сопротивление ведомств и ГД), но и он тоже не может принимать решения волюнтаристски. Делая обследования детей, нуждающихся в помощи, мы совершенно ясно поняли, что надо оценивать развитие и обеспеченность потребностей развития как детей, так и ситуацию родителей. Должен быть разработан и описан единый стандарт и порядок обследования детского и семейного неблагополучия. Необходима структура, которая бы отвечала за решение этих вопросов, учреждения с достаточным числом подготовленных специалистов, владеющих технологиями, и необходимы критерии такой ответственности.

Теперь вопрос: что для нас главная ценность? Сам по себе ребенок? Его благополучие и счастье? Численные показатели устройств в семью? Или только будущий трудоспособный гражданин на рынке труда? Если первое, то ребенок должен жить в семье, поскольку только семья, воспроизводя постоянно отношения привязанности, формирует полноценного человека. Я в это свято верю. Но этого мало: ребенок должен быть в безопасности, и он должен нормально развиваться. Все решения о детях крутятся вокруг дилеммы: спасем – лишим семейных отношений. Поместим в новую семью – но как и в какую, как избежать новых страданий? И кто будет в ответе? Лишая ребенка этих отношений, мы лишаем ребенка всего. Можно даже поступиться хорошими условиями ради жизни в семье, где ребенка любят и где он чувствует эти важнейшие нити привязанностей, которые потом превращаются в нити, связывающие человека со всем миром. За жизнь в такой семье ребенок будет бороться, несмотря даже на бытовую неустроенность. И нам тоже надо

бороться за такую семью. Если ребенок будет жить в любви, он вырастет совершенно адекватным человеком... Если его вырвать оттуда, он утратит возможность нормально развиваться. Все это следует учитывать, понимая, что помещение детей в дома ребенка, где у него не будет постоянной «мамы», мы обрекаем его на то, что у него не будет развиваться мозг и он может начать болеть.

То есть главная беда детских учреждений (детских домов и других интернатных учреждений) в том, что там ребенок не имеет единственного значимого взрослого, позитивное влияние которого нельзя заменить ничем...

Так что нужно спасти собственную семью для ребенка в первую очередь: мотивировать и помогать родителям, помогать и детям. Если это невозможно, нужна новая семья.

Но какая? Откуда она возьмется? Кто будет решать, кого кому отдавать? Можно ли вообще «выбирать детей» как в магазине? Этот вопрос с браком? Кто будет отвечать, если и там не заладится? Если ребенок опять пострадает? И что нужно делать и кому, чтобы все было замечательно и хорошо и у ребенка, и у новых родителей. И наконец, нужно ли отвечать кому-нибудь и участвовать, если станет очевидно, что ребенку в новой семье плохо, или он в опасности, или опять за ним элементарный недосмотр? А сами новые мамы с папами считают, что ничего не происходит, и избегают контактов? Кто вообще за что отвечает и кто здесь что делает? Только ли сами семьи, взявшие ребенка на воспитание?

Работая двенадцать лет в этой сфере, мы поняли, что существует очень широкий круг людей, которые готовы взять ребенка в семью, взять на себя ответственность в защите его интересов. Однако мы также поняли, что «само по себе ничего не происходит». Как в любом деле, нужен профессионализм и здесь. И еще, этим людям нужна помощь: им надо создавать защитные условия, их нужно избавлять от беготни по инстанциям. Необходимо обеспечить для них сервис специалистов, к которым всегда можно было бы обратиться в случае непредвиденных (да и предвиденных тоже) трудностей, необходимо, чтобы эти люди имели право, могли требовать помощи, а не выпрашивать ее. Но и сама такая служба должна иметь возможность активно помогать: инициировать свою помощь, если становится очевидна ее необходимость. Искусство здесь состоит в том, чтобы провзаимодействовать с семьей так, чтобы она начала понимать проблему и согласилась помощь принять. В этом как раз и состоит высший профессионализм. Такая профессиональная работа в корне отличается от традиционных

установок: клиент должен иметь запрос. Работа как с дисфункциональной семьей, так и с семьей приемной состоит на 90% в формировании контакта и такого вот запроса, в мотивировании на понимание проблемы и на поиск решения, на обращение за помощью. По нашему опыту, если специалисты, работающие в такой системе, этого не понимают, встают в «позу», сидят и ждут, когда «клиент» «дозреет сам», то это катастрофа, т.к. и дети и семьи остаются без помощи и даже в опасности. Время бывает упущено, проблема уходит глубоко внутрь, и нарастает угроза отказа от воспитания или ухода ребенка из семьи.

Формировать же «контакт» помогают многочисленные перекрестные связи, которые возникают в такой системе. Они и формальные, и неформальные. В них включен персонал центра, и все семьи, и дети, и все, кто вокруг. Вокруг нашего центра уже создалась неформальная общность людей, они взаимодействуют между собой, помогая сами себе и друг другу.

Именно поэтому и требуется по-новому выстраивать отношения семьи и службы по устройству детей. Отношения, которые возникают при «профессиональном подходе к делу» в корне отличны от ситуации при опеке или при усыновлении и должны по-иному юридически регулироваться. Именно поэтому мы и придумали и назвали по-своему патронатное воспитание. Здесь родители и наш центр патронатного воспитания несут совместную ответственность (так называемая «солидарная ответственность» по защите интересов ребенка). Центр гарантирует любую необходимую юридическую защиту и оформление документов, но и на семью возлагается «своя ответственность» – за здоровье и развитие ребенка. При этом мы обеспечиваем семье необходимую помощь специалистов, но избавляем от мелочной опеки и постоянного формального контроля в виде чиновничьих проверок.

Немалое значение имеет и дополнительная материальная помощь, которую получает семья. Деньги из детского дома, предусмотренные бюджетом на содержание ребенка, мы напрямую отдаем в семью. А из фонда оплаты труда, которая нам отпущена как на обычный детский дом, мы выделяем ставки и на всех специалистов, и на оплату зарплат патронатным семьям... То есть в пределах тех же ресурсов – качественно новый подход и результат для каждого ребенка!

Но вся эта работа пока не имеет надежного фундамента. В настоящий момент юридические основания нашей деятельности находятся в стадии пересмотра, потому что меняется федеральное законодательство. Пока юридический фундамент для нас – это закон города Моск-

вы, а для других региональных площадок – законы субъектов Российской Федерации (они есть в 43 субъектах), предусматривающие возможность деятельности таких уполномоченных организаций опеки, как наш центр, и существование новой формы устройства детей в семью – патронатного воспитания, при котором ребенок передается в семью на основе договора с уполномоченным учреждением, в котором разграничены права семьи и учреждения по защите прав и интересов ребенка, и семья, и учреждение несут солидарную ответственность за обеспеченность потребностей развития и безопасность ребенка, заключаемый договор является трудовым.

Что еще важно? Мы постоянно проводим переподготовку специалистов других организаций. Без обмена опытом было бы гораздо труднее. Мы организовались в 94-м, а в 96-м стали работать по новой схеме. Через три года мы уже могли распространять свой опыт, помогать другим реорганизовать детские дома в центры по устройству детей в семью. Формы такой помощи обычные: проведение тренингов, конференций, издание пособий и пр. Кроме того, в наш центр приезжает огромное количество «ходоков»: сначала на разведку, берут методички, потом уезжают домой, пытаются договориться со своим начальством, с теми, кто принимает решения. Многим удается добиться необходимого статуса уполномоченной организации, и тогда у нас с ними начинается профессиональное взаимодействие. Теперь мы уже работаем с половиной России, с кем-то больше, с кем-то меньше. Активные союзники у нас сегодня в двенадцати регионах, они уже в состоянии сами организовывать центры распространения опыта. Это и есть наше главное достижение – уже есть достаточно квалифицированные люди, то есть существует кадрово-профессиональный ресурс и есть необходимые технологии...

Но требуется еще столько всего...

Попробуем вернуться к тому, что необходимо.

Первое – это нормативная база, второе – работа с кадрами (подготовка и переподготовка), третье – лечение общества, страдающего укоренившимися заблуждениями и фобиями и по поводу детей из детских домов, и по поводу людей, которые их берут в семью, и даже уже по поводу профессионалов, которые должны в этой сфере работать... Вы все это не раз слышали и знаете, к сожалению... А для этого требуется совместная работа со СМИ.

Иначе говоря, помимо профессиональных усилий, столько еще всего надо... Ведь неблагополучным детям и семьям целиком рассчитывать на государственные структуры не приходится – нужны дополнитель-

ные и материальные ресурсы, хотя бы для того, чтобы покупать лекарства, так как сегодняшних пособий совсем недостаточно... Что-то можно делать общественными силами, что-то – с помощью госструктур.

Имеет смысл напомнить, что в самом начале вообще никто не верил, что наши идеи патронатного воспитания могут быть востребованы. Я, помню, ходила с этими идеями в 94-м году, и все мне говорили: «Да кто же их возьмет, этих детей? Никто не возьмет, дураков нет»...

А потом выяснилось, что есть очень много людей, которые хотели бы взять детей. Еще в 96-м, 97-м – люди просто валом повалили в ответ на наше первое объявление. Потом главным было создать условия и выстроить нормальные отношения с семьями-претендентами... Потом выяснилось, что одной любви, к сожалению, мало. Нужны компетентные родители, понимающие и принимающие этих детей, и компетентные специалисты, не снимающие с себя ответственности и понимающие и детей, и семьи. И так будет до бесконечности: мы все время обречены совершенствовать эту систему, все время опираясь на практику и научные обобщения.

А нас хотят вернуть обратно, на 20 лет назад (законопроекты ГД об опеке и попечительстве именно возвращают систему госопеки в жестко зацементированный непрофессиональный монстр, в котором детьми и семьями распоряжается кучка чиновников).

Простите за повтор, но важно напомнить еще раз, чтобы не было разночтений и недопонимания, что, по действующему закону Москвы, у нас солидарная ответственность с патронатной семьей и в договоре четко распределены права и обязанности в отношении законного представительства. Там четко сказано, что за жизнь, здоровье и образование отвечает семья, а за юридическое сопровождение, за представительство в суде по лишению родителей родительских прав, за вывоз за рубеж, за имущественные права отвечает детский дом. А сам детский дом – уже не детский дом, а профессиональная организации по работе с патронатной семьей. Кроме того, за нами остается ответственность по предоставлению профессиональной помощи для наилучшего обеспечения развития и потребностей ребенка. То есть мы должны иметь профессиональные службы, которые будут и смогут оказывать это необходимое содействие...

Другими словами создается корпоративное родительство. Мы отвечаем, и они отвечают. Мы связаны друг с другом и просто вынуждены взаимодействовать. Мы понимаем, что если мы сделаем плохо этой семье, значит, плохо будет ребенку и, соответственно, нам, поскольку мы за это отвечаем. А семья прекрасно знает, что она отвечает за жизнь

и здоровье и если не дай бог что, то им не поздоровится. Они прекрасно понимают свою долю ответственности, но они имеют и права. И в первую очередь это право требовать с нас все необходимое для ребенка, которого они взяли на воспитание.

Любой антагонизм выйдет боком и нам, и им. Это тот случай, когда нормальным образом построенные правовые отношения дают синергетический эффект. А мерило у нас одно – и мы, и они занимаемся ребенком и стремимся, чтобы именно ему было хорошо.

Мы не влезает в частную жизнь, как иногда говорят о патронате. Мы прекрасно понимаем: сами этому ребенку мы помочь не сумеем – ему нужна семья. А патронатные родители тоже прекрасно понимают, что они не психологи, не юристы, не психиатры, не врачи, не социальные педагоги; им тяжело сидеть в кабинетах, оформлять пенсии, алименты, выбивать жилье, выбивать путевки... Это обеспечивает наша служба, и они с нас это требуют.

В результате такого взаимодействия 95% неблагополучных детей, тех, кого обычно помещают в детские дома, либо устраивают в патронатную семью, либо возвращают домой.

Но куда важнее качественные показатели: как этим детям живется и какими выходят они в самостоятельную жизнь. Об этом мы заботимся вместе с семьей. Работают и дефектологи, и врачи, и психологи. Если не поработать с ребенком, который потерял семью, каких-то иных значимых людей или у которого вообще не было никаких отношений (это еще хуже, чем если они были, но были разорваны, хотя там, конечно, тяжесть переживаний острее), то вопрос адаптации в семье будет решаться очень тяжело, а иногда силами семьи сделать такую работу просто невозможно. Я вижу такие трудности постоянно, и мне просто страшно за те семьи, которые сразу берут ребенка на усыновление и не обращаются ни к каким специалистам. А ведь у них объективно протекают те же процессы, что и в наших патронатных семьях...

Я уверена, что, кроме новой семьи, обязательно требуется еще одна сторона, участвующая в процессе адаптации неблагополучного ребенка в новой семье, и эта сторона должна быть профессиональной и иметь права. Главное – четко понимать границу вмешательства...

Но если у нас общая цель, если у нас солидарная ответственность, если прописаны права и обязанности, то все вопросы решаются гораздо легче. Конечно, в том случае, когда не возникает проблем, связанных с характерологическими особенностями тех людей, которые берут ребенка на воспитание. Или с такими же особенностями сотрудников. Или с нарушением процедуры, или с перегнутыми палками, или

с обманом, или с отказом специалистов «идти в семью» помогать. А это напрямую связано с защищенностью ребенка. Вопрос безопасности при помещении в семью – вопрос не праздный. Попадаются всякие отклонения, вплоть до педофилии, алкоголизма, депрессий и криминала, и нам нужно быть очень внимательными... Без сопровождения и без определенной работы и «на входе», и «на выходе» отдавать ребенка в семью нельзя.

Очень хотелось бы, чтобы прекратился какой-то странный антагонизм между сторонниками разных форм обустройства неблагополучных детей. Нет каких-то разных направлений, а должен быть единый процесс работы с ребенком. Прежде чем с ребенком что-то сделать, надо понять, что ему надо. И каждое решение должно приниматься исходя из этого. Идеальный случай – оставаться в своей семье, если это возможно с точки зрения безопасности, с точки зрения привязанности, с точки зрения наилучшего обеспечения его потребностей. Если такие возможности есть – все силы надо направить на это. Но только если действительно в семье есть ресурс к изменению.

Необходима единая профессиональная система работы с ребенком, чтобы понять, какие у него потребности развития, и потом сделать так, чтобы обеспечить их наилучшим способом. Если его надо усыновлять, то почему же нет?!

Можно сказать, что генеральную линию обозначил президент в послании 2006 года. Он призвал к сокращению числа детей в государственных учреждениях и к оказанию поддержки приемным родителям и тем, кто хочет взять детей на воспитание. Я считаю, что это вполне разумно. Собственно, это мы и делаем. Только мы еще говорим, *как* надо это сделать. По мановению волшебной палочки дети не окажутся в приемных семьях – нужно найти усыновителей, подготовить их, нужно найти ребенка и передать его.

В нынешней ситуации делать это должны сами граждане: ходить, добиваться, требовать, давать взятки... А мы говорим, что эта работа должна быть организована государством, и именно эта работа – первая обязанность государства. И делать ее надо профессионально.

Мы должны помогать каждому ребенку и обеспечивать потребности его развития, и внедряемое нами патронатное воспитание предоставляет максимальную помощь, которая требуется приемным родителям и никак не противоречит тому направлению, которое называют усыновлением. Каждая четвертая патронатная семья, с которой мы работаем, в конце концов пришла к усыновлению. Вернее, мы прихо-

дим к этому совместно – когда люди понимают, что уже пройдены все кризисы адаптации и что они уже со всем справляются самостоятельно, когда они более не заинтересованы в профессиональной и материальной поддержке и сами могут обеспечивать все необходимое для ребенка, мы согласованно приходим к передаче ребенка на усыновление той же патронатной семьей. Это оптимальный путь...

Но есть огромное количество детей, которых никогда не усыновят. Например, если они уже большие... Меня в региональном банке детей, передаваемых на усыновление города Москвы еще в прошлом веке, потрясли, когда сказали, что четырехлетний ребенок – для них старый ребенок. Это уже не «котирующийся товар». Усыновителям нужен маленький, беленький, с голубенькими глазками. Сколько у нас усыновляют детей, которым более четырех лет? А если им пятнадцать?! Им всем в детских домах сидеть?

Мы не противники усыновления (как часто пытаются нас представить), и патронатная семья никак не отменяет усыновление и опеку. Патронатная семья – самый лучший мостик к усыновлению или к самостоятельной жизни, или просто никакой не мостик к чему-то светлому, а самое что ни на есть реальное счастье для ребенка. Такая семья получает хорошую подготовку, они уже больше понимают, что их ждет, как им действовать, куда им прийти в случае необходимости. Большинство и приходит, когда возникают проблемы... Или мы помогаем понять, что помощь нужна. Наша обязанность – оказать помощь.

Мария Терновская

Право ребенка на воспитание в семье

В настоящее время имеется 2 несовместимые друг с другом различные точки зрения и, соответственно, 2 варианта дальнейшего хода развития работы по семейному устройству детей.

Первая позиция – это позиция отдельных управленцев, которые, как правило, не были ознакомлены с опытом площадок по патронату и не учитывали, что мы имеем дело, по сути, с людьми – детьми и семьями, а потому аспекты отношений и психологии здесь являются определяющими для достижения успеха.

Вторая позиция – это позиция, а соответственно, и модель реформы, носителями которой является Министерство образования и науки РФ с участием патронатных площадок. Эти две точки зрения принципиально отличаются друг от друга и совершенно различно отвечают на вопросы по основным позициям устройства ребенка в семью.

Две точки зрения на развитие работы по семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Кому нужна реформа?

Только самим усыновителям. Граждане должны сами хотеть взять детей и сами должны этого добиваться. Роль государства – платить и контролировать, поэто-	Детям и семьям и отвечающему за них государству. Граждан надо привлекать и им надо помогать. Необходимо создать службу, для которой работа с такими семь-
---	---

Фрагмент. Полностью книгу можно прочесть на сайте Детского дома № 19 (www.pro-mama.ru).

<p>му устройство в семью – дело администраторов плюс формальная процедура с хождением по инстанциям и оформлением документов.</p> <p>Усыновление – геройство и удел избранных.</p>	<p>ями является единственным и главным занятием. Только тогда потенциальные родители почувствуют собственную востребованность, значимость и ценность. Прием ребенка в семью будет не геройством, а нормой жизни. «Патронатные семьи – такие же люди, как ты и я». Только при этих условиях будет массовость. Герои нужны, но без тщательной профессиональной работы нельзя помочь большому числу детей.</p>
--	---

Ведение дела ребенка – процесс или хаотические меры реагирования?

<p>Разрывность процесса. Разрыв происходит по линии установления статуса ребенка:</p> <p>считается, что профилактика и устройство в семью – это два отдельных независимых процесса и два разных вида деятельности, осуществляемых разными специалистами и службами. Строится хаотичная система, в которой дети «перебрасываются» из одних рук в другие. Дублирование функций и неоправданная трата ресурсов.</p>	<p>Связанность процесса. Выявление – профилактика (работа внутри семьи) – устройство – это все звенья единого процесса принятия решений о ребенке. Единственный орган, отвечающий за ведение дела ребенка – орган опеки и попечительства.</p>
--	---

Приоритеты при принятии решений

<p>Перемещение детей происходит исходя из административной необходимости. Выполнение формальных требований осуществляется без учета человеческого фактора. Осуществляется заполнение детских учреждений. При этом имеет место избегание ответственности, саботаж семейного устройства.</p>	<p>Сначала идет оценка и выявление потребностей всех аспектов развития ребенка. После этого принимается решение о такой форме воспитания и устройства, которая будет лучшей для удовлетворения этих потребностей.</p> <p>То есть на местном уровне (орган опеки и его уполномочен-</p>
--	--

	<p>ная служба) первым делом проводят оценку ребенка. В зависимости от потребностей ребенок направляется либо в учреждение, занимающееся возвратом в семью или устройством в новую семью, либо в учреждение, обеспечивающее специфические потребности здоровья и поведения ребенка. Оценивается не только когнитивный уровень, но и привязанности, безопасность, факторы семьи и подобные социально-психологические факторы, определяющие выбор дальнейшей судьбы.</p>
--	---

Учет мнения специалистов при принятии решений

<p>Специалисты не привлекаются и их мнения не учитываются в процессе принятия решений. Специалисты привлекаются вне процесса принятия решений.</p> <p>Уполномоченных служб либо нет совсем, либо для работы «по запросу» подключают находящиеся вне процесса и не отвечающие за ребенка сторонние организации и центры, которые никак не будут влиять на ход адаптации и развития ребенка.</p>	<p>Все решения принимаются только на основе мнения специалистов о потребностях ребенка и семьи.</p> <p>Специалисты находятся внутри процесса принятия решений. Орган опеки принимает решения только с учетом их данных. Сами службы начинают выполнять часть работы органа опеки по взаимодействию с детьми и семьями.</p>
--	--

Роль органа опеки и регионального банка данных

<p>Орган опеки выступает как вспомогательный орган, собирающий документы для оформления статуса ребенка и уже потом осуществляющий контроль.</p> <p>По сути, все решения об устройстве ребенка находятся в руках ведомства, выписывающего путевку</p>	<p>Орган опеки имеет центральную роль. Он имеет уполномоченные службы и учреждения или сотрудничает с ними на основе договора муниципального заказа. Эти службы работают профессионально на него и обеспечивают как работу на сохранение ребенка в се-</p>
---	--

в учреждение либо дающего сведения о ребенке из базы данных усыновителям. Для детей до 3 лет путевки даются департаментом здравоохранения, для детей без статуса – социальной защитой. В случае если ребенок имеет статус сироты, этим ведомством является региональный банк данных сирот. В результате региональный банк данных имеет неограниченные и никем не контролируемые права «сортировать» и «распределять» детей. В решениях принимает участие узкий круг лиц, а это и составляет основу для коррупции.

мье, так и работу по устройству и по дальнейшей помощи ребенку и семье. Эти учреждения работают с органом опеки по договору муниципального заказа и не обязательно состоят в его прямом подчинении. Правовых противоречий, связанных с передачей функций снизу вверх, нет, так как правоустанавливающие функции не передаются от органа опеки в такую службу, а поручается выполнение той или иной работы, отнесенной к вопросам местного значения. Этим обеспечен наиболее объективный путь принятия решения о ребенке. Роль региональных структур и властей – вести статистический учет и осуществлять сервис, дополнительный органу опеки и попечительства, но не отменяющий его.

Результат: решения обоснованы, в них участвуют специалисты, существуют множественные пути контроля.

Выстраивание процедур и порядок действий

Выстраивается формальная процедура.

Вот путь желающих взять детей:
– Желаящие взять детей собирают документы и идут в орган опеки № 1 по месту жительства, который их рассматривает по формальным признакам, делает заключение по поводу жилищных условий и о том, что семья является надлежащим кандидатом. Этот процесс осуществляется без углуб-

Выстраивается процедура, направленная на формирование отношений сотрудничества службы с семьей. Центральная роль – у уполномоченной службы, имеющей полномочия для этой работы и «качество» органа опеки (в соответствии с заключенным договором о муниципальном заказе).

Вот путь желающих взять детей:
– Семья обращается в уполномоченную службу, где ее консультиру-

ленной работы с семьей и без оценки ее компетенций.

– С соответствующим заключением люди, желающие взять ребенка, идут в региональный оператор банка данных детей. Там им дают направление в детский дом на просмотр конкретного ребенка, выбранного из базы данных по формальным признакам.

– Детский дом или дом ребенка может быть или не быть уполномоченной службой, но потенциальных «родителей» знакомят только с этим ребенком, а также попутно и в очень короткий срок проводят подготовку семьи.

– Затем потенциальные «родители» идут в орган опеки № 2 по месту прописки ребенка (детдома) и оформляют там документы на передачу им ребенка (свой перечень документов, в зависимости от формы устройства).

– Если это усыновление, то затем идут в суд. Если это патронат, то таких «родителей», уже к этому времени заключивших договор с опекой, отправляют обратно в детдом для заключения еще одного договора на выплату денег и на «сопровождение». При этом семья детский дом не знает, решение о подборе ребенка принято было не им, а отвечать за последствия придется именно ему.

– Поскольку в послание президента патронат не вошел, денег на него не выделяют, он не будет раз-

ют, начинают процесс оценки и подготовки. В результате формируются отношения доверия, сотрудничества и контакт с семьей. Выявляются компетенции по воспитанию приемных детей, риски и преимущества семьи. Если они (семья) прошли курс, их просят оформить пакет документов. Заключение о жилье дает сама уполномоченная служба. По итогам всего процесса оценки составляется заключение.

– Из числа подготовленных семей уполномоченная служба выбирает по совместимости те, которые подходят для конкретных детей, подготовленных к устройству в новую семью. Семье дают информацию о ребенке.

– Происходит процесс знакомства и принятия решения под патронажем специалистов.

– Если семья решит оформить усыновление или опеку, то она с заключением уполномоченной службы обращается в орган опеки по месту жительства. В этом случае орган опеки также оформляет заключение.

– Если семья выберет патронат, уполномоченная служба и семья заключают трудовой договор, и ребенок помещается в семью. При этом служба обязана сопровождать и помогать семье и ребенку.

При этом взаимодействие семьи и службы построено четко и на юридической основе.

виваться, а вместе с ним не будет развиваться и вся профессиональная работа с семьей и детьми.

Природа патронатного воспитания

Некоторые коллеги считают, что патронат – это не устройство, а форма воспитания в детдоме, а детский дом – законный представитель ребенка. Прав у патронатного воспитателя нет. Патронат воспринимают в качестве гостевого варианта – помещение ребенка на выходные, каникулы или на 1 год.

Патронатное воспитание – это форма устройства в семью, при которой права по защите прав ребенка разграничены между уполномоченной службой и патронатным воспитателем. Сроки устройства ребенка определяются потребностями ребенка. Обычно патронат устанавливается навсегда, так как до 80% детей – это дети со статусом, когда невозможен возврат домой.

Привлечение граждан и работа с ними

Люди будут обращаться в региональный банк данных, откуда их направят в детские дома. Успех уполномоченных служб напрямую будет зависеть от благосклонности чиновников, направляющих и детей, и семьи.

В этом случае решение принимается в одном месте, отвечают за него – в другом, а работают с ребенком – в третьем.

В результате этого нарушаются как принципы управления, так и главный принцип – выстраивание отношений доверия и сотрудничества с семьей. При этом велика вероятность злоупотреблений, подбор ребенка семье по формальным основаниям, без глубокого изучения семьи, рост числа возвратов детей в детский дом, так как семья, не имея доверия и контакта

Должна быть общая реклама по повышению осведомленности населения.

При этом люди должны обращаться в конкретную, проводящую свою рекламу по поиску семей, уполномоченную службу и с ней иметь дело от начала и до конца.

Имея поручение от органа опеки и попечительства на такую работу, уполномоченная служба «ведет семью» и выстраивает с ней отношения. Это является залогом того, что семья не будет скрывать проблемы с воспитанием ребенка, и можно будет предотвращать кризисы отношений.

Это также является залогом того, что люди, опасные для детей, детей не получают, поскольку в этом случае качество оценки семьи и людей значительно выше. Риск

<p>с единственной службой, будет скрывать проблемы и они не будут получать разрешения. Все это в конце концов и может привести к возврату ребенка. В этом случае велик риск насилия над детьми в новых семьях, а возможно, и смерть воспитанников.</p>	<p>насилия над детьми в новых семьях сводится к минимуму, так как уполномоченной службой осуществляется дальнейшая работа с семьей и ребенком.</p>
--	--

Прогнозируемые результаты внедрения того или иного подходов говорят сами за себя. Предлагаемая Минобразования и патронатными площадками инновационная процессная модель устройства детей-сирот (изложенная в правой колонке этой таблицы) является одной из эффективных систем социальных услуг, поскольку направлена на повышение потенциала детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, оставшихся без попечения родителей, и исходит из стремления таких детей стать полноценными гражданами. Это представляет собой задачу государственной важности еще и потому, что численность таких детей составляет около полумиллиона человек.

Жестко функциональная структура управления находится в противоречии с теми целевыми установками, которые сегодня декларируются. Развитые страны не случайно активно используют и в государственном управлении методы процессного управления.

Предлагаемый процесс имеет вид цепочки последовательных действий по защите прав и законных интересов детей:

1. Выявление семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.
2. Первичное обследование детей / их семей для планирования форм защиты.
3. Составление плана обеспечения безопасности ребенка.
4. Осуществление социального патроната над ребенком в семье.
5. Текущая оценка семьи, достижение изменений в семье.
6. Временное устройство ребенка в уполномоченное учреждение, а затем в семью, с возвратом ребенка в семью, если он был изъят.
7. Постоянное устройство ребенка в семью при невозможности возврата в кровную семью.

На любом из этих этапов возможен возврат ребенка в кровную семью.

Процесс завершается либо снятием кровной семьи с учета в органах опеки и попечительства, либо усыновлением ребенка.

Чтобы такая цепочка реально заработала, необходимо наделить полномочиями руководителя / владельца процесса – главу органа местной власти – главу администрации города, района, – руководителя органа опеки и попечительства и их соответствующие уполномоченные службы, которые должны быть созданы на базе перепрофилируемых действующих учреждений. В противном случае процесс, сам по себе практически беззатратный и крайне важный для решения критической проблемы, разрывается на части в силу ведомственных интересов и приоритетов различных министерств.

Для выполнения этих задач необходимо сделать работу органов государственного управления более избирательной, нацеленной на конкретные проблемы и реальные потребности детей и семей, а также придать ей интеграционный характер, преодолев межведомственную разобщенность. Это возможно осуществить, лишь передав «власть» принятия и **пересмотра** решения о судьбе ребенка владельцу этого решения де-юре, но не де-факто – главе органа местного самоуправления.

Основные причины существующего положения – плохая организация работы, концентрация внимания ведомств на ресурсах, а не результатах, ориентация на увеличение расходов, уход от оправданного риска, слабый уровень менеджмента, низкий статус государственной службы и ряд других.

При внедрении процессного подхода ключевым становится критерий результата для каждого конкретного ребенка. Процессный подход не требует согласования уже утвержденного процесса, то есть вмешательства в принятие органом опеки решений других ведомств, в частности выдачи ими направлений в учреждения. Таким образом, следует пересмотреть полномочия ведомств по вмешательству в процесс – от правоустанавливающих (выдача путевок, неоправданные перемещения детей) к обслуживающим (выполнение заказов на те или иные услуги).

Альбина Скрипник

Идиот

Современная версия

Он родился недоношенным, как сказали врачи, весом с буханку хлеба – около килограмма, наверное. Мать, у которой уже был семилетний сын, увидев новорожденного, сбежала из больницы. Мужу и родителям она сказала, что младенец умер. Когда Ромкин отец стал спрашивать о ребенке врачей, ему сказали то же самое. Почему? Да потому, что система сиротских учреждений, чтобы оправдывать свое существование, нуждается в постоянном притоке сирот.

Первый год своей жизни Рома провел в детской городской больнице № 22. Видела я сирот в таких больницах. Они постоянно лежат в зарешеченных кроватках, и к ним никто не подходит. Даже когда надо поменять пеленки.

– Помнишь ли ты эту больницу? – спросила я Романа. – Какое у тебя самое первое детское воспоминание?

– Помню, как санитарка била нас палочкой по пяткам, если обкакаемся.

Психологи говорят, что интеллект ребенка можно вычислить, если сложить интеллекты окружающих его взрослых и поделить на количество членов семьи. То есть чем больше взрослых окружает ребенка и чем они умнее, тем быстрее он развивается. Давайте попробуем сложить вместе интеллекты десяти неподвижно лежащих младенцев и няньки, у которой хватало ума бить их по пяткам. С этого показателя начинается развитие интеллекта сироты.

В статье использованы документальные материалы из доклада Санкт-Петербургской Гражданской комиссии по правам человека «О ситуации с соблюдением прав человека в специализированных детских домах, детских психиатрических учреждениях и психоневрологических интернатах».

Текст доклада опубликован на веб-сайте СПб Гражданской комиссии по правам человека: www.cchr.spb.ru Данные из медицинских документов обнародованы с письменного согласия Р. Тупина.

Но Ромка весом с буханку развивался на удивление быстро и хорошо. Через год он превратился в крепыша – купидончика с лобастой головой в золотых кудряшках и любопытным взглядом ясных синих глаз. Тогда-то его и отправили в специализированный психоневрологический дом ребенка № 7. Интересно, что в его сопроводительных документах никаких нарушений – психических или неврологических – не зафиксировано. Тогда на каком основании годовалый ребенок получил статус психически больного? Основание было, и весьма серьезное. Дело в том, что у нас очень много сиротских домов для дефективных, все сотрудники которых получают 40-процентную прибавку к зарплате. Чтобы не было оснований для сокращения штатов или (не дай бог!) закрытия за ненадобностью целого учреждения, необходимо обеспечивать его наполняемость. Вот Ромка и множество таких же, как он, смысленных малышей ее и обеспечивают.

В четыре года мальчика перевели в другой детский дом для детей с отклонениями в развитии – № 4. Перед переводом педагоги детдома № 7 написали о нем в характеристике: «За время пребывания... наблюдалась значительная динамика в нервно-психическом развитии. Речь хорошо понимает... Любит слушать сказки, рассказы... Охотно заучивает стихи и потешки. Запоминает слова песен, с удовольствием поет. На занятиях активен. Подвижен. Одевается и ест самостоятельно. Ест аккуратно, пользуется правильно салфеткой. Эмоционален, очень обидчив, бывает упрям. С желанием помогает всем взрослым. Аппетит хороший, сон спокойный».

Тогда же психиатр поставил ему диагноз «олигофрения в степени дебильности».

«В этом детдоме я пробыл до семи лет, – рассказывает Роман. – Наша воспитательница Галина Ивановна очень меня любила. Она брала нас к себе в гости, Новый год у нее праздновали. Но по вечерам Галина Ивановна уходила домой, и мы оставались с санитаркой. А у нее стояло ведро с соленой водой, в котором она замачивала розги. Тех, кто не спал, била по пяткам так, что пятки опухали, и мы не могли ходить. Или натравливала на нас собаку. Жила при детдоме скандальная сывка лохматая, но мы были маленькие и очень ее боялись.

Была у нас радость – полдник. Мы очень его ждали, потому что давали фрукты, а нам все время хотелось вкусенького. Но каждый раз у нескольких ребят санитарка фрукты отбирала. Она подходила, хватала из рук яблоко, говорила: “Ты наказан” – и давила яблоко ногой... Потом, когда мы подросли, мы отомстили нашей мучительнице.

Целый день не ходили в туалет, а справляли все свои нужды в одно ведро. Потом подвешивали его над дверью и опрокидывали санитарке на голову. Она орала, с палкой за нами бегала, потом ужина лишала, но мы все равно были довольны».

Первый раз в первый класс любознательный хулиган Ромка пошел во вспомогательную школу-интернат № 12. Перед школой дети проходили медико-педагогическую комиссию (МПК). Вот выдержки из характеристики Ромы Тупина: «Мальчик общителен, контактен... Навыками обслуживания и общественного поведения владеет. Любознателен... Составляет предложения по картинкам, при помощи педагога может построить рассказ по серии картинок, пересказать текст... Знает названия времен года, дней недели, частей суток. Речь чистая... 18.06.90 г. Учитель-дефектолог».

А вот общее заключение МПК от 19.06.90: «Умственная отсталость в степени дебильности... Рекомендовано обучение по программе вспомогательной школы. Направлен в 1 класс».

«В первом классе я учился очень хорошо: все схватывал на лету, мне было интересно. Тогда нам не давали психотропных препаратов, голова была ясная и соображала отлично. А во втором классе все, съехал...»

Жизнь первоклассника на новом месте шла своим чередом и мало чем отличалась от той, к которой он привык в 4-м детдоме.

«С утра с нами занималась учительница Нина Николаевна, спокойная, заинтересованная в наших успехах женщина. А потом мы были с воспитателями, которые дежурили по очереди. У одной из них было трудное имя – Валерия Всеволодовна, и я звал ее 7 на 8, 9 на 10. Такая была жирная. В столовую она всегда носила с собой три кастрюльки. В одну ей наливали суп, в другую – второе, а в третью – четыре компота. Она ставила кастрюльку между ног и все сметала за пять минут, а компот пила прямо из кастрюльки. «Заморив червячка», она у ребят отнимала по пол-обеда. Причем как: знала, кто что любит, то и отнимала. У меня всегда забирала картофельную запеканку и курицу.

Однажды к интернату подъехал «Икарус», и из него стали выгружать коробки. Потом нас всех пригласили в актовЫй зал. Оказалось, что это иностранцы привезли гуманитарную помощь. Каждому ребенку они вручали по большой коробке. Чего там только не было! Жвачки, сладости, копченые колбаски, одноразовые фотоаппараты, фломастеры, одежда... и игрушки. Мне досталась говорящая собачка – это было чудо!

Вместе с иностранцами подарки раздавала наша директриса, мы звали ее Валентиша. Я подошел к ней, показал пальцем на нашу Семь на восемь и сказал:

– Видите, кто сегодня работает? Я боюсь, что она все у нас отнимет.

– Ну, что ты, – сказала Валентиша, – не отнимет, я ей скажу.

Мы пошли в группу. Воспитательница говорит:

– Складывайте все коробки в одну стопку.

Мы сложили. Она стала доставать из коробок копченые колбаски.

– Сейчас, – говорит, – буду делить.

Режет упаковки и ест. А мы стоим, смотрим. Я думаю: “Надо что-то делать, а то ведь все сожрет!” И попросился в туалет. А сам погулял по коридору, вернулся и говорю:

– Валерия Всеволодовна, вас директор зовет!

Пока она бегала, мы все успели: расхватили свои подарки, отвинтили ножки у ее стула так, что еле держались, на сиденье кнопок наложили. Она вернулась, ругаясь на меня, уселась на стул... И пока она пыталась поднять свое жирное тело с пола, ребята сбегали к директору и пожаловались. Но все равно нам не удалось попользоваться своими подарками. Вскоре нас отправили в лагерь. А Семь на восемь продала наши игрушки и сухое молоко и привезла нам в лагерь маленький пакетик сушек, сказав, что купила сушки на вырученные от продажи нашего имущества деньги. Думает: идиоты, поверят. Но я после лагеря пошел к Валентише, и нашу воспитательницу наконец уволили.

Во втором классе случилось удивительное событие. Из-за границы приехала отборочная комиссия, и нескольких человек, в том числе и меня, выбрали, чтобы заниматься фигурным катанием. Мы тренировались при интернате, а потом поехали в Австрию на соревнования. Я выиграл первое место, и наши ребята тоже заняли призовые места. Нам там давали долларов, одежды, магнитофонов.... Когда Валентиша увидела, сколько мы привезли добра, она засуетилась:

– Заносите ко мне в кабинет на сохранность деньги и технику!

А когда мы стали просить магнитофон, оказалось, что там уже ничего нет. Нам сказали, что Валентиша увезла все к себе домой на интернатском автобусе. Мы, конечно, стали возмущаться.

В тот год в нашем интернате появился психиатр. Мы звали его дядя Саша. Ему не нравилось его назначение в интернат, он говорил, что это не положено. Когда мы взбунтовались, ну и я в первых рядах, Валентиша вызвала к себе в кабинет дядю Сашу и сказала:

– Надо назначать Тупину лекарства. Вы же видите – он неадекватен.

– Зачем ему лекарства? – сказал дядя Саша. – У него пропали вещи, и он имеет право возмущаться.

Но потом она все-таки надавила на него, и он назначил мне ноотропил и соннапакс. Мне после поездки в Австрию надо было нагонять программу, а у меня от таблеток появилась такая вялость! Ужасно хотелось спать. Пишу в тетрадке, а меня так и клонит вниз, упасть на парту и заснуть. И башка ватная – ничего не понимаю! Вот так я и учился во втором классе.

А тут еще делали прививки и заразили меня гепатитом “В”. Полтора года провалялся в больницах. От школьной программы, конечно, безнадежно отстал...»

Интересно, что нигде в медицинских картах и характеристиках на Романа нет никакого упоминания о его заражении. И вот еще что интересно. Как мы поступаем, если наш ребенок отстал от школьной программы из-за соревнований или болезни? Помогаем ему подтянуться, репетиторов нанимаем. Но в сиротских домах к этому относятся иначе.

«Педагоги стали говорить мне: “Плохо учишься, Рома. Надо решать вопрос о переводе в детдом для слабоумных”. А Валентиша сказала, что мне надо подлечиться в психушке. Наш психиатр дядя Саша отказался писать направление, его написала врач по общим болезням. Когда меня увозили, Валентиша сказала: “Надо, надо подлечиться, а то много чего видишь, много чего знаешь”».

Первый раз Ромку «лечили» в Центре восстановительного лечения «Детская психиатрия» – «всего» два месяца. Вы спросите: неужели психиатры, принявшие мальчика на лечение, не понимали того, что понимал дядя Саша? Что ребенок не нуждается в лечении, потому что он не болен? Специалист не мог этого не увидеть. Так-то оно так, но... Не все, как дядя Саша, руководствуются справедливостью и своей совестью. Этим специалистов волнует заполняемость коек, которая напрямую связана с финансированием и самим существованием родного учреждения. Они думают о получении премий, возможности хорошо заработать на продвижении новых лекарств, а для этого нужны все новые и новые испытуемые. Так что психиатры с радостью приняли нового пациента.

Когда Рома вернулся в интернат, его ждала большая нечаянная радость: нашлись его родственники!

«Тетя с дядей хотели меня усыновить, но директор сказала, что нельзя. Не знаю, почему. Мои мать, отец и дедушка жили за границей,

здесь была одна бабушка. Я стал жить у нее, а в интернат ходил только учиться. Психотропные препараты, которые раньше меня заставляли принимать, теперь выдавали с собой, но дома я их, конечно, не пил. У меня появились силы, голова прояснилась, и я стал лучше учиться. Валентиша с завучем Аллой Георгиевной, видно, смекнули, что это оттого, что я таблетки не пью, настрочили ложную кляузу о моей “неадекватности” и быстренько отправили в психбольницу. В тот раз я пролежал в Центре восстановительного лечения “Детская психиатрия” два года.

Как там детям живется? Прежде всего в глаза бросается ужасная теснота. В некоторых палатах живет по 40 человек. Одни плачут, другие кричат, третьи дерутся... За любую провинность нас привязывали к батарее или к ножке кровати, часто при этом раздевали догола. По 5–6 голых детишек часами сидели привязанными на холодном линолеуме или лежали на клеенчатых матрацах, иногда в луже мочи, которую никто не торопился вытирать. Однажды, когда ко мне не пускали бабушку, я разбил окно. Медбрат Алексей сделал мне укол сульфазина, от которого потемнело в глазах, поднялась температура и очень болели ноги, настолько, что я вообще не мог ходить, сразу падал... Я стал бояться этого укола. Алексей и медсестры всегда грозили нам вколоть сульфазин, если мы пытались отказаться делать то, что они велели. Мы мыли вместо них полы, а одна пожилая медсестра заставляла нас по очереди делать ей массаж ступней, разминать отложение солей. Мое время было с 10 вечера до часу ночи. Как хотелось спать! Ведь таблетки нас заставляли глотать горстями, а от них такая тяжесть! Но если я начинал дремать, медсестра ругалась и грозила сделать укол за плохое поведение...

Однажды мы с ребятами смотрели в холле телевизор, и вдруг я увидел Валентишу! Шла трансляция из зала суда, и наша директриса сидела на скамье подсудимых. Дядя Саша стоял за стоечкой и рассказывал о воровстве в интернате и о том, что Валентиша просила его госпитализировать в психушку ребят, которые знали о ее делишках. Вспомнил и обо мне. Я радовался: сейчас Валентишу посадят, другие станут бояться так бесчинствовать, и в интернате можно будет сносно жить. Но что там было дальше, узнать мне не удалось, потому что после больницы в интернат я больше не вернулся».

Двухгодичное накачивание ребенка аминазином и прочими сильнейшими психотропами не помогло ему ликвидировать отставание в учебе. Психиатров это удивило и, как чувствуется по тону их заключения, даже обидело: «Тупин Роман поступил с жалобами на плохое поведение и неуспеваемость... За время обучения в школе при

больнице никакой динамики не дал... Все виды памяти ослаблены. Внимание труднопривлекаемо и неустойчиво. Интересы ни к какому виду деятельности не проявляет. Социально не адаптирован. По решению МПК от 6.04.96 г., протокол № 8, дальнейшее обучение считать нецелесообразным. Рекомендуется пребывание в учреждениях департамента социальной защиты».

«О том, что меня переводят из интерната, мне сказал медбрат Алексей. Я спросил:

– Куда?

– В собес, где дураки корявые. И тебя сделают таким же.

Он меня и повез туда на “скорой”.

Когда машина остановилась во дворе, на нее налетели, как дикари, стали в окно долбиться, размазывая лица по стеклу, разные уроды... Это было как в фильме ужасов. Я заплакал.

В детском доме-интернате № 4¹ для умственно отсталых мне было так тяжело и страшно, что первые три недели я не мог есть. Мне стали давать лекарства, как в психушке: аминазин, галоперидол, циклодол – на завтрак, обед и ужин – и говорили: “Это потому, что ты не кушаешь”...

Я пробыл там три года. В общем-то, там было так же, как и везде. Так же, как в детских домах, где я был, наказывали, лишая еды, пьянствовали, воровали по-страшному, совсем не стесняясь детей, и назначали уколы, если вздумаешь жаловаться. Но, кроме того, здесь так же, как в психиатрической больнице, закармливали лекарствами и “купали” в ледяной воде. Скрутят ограничителем (смирительной рубашкой) и держат под водой, пока не начнешь задыхаться, дают вдохнуть и опять... Меня однажды так раз 15 макали. А потом удивлялись, как я не умер. На скорую руку подлечили ангину и отправили в психушку, чтобы не возмущался. Там я пробыл полгода.

Тогда я разозлился не на шутку. Мне было уже 16 лет, и я понимал: нельзя, чтобы эти люди считали, что могут безнаказанно делать все, что хотят! Когда я вернулся в детдом, сразу же стал готовить побег. У одного из ребят был телефон Невзорова, он дал его мне. Однажды, когда сотрудники детдома сгрузили в автобус все, что они накрывали – продукты, гуманитарную помощь, – и поехали на рынок при Павловском вокзале торговать, я сбежал. Добрался до Павловского вокзала и позвонил Невзорову. Он сказал: “Спрячься где-нибудь и жди. Сейчас подъеду”. Смотрю: подъезжает его джип и несколько милицей-

¹ Не путать ДДИ № 4 с детским домом № 4, куда Роман попал в 4 года.

ских машин. А наши уже свои прилавочки поставили и торгуют. У них там и свежее мясо, и окорочка, крупы, сахар. И вещей много: джинсы, кроссовки, белье со штемпелем “ДДИ № 4” – я потом посмотрел. Телеоператор все это заснял, а потом погрузили наших торговцев в милицейский козелок и повезли в интернат. Невзоров говорит: “Вытряхивайте сумки! А ты, Рома, им помогай”. Наша кладовщица Люба начала на меня кричать: “Что это я буду перед тобой сумки вытряхивать? Ты дурак!”. А телевидение снимает...

Потом пошли с камерой по корпусам. Зашли во второй корпус. Там санитарка бьет маленького ребенка по пяткам. Невзоров спрашивает: “Что это вы такое делаете?” Она кричит: “Он обкакался!” В третьем корпусе дежурила санитарка, Надя Шкиря ее звали. У нее полпалаты спали в ограничителях. В первый корпус заходим, а по лестнице голую девчонку тащат в медпункт на укол. Взрослая уже девчонка, лет двенадцати.

Невзоров сказал нашей директрисе:

– Смотрите, если вы с Ромой что-нибудь сделаете, я все равно узнаю.

Когда съемочная группа уехала, директриса заахала:

– Ой, Рома, а я ведь и не знала, что здесь творится!

Я ей:

– Тамара Викентьевна, уж мне-то не надо этого говорить!

Они мне тогда ничего не сделали. Только оформили быстренько госпитализацию в психушку. А вскоре во взрослый интернат перевели, в ПНИ № 10».

Интернат для взрослых – это не то, что детский дом. Психоневрологические интернаты созданы для совершеннолетних инвалидов, которые проносят ложку мимо рта. И даже они находятся там добровольно (так говорит закон), на основании заключенных с администрацией договоров о социальном обслуживании. Но на самом деле это та же тюрьма и принудилровка, где так же, как и в детских домах для ненормальных, содержится (за наш счет) огромное количество работоспособных молодых людей. Они мечтают жить как все: работать, обеспечивать себя, жениться, воспитывать детей и иметь право привести в гости друзей. Но жить как все им негде. Потому что жилье, которое государство обязано предоставить по достижении совершеннолетия каждому сироте, чиновники зажимают.

Едва попав в ПНИ № 10, деятельный и сообразительный Рома Тупин начал помогать другим ребятам выбивать жилье: писал прошения в жилищный комитет и жалобы в прокуратуру, депутатам, чиновникам... За 4 года его отправляли в психиатрическую больницу 5 раз вот

по таким основаниям: «Направлен в ПБ № 1 им. Кащенко. Ст. 29 “а” Закона РФ... Конфликтен с персоналом и проживающими, взрывчат и груб, разубедить в чем-либо невозможно... пишет жалобы в КТСЗН, губернатору, в прокуратуру, президенту. На комиссиях ведет себя вызывающе, без чувства дистанции, расторможен и озлоблен...» Во время одной из госпитализаций у Романа сгорела вена, он думает, что скорее всего от неразбавленного аминазина.

С последней госпитализацией случился курьез. Привезли Романа в «Кащенко» с такой характеристикой, а там прокуратура проверку проводит. Психиатры осмотрели парня, написали, что оснований для госпитализации нет, и выпустили. Да еще и подсказали: «А почему бы вам не подать на администрацию ПНИ иск о неправомерности госпитализации?»

Роман взял и подал иск. Ведь, в конце концов, всю жизнь его отправляли в психушку за то, что был неудобен администрации! Но администрация ему недвусмысленно намекнула: «Если заберешь иск из суда, мы дадим тебе жилье. А не заберешь – проведем комиссию и сделаем тебя невменяемым. Тогда ни жилья тебе, ни семьи, и доказывай потом, что ты нормальный». Этого Рома очень испугался, потому что для всех невменяемый – это уже не человек. Вместе с любимой девушкой они сбежали из интерната. Администрация подала на них в розыск. На каком основании? Ведь они не заключенные. На том, что «они опасны»... Да полно, для кого они опасны, кроме администрации?

А что касается Ромкиной «невменяемости», «дебильности и олигофрении», по этому поводу есть мнение незаинтересованных лиц. Когда его адвокат попросил провести для суда независимую экспертизу, преподаватель Петербургского госуниверситета, в прошлом военный психиатр, освидетельствовав Романа, сказал: «С такими данными парня можно принимать в военное училище. Только образования не хватает». Но администрация ПНИ пытается обманым путем заманить его в психиатрическую больницу, на амбулаторную экспертизу (которая не была назначена судьей), потому что не хватает у них аргументов, чтобы оправдаться на суде.

Сначала я не могла понять, почему они так яростно защищаются? Ну, признали бы свою ошибку, подумаешь. Все ошибаются. И только выслушав рассказ Романа о его жизни, поняла: они не считают это ошибкой! Так они работали всегда. И если сейчас допустить, чтобы суд признал незаконной госпитализацию за конфликт с администрацией, значит, признать, что вся их деятельность долгие годы была незаконной.

В 1983 году, когда родился Ромка, советских психиатров исключили из Всемирной ассоциации психиатров (ВПА) за использование психиатрии в карательных целях. В 1989 году нашим психиатрам удалось убедить ВПА в том, что теперь они вовсе не советские, а российские, что карательные методы исчезли как дым вместе с советской властью, и их приняли обратно. В это время Валентиша отправила Ромку в психушку за то, что «много чего знает». А в 1994 году мальчика снова госпитализировали с такой сопроводилкой: «Поведение Ромы в течение всех лет обучения было опасным для здоровья детей. В настоящее время эта опасность усугубилась... Перебегают дорогу перед машинами, трамваями, катаются на лифтах, бывают в подвалах, подъездах. Все это может кончиться большой бедой».

Почему бы не госпитализировать в психушки всех мальчишек, которые катаются на лифтах? Неплохая мысль, а? Больно уж они шумные, эти мальчишки. А знаете, это вполне реально – начиная с мая 2006 года, когда на Московском съезде психиатров было принято решение всем хулиганам России ставить диагноз «гиперактивность». Теперь за плохое поведение есть основание госпитализировать в психиатрическую больницу любого ребенка, а не только безответного сироту.

Летом 2007 года за плохое поведение стали госпитализировать в психиатрические больницы вполне взрослых правозащитников, которые вздумали критиковать психиатров. Теперь психиатры готовятся проводить повальное обследование населения на рабочих местах, и я не удивлюсь, если начнут госпитализировать тех, кто не угоден начальству. Много еще хулиганов в России. Не один Рома Тупин такой.

P.S. Недавно Роман женился, и месяц назад у него родилась дочка. За месяц девочка прибавила в весе килограмм, и участковый педиатр была очень довольна ребенком. Но тут в жалкую комнатенку, которую снимают счастливые родители, наехали из ПНИ педагоги, психиатры...

– Нет, – сказали они, – Тупины не способны воспитывать ребенка. У них нет для этого необходимых условий.

– Вы что же, – спросил их Роман, – хотите моего ребенка в дурдом забрать?

Они смущенно промолчали, но намерений своих не оставили.

Галина Семья

Российский опыт работы с выпускниками интернатных учреждений

Внимание проблеме подготовки выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к самостоятельной жизни и их постинтернатной адаптации в России стали уделять в конце 90-х годов XX века. На сегодняшний день ее инфраструктура только формируется. Не существует ни единой общепринятой терминологии, ни нормативных документов по созданию моделей учреждений постинтернатной адаптации.

Для понимания сложившейся ситуации необходимо рассмотреть социально-психологический портрет молодого человека, вступающего в самостоятельную жизнь. Для большинства выпускников интернатных учреждений характерны неразвитый социальный интеллект¹, иждивенчество, непонимание материальной стороны жизни, повышенная внушаемость, склонность к асоциальному поведению, завышенная или заниженная самооценка, неадекватность уровня притязаний, рентные установки²; повышенный уровень виктимности³, рецептивные ориентации в поведении⁴ и т. д.

Г. Семья – доктор психологических наук, проректор по науке Столичной финансово-гуманитарной академии.

Статья опубликована в информационном бюллетене «Выпускники интернатных учреждений: проблемы и перспективы». Издание осуществлено Агентством социальной информации в рамках проекта «Обмен опытом по обучению персонала детских домов», осуществляемого Шведским обществом по оказанию международной помощи детям Adoptionscentrum при поддержке Шведского государственного управления международного развития и сотрудничества (SIDA). Публикуется в сокращении.

¹ Способность применять на практике полученные знания, умение ориентироваться в социуме и взаимодействовать с ним.

² Стремление получить все возможные льготы, соответствующие правовому статусу сироты.

³ Готовность стать жертвой.

⁴ Молодой человек считает, что источник всех благ лежит вовне, и единственный способ их обрести – получить из этого внешнего источника.

Очень многое зависит от внутренней установки молодых людей. В условиях институционализации у них формируется установка «я – ничей», при столкновении с реальностью она перерастает в позицию «один – против всех». Очень сильный фактор, влияющий на успешность жизненного устройства выпускников, – неготовность общества принять этих молодых людей и содействовать их социализации.

Как правило, вчерашние воспитанники детских домов остаются без поддержки, не представляют, кому они могли бы доверять и на кого рассчитывать. Если молодые люди, выросшие в семьях, имеют возможность в случае неудачи вернуться в родительский дом, то их сверстники из детских домов такой возможности лишены. Они испытывают дискриминацию со стороны общества, для них велик риск вовлечения в криминальное сообщество.

После окончания интернатного учреждения молодые люди лишаются привычного, более или менее безопасного окружения, четкого распорядка, особого типа организации жизни. Они сталкиваются с проблемами, связанными с получением жилья, поиском работы, организацией быта, питания и свободного времени, взаимодействием с социумом, получением медицинской помощи, созданием и сохранением семьи и др.

В 2005 году Иркутский областной центр психолого-медико-социального сопровождения провел опрос выпускников и специалистов интернатных учреждений. Собранные жизненные истории можно условно разделить на две группы – так называемые «проблемные сценарии» и «благоприятные». В основе первых лежат три основные причины: неизвестность, трагедия, нарушение закона. Характерно, что образованию здесь отводится второстепенная роль, о работе говорится в негативном ключе, подчеркивается нежелание выпускников следовать социальным нормам, отмечаются их отрицательные черты и привычки. «Благоприятные сценарии» можно объединить сильным «стремлением выжить». В их основе лежат личностные качества, в том числе усердие и трудолюбие молодых людей, которые способны повзрослеть, потеряв семью, но сохранив свой внутренний стержень. Их дальнейший путь определяется по такому сценарию – получение образования и устройство на работу, а также наличие поддержки в постинтернатный период.

Особую группу риска составляют воспитанники специальных (коррекционных) учреждений. К законодательно определенному сроку выпуска они зачастую не готовы к самостоятельной жизни в силу особенностей своего развития, но руководители учреждений не могут

продлить это время для завершения их подготовки. Другая группа риска – молодые люди из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые вышли из мест лишения свободы. У них, как правило, нет ни специальности, ни жилья, ни навыков самостоятельного решения проблем, родные их не ждут.

К сожалению, единой системы по отслеживанию жизнеустройства бывших воспитанников в учреждениях разной ведомственной принадлежности не существует. Имеющаяся информация неполная и несистемная, источник ее получения – чаще всего сами выпускники. Более подробные сведения в образовательных учреждениях есть лишь о первичном устройстве молодых людей. Затем они попадают под патронат другого ведомства, и в этом случае их судьба отслеживается только при обращении за помощью. Государственная статистика также не дает исчерпывающей информации: можно лишь узнать, сколько человек ежегодно выбывает из детских домов, поступает в учреждения начального, среднего и высшего образования, трудоустраивается.

В связи с этим в 2005 и 2007 годах в России были проведены два федеральных мониторинга по изучению положения выпускников и оценке эффективности реализации федеральной и региональных программ «Дети-сироты» (научный руководитель – Г. Семья). К основным законодательно закрепленным правам выпускников можно отнести их право на жилье, обучение, медицинскую помощь, материальную поддержку, отдых и т. п. В 2005 году в РФ насчитывалось 30 тыс. выпускников всех видов образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Самым актуальным для них был и остается жилищный вопрос. Когда ребенка забирают из семьи, за ним закрепляется жилплощадь. Пока он находится в детдоме, директор обязан следить за ее сохранностью. Если у ребенка нет квартиры или комнаты, его ставят в очередь на получение жилья после выхода из интернатного учреждения. На закрепленную жилплощадь в 2005 году вернулись почти 11 тыс. молодых людей. К сожалению, многим из них приходится жить с родными, ведущими асоциальный образ жизни. К тому же жилье, закрепленное за молодыми людьми, особенно в сельской местности, со временем приходит в негодность. Или после пребывания в городском детдоме выпускники не хотят возвращаться в село, так как получили невостребованные там специальности.

В среднем период ожидания жилья в России составлял 4,3 года. Однако ситуация разнится в зависимости от региона. Например, Москва сразу выделяет отдельные квартиры. Всего к 2007 году в столице

было выделено около 1,5 тыс. квартир. Для молодых людей из других регионов очередь может растянуться на 10–15 лет. Эту проблему местные власти пытаются решить, например, за счет временной прописки выпускников в общежитиях при колледжах, где они продолжают свое обучение. Невозможность предоставить жилье всем молодым людям привела к созданию постинтернатных блоков при детских домах, социальных гостиницах, группах независимого проживания и др.

В начале 2007 года в субъектах РФ был проведен мониторинг по изучению ситуации с получением жилья для выпускников. К этому времени в жилплощади нуждались 73 462 человека. Из них 43 341 – в возрасте до 18 лет, остальные – лица из числа детей-сирот старше 18 лет, имеющих право на жилье. Ожидается, что еще 12 555 выпускников будут поставлены на учет до конца текущего года. Между тем ресурсы субъектов РФ позволяют обеспечить жилплощадь в 2007 году только 7951 человека. Приведенные ниже данные показывают, что за счет средств региональных бюджетов данную проблему решить нельзя (табл. 1).

Таблица 1

Данные, представленные субъектами РФ в начале 2007 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Предполагаемая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые нуждаются в жилом помещении (включая лиц старше 18 лет, имеющих право на жилье), на конец года	86 732	88 480	90 897	93 462
Объем средств, запланированных в бюджете субъекта РФ на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (млрд. руб.)	2,60	3,09	3,20	2,64

Поэтому на федеральном уровне рассматривается программа по выделению средств на приобретение жилья для выпускников на паритетных с регионами началах.

Другая актуальная проблема – их трудоустройство: даже не сам поиск работы, а закрепление на рабочем месте. Выпускникам часто предлагают низкооплачиваемые и бесперспективные должности. Как

правило, это сопровождается их нежеланием трудиться. Администрация учреждений и предприятий старается не брать выпускников из-за необходимости обеспечения их социальными гарантиями за свой счет и отсутствия налоговых льгот. Таким образом, возникает противоречие между усилиями государства по охране прав детей-сирот и проводимой экономической политикой. <...>

Сами выпускники чаще всего жалуются на неприятие их трудовым коллективом, дискриминационные установки («сирота – пожизненный ярлык»), завышенные, как им кажется, требования, отсутствие понятных правил, безучастность или, наоборот, попытки «лезть в душу». <...>

Сироты воспринимают работодателей и своих сослуживцев как «чужих», которые предъявляют завышенные требования, относятся к ним как к несчастным, бедным или считают ворами, потребителями, асоциальными элементами и пр. В результате у молодых людей возникает непонимание происходящего, чувство заброшенности, ненужности. Они страдают от отсутствия поддержки, неустроенности, незнания многих простых вещей.

Очевидно, что трудности, возникающие при первичном трудоустройстве и закреплении на рабочем месте, являются составляющей общих проблем выпускников, к которым можно отнести:

- низкий уровень подготовки кадров, работающих с воспитанниками и выпускниками;
- отсутствие специализированных программ поддержки выпускников;
- отсутствие у молодых людей ориентации в мире профессий и трудности при самоопределении;
- отсутствие реального выбора дальнейшего пути после выхода из учреждения;
- ограниченная информация о деятельности различных организаций и программ, оказывающих помощь выпускникам;
- недостаточная компетенция руководства предприятий;
- проблема преемственности деятельности учреждений, занимающихся детьми-сиротами;
- отсутствие специальных программ по социализации в процессе обучения и первичного трудоустройства. <...>

В рамках подпрограммы «Дети-сироты» инициировано создание в регионах университетских комплексов, включающих школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К началу 2003 года, по данным Минобразования РФ, они работали толь-

ко с одаренными детьми, среди которых практически не было детей, оставшихся без попечения родителей.

Для сирот раннее включение в систему университетского комплекса означает попадание в иную образовательную среду. Поэтому можно говорить об открытости школы-интерната и доступа воспитанников к различным образовательным ресурсам. Не все они пойдут в вуз, но общее качество их образования может существенно подняться за счет прихода в интернат университетских преподавателей, повышения квалификации учителей, совместного использования материально-технической базы обоих учреждений. Введение предпрофильного и профильного обучения с использованием потенциала вуза обеспечивает более осознанный и обоснованный выбор профессии. Возможным путем получения качественного образования может стать последовательное обучение в учреждениях начального и среднего профессионального образования, входящих в состав комплекса. <...>

В паспорте подпрограммы «Дети-сироты» был заявлен показатель эффективности – поступление в вузы и средние профессиональные заведения к 2007 году не менее 500 выпускников. Только в 2006 году в вузы поступили 618 человек. Таким образом, в подпрограмме заложены методические и организационные основы обеспечения их качественного обучения – важного фактора успешности в самостоятельной жизни.

В ходе мониторинга были выявлены различные формы помощи и сопровождения выпускников в постинтернатный период, внедряемые в субъектах РФ. В Московской области действует закон о постинтернатном патронате, в Республике Карелия, Новгородской области, Ханты-Мансийском автономном округе, Ямало-Ненецком автономном округе – социальный патронат; в Республике Татарстан и Томской области молодых людей патронируют в течение трех лет после выпуска. Во Владимирской области для них созданы инновационные учреждения – семейные центры, социальные гостиные, клуб «Свой круг» при Благотворительном фонде «Надежда», реализуется программа «Независимое проживание», введены дополнительные ставки психологов, медицинских работников и педагогов.

В Республике Марий Эл социальные педагоги курируют выпускников в течение пяти лет. В Архангельской области им оказывают помощь в ремонте жилья, покупке хозяйственной утвари. В Волгоградской области реализуется социальный проект «Из детского дома во взрослую жизнь». В Республике Коми работают общественная приемная при Республиканском центре усыновления, территориальные цен-

тры социальной помощи молодежи. В Ивановской области созданы постинтернатные блоки и группы независимого проживания. В Курганской – практикуется помещение выпускников до 18-летнего возраста в семьи патронатных воспитателей, широко распространено наставничество. В Оренбургской – осуществляется программа постинтернатного сопровождения выпускников, в Орловской – работает «телефон доверия», созданы специальные службы поддержки выпускников в интернатных учреждениях. В Псковской – на каждого выпускника составляется индивидуальный план жизнеустройства. Кроме общих вопросов социализации и интеграции в общество в него включены вопросы по обеспечению права на образование, сохранение здоровья, защиту жилищных и имущественных прав.

В Саратовской области органами опеки и попечительства ведется мониторинг трудоустройства и жизнеустройства выпускников в течение трех лет. В Санкт-Петербурге используются медико-психолого-педагогическая и социально-реабилитационная формы их сопровождения. В Корякском автономном округе выпускникам назначают кураторов, в Коми-Пермяцком – предоставляют возможность жить в приюте до 18 лет. В Белгородской области к решению проблем выпускников привлечены промышленные предприятия – учредители негосударственных детских домов, которые помогают им трудоустроиться.

Во многих регионах (69%) распространены следующие формы сопровождения: наставничество, переписка, общение по телефону, правовое и профориентационное консультирование, оказание психологической и материальной помощи, содействие в трудоустройстве и обучении, посещение педагогическими работниками выпускников, создание центров постинтернатной адаптации...

В помощи при первичном трудоустройстве нуждаются молодые люди, не только получившие образование в школе-интернате, начальном или среднем профессиональном училище, но и те, кто вернулся из мест лишения свободы, молодые мамы с детьми, не успевшие поработать до беременности, и др. Поэтому в рамках подпрограммы «Дети-сироты» велась работа по двум направлениям:

- материально-техническое и методическое оснащение, информационная поддержка системы специальных центров, предоставляющих первичные рабочие места выпускникам интернатных учреждений;

- разработка системы социально-профессиональной адаптации молодых людей при первичном трудоустройстве.

Столичная финансово-гуманитарная академия проанализировала опыт обеспечения социально-профессиональной адаптации выпуск-

ников при первичном трудоустройстве в субъектах РФ и соответствующую нормативно-правовую базу; разработала концепцию системы их социально-профессиональной адаптации с учетом всех субъектов адаптации, особенностей развития в условиях государственных учреждений, специфики ресурсных центров и других организаций, внедряющих механизмы непрерывного профессионального образования.

Для методического сопровождения деятельности по первичному трудоустройству выпускников были разработаны и разосланы во все управления образованием субъектов Федерации методические пособия, предназначенные для молодых людей и специалистов учреждений интернатного типа. В них включен раздел для работодателей, в котором объясняются социально-психологические особенности молодых людей, приводятся нормативно-правовые документы, регламентирующие их работу, предлагается вариант договора с выпускниками, учитывающий все правовые требования, методы оценки социально-правовой адаптированности и практические советы по организации наставничества, обучению на рабочем месте и т. п.

В ноябре 2004 года прошла международная конференция по проблемам выпускников из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которой приняли участие 118 представителей из 38 регионов. Впервые был обобщен российский опыт по созданию системы постинтернатной адаптации и представлен аналогичный опыт в странах Европы и США.

Все это способствовало появлению 16 ресурсных центров, представляющих выпускникам первичное трудоустройство и закрепление их на рабочих местах, формированию трудовой мотивации и снижению риска безработицы. К сожалению, мониторинг не выявил предпочтений (налоговых или иных) предприятиям и учреждениям, создающим специальные рабочие места для выпускников образовательных учреждений.

В подпрограмме «Дети и семья» Федеральной целевой программы «Дети России» на 2007–2010 годы по-прежнему большое внимание уделяется подготовке выпускников к самостоятельной жизни и их сопровождению в постинтернатный период. В субъектах РФ накоплен большой опыт работы с этой категорией молодежи. Например, в Белгородской и Владимирской областях к сотрудничеству привлекаются промышленные предприятия, используются семейные формы поддержки выпускников. <...>

Другое важное начинание – институт крестных родителей и опекунов – ломает у них негативный стереотип семейных отношений (детей

и подростков забирают на выходные и праздники в семье). Опекуны и крестные родители помогают пережить и исправить ошибки кровных родителей, делятся с подопечными своими переживаниями, жизненным опытом.

Первые деньги воспитанникам перечисляют на внутренние трудовые книжки. С помощью наставников и патронатных воспитателей они учатся строить бюджет, исходя из потребностей своей группы-семьи. При выходе из детского дома выпускники отселяются в социальную гостиницу, где осваивают навыки ведения домашнего хозяйства, учатся планировать расходы.

Инновационная модель постинтернатной адаптации «Семейный центр» реализуется во Владимирской области: в настоящее время здесь создано пять семейных центров. Основные задачи семейного центра – создание социально-педагогической среды, обеспечивающей психологический комфорт и социальную поддержку выпускникам; индивидуальное комплексное сопровождение процесса постинтернатной адаптации, проведение его диагностики и коррекции.

Семейный центр – это структурное подразделение детского дома, однако он отличается от интернатного учреждения. Время нахождения воспитанника в центре может составлять от нескольких месяцев до четырех лет, что определяется степенью социальной адаптации ребенка и готовностью к самостоятельной жизни. В роли воспитателей выступают семейные пары. В основе организации центра лежит модель многодетной семьи, что облегчает процесс интеграции выпускников в общество.

Процесс адаптации в условиях семейного центра индивидуален. Она обусловлена психологическими особенностями ребенка, уровнем его физического развития и проявляется в темпе адаптации. Индивидуальный темп постинтернатной адаптации определяет срок пребывания воспитанников в семейном центре.

Эффективность данной модели проявляется в динамике таких показателей, как эмоциональный комфорт и самоорганизация (самоконтроль, самоопределение, самодетерминация). В долгосрочной перспективе можно говорить о следующих показателях успешности: соблюдение уголовной и общественной нормативности, неупотребление химических веществ, повышенная учебная мотивация, четкие семейные установки.

Другая модель постинтернатной адаптации в условиях семейного воспитания – полный патронат для старших воспитанников и выпускников детского дома. Эта модель разрабатывается и реализуется на базе детского дома города Камешково Владимирской области. В семье

размещаются по одному-два ребенка в возрасте 13–18 лет. Подростки попадают в них за два-три года до выхода из детского дома и остаются еще на год-два после выпуска. Процесс первичной адаптации (первый год обучения в ПТУ и колледжах) у них был эффективнее, чем у выпускников этого детского дома, воспитывавшихся в интернатной группе, по следующим показателям: снижение уровня конфликтности; расширение социальной сети взаимодействия; преобладание оптимистического настроения; стабильность академических показателей; здоровый образ жизни. Улучшение эмоционального фона, развитие чувства сопереживания, ответственности и доверия у выпускников интернатных учреждений отмечают и руководители программ, в которых присутствует семейный компонент.

* * *

Сегодня и специалисты, и общество в целом начинают осознавать актуальность проблемы подготовки выпускников интернатных учреждений к самостоятельной жизни. Ведь ее замалчивание приводит к неустроенности молодых людей, асоциальному поведению, вторичному социальному сиротству (отказ от воспитания собственных детей), низкому социальному статусу. При активном участии НКО за достаточно короткий срок появились региональные инновационные проекты подготовки выпускников к самостоятельной жизни и поддержки в пост-интернатный период. Однако без поддержки государства (законодательных, финансовых, информационных ресурсов и пр.) существенных позитивных изменений добиться в этой сфере сложно.

Методическая литература:

1. *Владимирова Н.В., Спаньярд Х.* Шаг за шагом. Индивидуальное консультирование выпускников детских домов и школ-интернатов. М., 2007.
2. *Иванова Н.П.* Критерии готовности выпускников к профессиональному самоопределению. М., 2006.
3. *Нониева Е.В.* Ежедневник выпускника. М., 2007.
4. *Семья Г.В., Боровик В.Г.* Вариативные технологии, способствующие профессиональному самоопределению воспитанников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М., 2003.
5. *Семья Г.В.* Методические рекомендации по созданию вариативных форм и видов университетских комплексов, имеющих в своем составе школы-интернаты. М., 2005.

6. *Семья Г.В., Шульга Т.И.* Методическое обеспечение деятельности школ-интернатов в составе университетских комплексов для организации профильного обучения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по гуманитарному направлению. М., 2004.

7. *Семья Г.В., Володарская И.А., Зайцев Г.О.* Методическое обеспечение деятельности школ-интернатов в составе университетских комплексов для организации профильного обучения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по естественно-научному направлению. М., 2004.

8. *Семья Г.В.* Первичное трудоустройство выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М., 2005.

9. *Семья Г.В., Слугина Н.П.* Создание и развитие системы специализированных центров при различных учреждениях и организациях, предоставляющих первичные рабочие места выпускникам образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М., 2006.

10. *Семья Г.В., Владимирова Н.В., Зайцева Н.Г.* Социально-профессиональная адаптация выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при первичном трудоустройстве. М., 2006.

11. *Семья Г.В., Аксенов А.М., Овчинников А.Н.* Учебно-методические материалы для организации образовательного процесса в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, входящих в состав университетских комплексов. М., 2006.

12. Специальный выпуск Вестника Университета РАО с материалами международной конференции по проблемам подготовки выпускников к самостоятельной жизни и постинтернатной адаптации / Под ред. Г.В. Семья. М., 2004. № 4.

Олег Павлов

Лепота

Не сыскать заветней земли для конвойного на карагандинке, чем Долинка! То-то и позавидовали полковые Саньке Стрешневу, узнав, что отправляют его туда из полка служить невесть за какие заслуги.

Прослыл тогда Санька Стрешнев среди конвойников везунчиком. И говорили о нём, что в Долинке заживёт сыто, весело и не будет это счастье дармовое пота ему и крови стоить.

И кто из конвойников о жизни такой, зажмурившись, не помечтал бы, ведь в Долинке на день по кружке молока положено было, по черпаку густого творога, и хлеб белый к пайке давали – не чета полковому-то сермяжному. Ремней тугих солдаты в Долинке не носили, чтобы отъевшееся брюхо для своего удовольствия обвиснуть могло. И на вышках спали, ладони под головы заложив, чтобы сны сладкие видеть.

Счастливо конвойным в Долинке! А всё потому, что эзков на эту исправилку за тем лишь гнали, чтобы умерли от чахотки. И вся служба солдатская была – гробы ихние из кузова в кузов ворочать. Тяжесть мирскую из себя с чахоткой выхаркав, помершие были легки. Одни гробы и вышибали на солдатском лбу испарину, стерев которую, конвойник от души накуривался папиросами, валился тягуче наземь и разлёживался с ленью, покуда не отходил на больничных нарах другой ээк.

Кормили солдат из больничной столовой, где чахоточным молоко с творогом полагалось. Ээки ж мёрли, а кто не помер – тот с жизнью прощался и молока не пил, чтобы не тратить остаток её на пустое. Им на небе скоро всего вдоволь будет.

Эх, подвалило счастье Саньке Стрешневу! Лепота! И гробов не таскать – до ефрейторов выслужился.

Хотя с гробами управляешься без той мороки, какая случается с живыми. Тут и широту шага выбираешь по душе. И укладываешь в грузовик, как сам пожелаешь. С живыми же иначе всё. И овчарки хрипат-

ки пообрывают, куда высыпеш из кузовов разомлевших от вольной езды эзков. А бывает, что и срыгнёт, который послабже, на гимнастёрку или вычищенный сапог, и чуть ли не плачет конвойник.

Потому с гробами проще. И поопрятней эзков они, и смолою пахнут, будто в лесу гуляешь. И не грустно так, как бывает, когда прибывает на больничку этап с чахоточными: плачут они и на землю от слабости падают, а на это жалко глядеть. И ещё жалко эзков живыми видеть, потому что они мёртвыми в гробах будут лежать. А ты же их будешь ворочать – из кузова в кузов.

Может, потому и выбился Стрешнев в ефрейторы, что грустить не любил? Он же с мёртвыми теперь не знается. Он живых под заботу берёт и до ворот лагерных, как старший среди солдат по чину, провожает.

Но мало эзков в Долинке осталось. И скучает Санька. И рота конвойная скучает с ним заодно. Ждут солдатики этапа. С этапом прибавится живых. И мёртвых, на которых положены к пайке молоко, творог и ломоть белого хлеба.

Этапирование чахоточных в лагерь начиналось, будто половодье, весной. За зиму чахотка измучает человека, а к весне её хватка станет как будто слабей. К тому же пригреет солнце – и потают холодные снега, потеплеют ветры. Иной и порадуетя. Подумает, что выдюжил, что хвороба отступила, что вот уж и весна, что летом так и вовсе наберётся силы. И только немногие, кому довелось пережить зимние холода, знают, что приговорены к смерти. Что и легче стало потому, что чахотка последнее здоровье сожрала. Что и отпустила она, потому как незачем уж дохлятину рвать и душить кашлями. А догубит и отпоёт весна – без умысла, молодой и слепой своей силой. Как если бы беспечно перевязки с израненного сорвала, а кровь бы из незаживших ран вытекла.

Только потаает снег и разбухнет от влаги снеговой земля, как поднимется сырой дух. А тепло-то весеннее – нестойкое, раннее. Вот и свежо вокруг, и морочат запахи. Но если вдохнёшь глубоко, то будет тебе за надежду обман. Будет вечный сон. Ведь гибельным и последним цветом своим расцветёт в груди и чахотка. Ах, и лёгкость, паренье светлое, и свежесть, и покой... Кто бы догадался, что такой смерть и приходит.

Этапы на Долинку собирались в пересылочной тюрьме, куда эзков пересылали по больничным направлениям рабочие лагеря. Весной, когда прорастала озимая чахотка, эзки в пересылочной долго не задерживались. До требуемых этапов сроков они собирались в три-четыре дня, то есть сразу. Тюремному конвою не было охоты оборачиваться из тюрьмы в Долинку по несколько ездов. Ведь и дорога неблизкая и хлопотная – по разбитым распутицей степям. Бывало, чело-

век до двадцати втискивали в кузов автозака. А если зэки не ужимались, то травили ихнего брата овчарками – тогда в кузове с потом и кровью освобождалось нужное место.

О прибытии этого первого весеннего этапа долинский лагерь был предупреждён заранее. Готовилась принять чахотку санитарная зона. Готовилась и охрана. Ожидание этапа будто взбудрило солдат. То есть была и весна, и всякое такое настроение. Но этап – это этап. Весны ведь не надобно ждать, она сама приходит, от этого иногда и скучно бывает.

А ждать автозаков, ждать чахотку, ждать знакомцев из тюремного конвоя – куда веселей. В прошлый этап Санька Стрешнев наменял у зэков много разного добра. Расчёски, нательные серебряные крестики. И ещё фотка ему досталась красивой женщины. Домашняя. Женщина в халатике на кровати лежала. Эту фотку он из жалости взял. Сходу, за полпачки сигарет. Уж больно зэк упрашивал. Хотя она Стрешневу и не была особо нужна. Так только – поглядишь, потешишься и переложешь из кармана в карман. Были зэки, что за водку и зубы золотые предлагали. Но Санька чахотки от зубов боялся и даже в руках для пробы не держал.

В этот же этап он очень хотел выменять какое-нибудь колечко. И важно было успеть к колечку прежде других. Желающих до такой тонкой вещицы среди солдат много. День, два – и зэков оберут подчистую. А потом ищи-свищи. Или у своих выменивай. А на что? Фотки и даром не надо никому. Кресты ж нательные, пускай и серебро, но кто возьмёт, если зубов золотых навалом. Один Санька зубы брать боялся, тогда как остальные брали. И уж дела им нет до серебра. Так что надобно колечко нахрапом брать. Утром из полка точно сообщили, что на Долинку выслали этап. Начальник сказал Стрешневу набрать себе в помощь солдат. Стрешнев ухмыльнулся и взял четырёх узбеков. Они по-нашему ведь говорят плохо, не смогут с колечком обогнать.

И с утра их освободили от общей службы. Думали, что скоро прибудет этап. Но до полудня Санька без толку шатался по караулке. А то выйдет в степь и устало на дорогу глядит: не едут ли. Снег на вершинах сопок стаял. А по склонам и ложбинам ещё комкался, похожий на клочья шерсти.

Попутру солнце невысоко поднялось над землёй, но вот к полудню его уж и не было видно. Будто растворилось, замутив небо. Чем ближе была степь, тем прозрачней. И всякую малость примечал глаз. И пучок сохлой травы, растрёпанной ветром, и то, как по разбитой хлябью дороге от ветра ж расходитесь зыбь.

Исхолодавши на степном ветру, Стрешнев потом пил с узбеками горячий чай в столовом помещении караула. Этапа и ждать перестали. Но слышалось завывание моторов.

Стрешнев поглядел в оконце, там как-то быстро смерклося. Они вооружились и вышли на двор. Небо заволокло. Накрапывал дождь. Узбеки не отставали от Стрешнева ни на шаг и стояли неподвижно, когда за какой-то надобностью останавливался и он. Из собачьего сарая, расположенного в глубине двора, вывели овчарок. Покуда дожидались караульного начальника, они улеглись брюхами в холодную грязь. И задрожали, поскуливая. Ефрейтора самого зазнобило, и он закурил, пряча в кулаке сигаретку.

«Ну, чего вывалили? – ворчал, появившись, начальник. – Глядишь, шкуры не казённые. Одно, что вымокнем зря. Давай в караулку! Вон смурота какая...»

У лагерных ворот прозябали два прапорщика из больничной охраны. И несколько санитаров из расконвойных эзков. Солдаты перебрались со двора на их сторону. Ворота были распахнуты, будто их никогда не запирали. Ветер скрипуче створы качал. Дождь то был, то не был. Тошнота одна. Он как будто до земли не долетал. И у Стрешнева сигаретка сырой стала. Он её растоптал, когда первый автозак упёрся в надолбы у подъезда, а потом боком к нему притёрся конвой измученных, облепленных глиной машин.

Поначалу из автозакв вылезли шофёры и прапорщики. Один из них, начальник конвоя, глядел на небо, будто отродясь не видел дождей, и матерился. Потом обматерил вместе с проклятой Долинкой караульного начальника. И Стрешнева за то, что ефрейтор не отдал чести. Шофёры были узбеками и пристали к своим землякам из охраны. Стрешнев прилачился к прапорщикам и стал расспрашивать, отчего конвой так долго был в пути. Ему отвечали, что застряли в распутице, что глохли под дождём моторы и что эзков выгоняли вытаскивать машины из грязи. А чухотка дохлая пошла по этапу, так что повозились ей-ей, покуда тронулись. А на одной западине пришлось час барахтаться. Эки и конвой вымокли насквозь. А несколько эзков ведь и с ног повалились. Может, что и живыми не довели.

Стрешневу не верилось, что где-то близко бушевали дожди. У него такого дождя проливного не было. Тогда прапорщики смеялись и на глазах выжимали чахлую воду из шинелок. А ещё указывали взглядами на край земли, пугая, что насилу из той пропасти выкарабкались.

Потом повалил из машин путевой конвой. Лица солдат были грязными, а сапоги залеплены по голенища, похожие уж на валенки. Нестроеным рядом они растянулись подле автозакв, закуривая и дожидаясь передачи. Стрешнев же с узбеками за воротами встал, куда чужим не было ходу. Овчаркам припустили поводки, чтобы свободней

им было. И ведь твари они, а встали по местам, будто солдаты – буднично, зло, неспешно.

Когда из автозаков погнали заключённых, овчарки как по команде залаяли. Стрешнев оглядывал прибывших, думал о том, что вот погода всё испоганила. И хотя в под сумке был для обмена табак с чаем, но что уж с ними поделаешь. Зэки тащили машины из распутицы и до смерти утомились, так что и языка не вяжут. Еле-еле равняют их овчарками в ряды, серых и старых. Молодых, которым и было что менять, маловато в этапе. Стрешнев заметил одного, потому что он как-то живо вокруг себя оглядывался. Сразу видно, что живой, подышать не согласный.

Захотелось быстрее в караулку – греться и допивать чай. Этап пришёл, а чего дождался? Не пришёл бы, так и меньше было бы маеты.

«Запускай! – прокричал рядом начальник. – И санитаров живей с носилками. Тут лежачие».

Зэки загудели и ряд за рядом схлынули с этапного отстойника на широкую каменную дорогу, которая была оторочена кручением из колючей проволоки и вела к больничному подворью. «Ща в бане будут париться, блядюги... – переговаривался конвой. – Скоро, что ль, ехать? Не дорога, а навоз, всюду вязнешь. Треба зараз з товарищем прапорщиком поразмовлять, нехай накажет, шоб швидко ихали».

Начальник путевого конвоя накрикнул на своих: «Чего, суки, бродите? Залазь по местам...» – «Там лежачие, не вынесли ещё. Носилки надо». – «Ишь ты, лежачие, а ну тащи их за шиворот!»

Конвой же не хотел мараться. Ждали санитаров. И когда явились расконвойники с носилками, то уж узбеков созывать стал, чтобы во-свояси побыстрее убраться. А караульный начальник, умаянный, выговаривать принялся: «Ты на службе, ефрейтор, а не на гулянке. Так и жди моего приказа...»

Носилок было двое. И двоих зэков из кузова выволокли. Солдаты из путевого конвоя гаркнули, чтоб и оставшегося тащили наружу.

«А куда его, он же на ногах не стоит?» – «На землю вали, глядишь, не растает...»

И последнего вытащили за руки да за ноги, сложили на землю. Конвой снялся с мест и пошагал в машины, прячась от ветра и холода. Стрешнев распрощался с конвойными, кого по службе помнил. А когда санитары с носилками потрусили в зону, то остался подле последнего чахоточного стоять.

И так ему чудно было, что чахоточный на земле лежит, тогда как другие по ней сапогами ходят. А начальники рядом свару затеяли, будто воробы из-за зёрнышка. Прапорщик путевого конвоя требовал у началь-

ника лагерной охраны, чтобы он тут же расписался за прибывших – что доставили до места заключения. Но тот заупрямился по пустяку. Пускай, говорит, последнего заберут. Я, говорит, в службе люблю порядок.

Так они поссорились, но вместе ушагали в караулку греться. А Стрешневу указано было дожидаться санитаров и дать знать, как поволочут зэка на зону.

До больнички санитарам с носилками немного было пути. Но особо не будут гнать. А Стрешнева зло взяло, что расползлись все по тёплым местам, а он лишь тут над чахоткой стоит. Хотя и сам узбеков от себя не отпускал. Отпуск был дан только овчаркам. А узбеки-то подле него, как истуканы, замороженные стояли. «Кеты ма? (Пошли?)» – каркнет в тишине один. А другие понурили головы, молчат, будто оглохли.

Больной же зэк на земле лежал. Стрешнев на него поэтому глядел, как на землю. Дышит. Постанывает. И вдруг открыл глаза... Так ведь открыл глаза, а увидел – небо, глубокое да холодное, будто свежеврытая яма. Дыхание перехватило. Здрожал. А потом покосился тихонько на Стрешнева.

«Аааа...» – протянул, будто что-то понял. А Санька молчит. Видать, зэк-то забредил. «Солдат? – спрашивает, а сам на небо мимо Стрешнева глядит. – А земля где же?» – «Лежишь ведь на ней. Приехал. Уже дома».

Зэк полыбился слабо. И не верит, будто обманывают его. «Меня заберут, сынок?» – «Заберут. На носилках, батя, прокатаешься. А чего это у тебя на шее? Крест? Из серебра? Может, на чай сменяешься?» – «В Бога веруешь...» – проговорил зэк, скривясь от удущья. «Кто его знает... – сказал Стрешнев, приглядываясь к кресту. – Бог вроде есть, а вроде и нет. Так сменяешься?» – «Замерзаю я...» – простонал старик, и глаза его как-то просияли. А потом закашлялся, да жестоко так, что Санька склонился над ним из жалости. Вот же из такой жалости, из какой не обогреть мог, а пристрелить. То есть даже и замараться против воли кровью. Ведь лежит на сырой земле старик и видом своим мучает.

«Прямо так и замерзаешь, разве так бывает?» – «Человека я зарезал, и ещё одного... Многих со свету сжил, – задышал старик. – Веришь?» – «А вот крест бережешь», – сказал Стрешнев. И без всякой усмешки сказал, а так, будто было старика за это жалко. И хотел ефрейтор подняться, а зэк рукой цепляться стал, пальцами скрюченными.

«Холодно!» – «В больничке будет тепло». – «Знаю. Отнеси туда...» – «Не, уж полежи чуток. Это тебя санитары, их работа». – «А не бросят? Ты побудь со мной, тебе вот и крестик надо». – «Что, надумал, батя? Серебреца-то у тебя в кресте не больно, много не жди, не дам», – едва обрадовался Стрешнев. «Помнить будешь... Кха-кха... Что я отдал.

Меня помнись». – «Ну ты... А может, и задаром отдашь?» – «Кха-кха... Забудешь ведь...» – «Ну, и валяйся...» - сказал Стрешнев и легонько оттолкнул старика.

«Отдам, отдам... Кха-кха-кха... Пригнись, дай руку». Зэк выпятил губы, будто что-то ещё хотел сказать, но не хватало сил. Цепляется за Стрешнева, дрожит. И то ли от озноба, то ли подняться силится и тянет Саньку за собой. «Ближе, ближе... – хрипит. – Дай руку!» Надоело Стрешневу подле зэка приседать. И ветер по земле поддувает. Тут и громовые раскаты раздаются вдаль, а потом проносятся над головой, от страха голову пригибаешь, будто ей-ей расшибёт. Узбеки грома испугались. И боязливо так на ефрейтора глядят, зовут в караулку. Ветер со степей поднялся и, как зверюга голодный, шинелку треплет, урча.

А зэк всё же приподнялся. За руку Санькину схватился. И глядит глаза в глаза. Стрешнев сбросить хотел – от старика воротило, будто б обернулся тот ящером, но как задышит он, задышит... Грудь вот колотала, выдавливала что-то щемяще смертное из себя.

Думал Стрешнев, что слово важное сказать хочет, чуть не тайну ему одному открыть. А ладошку вдруг будто обожгло. Глядь Санька в ладошку-то свою, а там кровавый харчок. И у зэка-то рот окровавился. Как выхаркнул чахотку, так и обмяк. И наземь затылком грохнулся. Корча пошла. А у Стрешнева харчок кровавый в ладошке. И он так его боится, что в кулаке сжал. Оттянул чужую страшную руку от себя, будто бы и лишился он этой руки. Побледнел и заплакал: «Мамочка, мамочка...» А сам не знает, куда деться. Душа врасплох, и ветер душит, то есть дует в разинутый от плача и нытья рот.

Тут санитары показали. И Стрешнев кулак от них в шинелку спрятал. Привиделось ему, что будто и разглядывают кулак. Хотели они зэка класть на носилки, а ведь у того губищи в алых пузырях. Спихватились. Стали тормозить да спасать, а зэк-то на поверку мёртв. «Вроде помер...» – говорит один другому. «Так ты ещё пощупай». – «Не, чего и щупать – точно помер. Солдат, зови начальника, отошла его душа. Скажи – трупешник у нас!»

А Стрешнев и рад: закивал головой примерно, будто он прислугой у санитаров и только их распоряжения ждал.

– Товарищ начальник! – орёт, не добегая до караула. И на глаза боится попасться. За чужие спины – шась. Хорошо, что конвойники из автозаков на мёртвого глядеть повылазили, то есть и было за кем спрятаться.

Дождь снова зудел, накрапывал – мелко, мелко. А начальники караула да конвоя остервенели, от них же расторопка и на сол-

дат нашла. Солдаты, санитары, врачи из больнички под дождём столпились подле мёртвого зэка, и кто ни попадя с кем ни попадя ругаются, чей это теперь груз. Конвойные орут, что они в Долинку живым доставили, а такого некуда им везти. Лагерные на дыбы – за воротами его труп, пусть отвечают, кто уморил по дороге. Сошлись было, что возможно смерть его оформить завтрашним днём, чтобы не портить никому картинку. Но тут новый спор, кто ж кому за это задолжал.

А тут дождь хлынул. Да так, что будто не дождь это, а снежная вьюга. Капли то кружат, то сыплют, то застыт белым-бело глаза, не иначе зима вернулась.

А мёртвый лежал – лицо чистое, грозой с неба омытое. И водица дождевая кропила в отверстие рот, будто он никак не мог напиться, а если и умер, то от жажды. И вот вокруг мёртвого и заводило свой дикий хоровод ненастье, а он лежал спокойный и недвижимый. Будто вихрящийся дождь и прорывы ветра сквозь дождевой ток и бои грома были его душой. И душа эта металась испуганно над неподвижным телом и билась об него. Степь лежала вдали будто освежёванная. Черные кости саксаула торчали из земли. Мутные, буроватые от суглинка потоки стекали в ложбины. А сама земля выворотилась этакой нутряной кишкой – рыхлая, нежная и парная.

Покуда начальники уговаривались о двух бутылках, Стрешнев терзался своими мыслями, сжимая в кулаке харчок, которого, верно, уж и след мокротный простыл от его-то жара. Думал, что надобно его уничтожить, смыть. Что чахотка – верная смертная смерть. Что вот он эту смерть в кулаке зажал, а разжать страшится. Начальники сговорились на трёх бутылках. Тут же все и разбрелись, а Стрешнев остался стоять потерянный, сторожил свою смерть. Санитары уже уносили зэка на зону. Рука одна свесилась с носилок и махала ему, прощаясь, как живая. Санитары не подобрали её. А у самых ворот вдруг встряхнули носилки, уравнили труп, чтобы легче было нести, и рука сама собой взмахнула да залетела старику на грудь.

Начальник закричал на Стрешнева, и он поплёлся вслед за всеми в караулку. Там начальник приказал раздеться и выжать бельё. Стрешнев в умывальню зашёл. Разжал окостеневший кулак, а в ладонке ничего не оказалось. Он её к лампочке поднёс, чтобы разглядеть, значит. А на ладонке алый следок – чуть видно. Тогда же он руки стал мылом тереть. А потом об стену, об кирпичную – до крови. И уж ждал своей смерти. Но не знал, как начальнику доложить. Так как он собирался умирать, то белья не выжал и остался в сыром, будто заживо лёг в могилу. Потом он чифирил в столовом помещении, а солдаты расспра-

шивали про этап – знали, что ефрейтор охотился за колечком. Стрешнев цедил горячий горький чифир и молчал, потому как солдаты отчего-то стали ему чужими.

Потом в лагере сменились караулы. Санька возвратился в казарму и слёг в койку, его мучил жар.

А наутро его с бредом и жаром в санчасть отправили. И ещё одного узбека из тех, что встречали с ефрейтором этап. И другие прихворали, видать, застудились. Но вот Стрешнев в бреду плевался, когда его на носилках в санитарную машину несли, и кричал, что все они сдохнут. И даже не плевался, от жара во рту была одна сухота, а губами из себя пустоту выталкивал, бубнил. А солдаты по отбытии Стрешнева в госпиталь говорили, что ефрейтору всегда везло. Что вот и теперь будет нежиться на чистом белье и сытой больничной пайке. Что возвратится в роту, вылечившись от простуды, когда уже будет тепло. Может, и летом. И что наверняка выменял Стрешнев желанное колечко, только никому не сказал и не показал, чтобы не обчистили.

Кратковременное свидание

Спустя неделю после суда раскаявшийся в убийстве супруги Андрей Андреевич Пакоста принялся лихорадочно искать новое место в жизни в зоне строгого режима, куда был этапирован из тюрьмы на постоянное местожительство: «...на ближайшие шесть с половиной – десять лет». Денег в кармане не было, на зоне они табу. Где-то в чулке у зэка потеет иная бумажка, изнашивается, впитывая кислый запах немытого тела, но не у всякого... Валюта для расчетов в неволе иная – сигареты и чай. «Хозяюшка» да «общак» – минутная радость, был вот чаек да выпит, хоть нифеля за другими бери да пережаривай на сковородке... нельзя – признают чертом. Как быть?.. Растерянный Пакоста тыкался во все сферы лагерной экономики: на «промку» рано – отказ; шить, вязать и клеить он не умел; а на хозработы – боже упаси!.. Учитывая его пенсионный возраст и выработанную на печах «горячку», матерые зэки признали его «мужиком», и упасть в их глазах до уровня столотера бывший строитель не мог... А между тем порядочный зэк без чая и сигарет на виду у лагеря все равно, что застиранный школьный учитель на Красной площади – никому не нужная нищета.

Его озабоченность заметил завхоз отряда Степан Легеза – матерый зэк, у которого в подвале в подсобке работали вставшие на путь исправления «шарабешники» – народные умельцы, насыпающие битым камнем картины художники, – инкрустаторы, резчики по дереву и кости, ваятели, отливающие лепнину, и один осужденный за мошенничество юрист-лежебока, писавший во все инстанции жалобы зэкам, не знающим уголовно-процессуального права. Звали его Аркаша. Перемигнувшись с завхозом на предмет околпачивания нового пассажира, он начал «правозащитную деятельность». Внимательно выслушав беды Пакосты, Аркаша заметил:

– Тебя развели, как лоха. Дело в том, что твоя жена умерла своей смертью, предназначенной ей природой. Она была гипертоником?..

– Пила клофелин... – согласился Пакоста.

– Дородная дама?..

– Да...

– И не иначе как центнер с гаком?

– Как знать, Аркаша...

– Килограммов сто пятьдесят, – ухмыльнулся тот.

Пакосте стало обидно.

– Куда уж более?

Супруга и в самом деле имела избыточный вес, но не до такой степени, чтобы глумиться.

– Она умерла от инфаркта!.. – кричал Аркаша.

От его внимания не ушло, что в справке судебно-медицинской экспертизы не было ни слова о том, что смерть наступила насильственным путем. О ее содержании ему поведал Пакоста.

– Не помню дословно, что там было написано, – промямлил он.

– Сами побои на лице еще не доказательство того, что ты убийца, а инфаркт и последующая смерть женщины – следствие общего заболевания, гипертонии. Я подскажу тебе, как надо составить жалобу на пересмотр этого дела, а ты гони своего фальшивого адвоката в шею и найми себе нового – дам тебе адрес. Всего один пересуд, и ты на воле!..

Эта надежда омолодила Пакосту, затмила разум, но новый защитник стоил денег и «...сигарет», и Андрей Андреевич осторожно спросил у консультанта:

– Сколько я буду должен?

– По-божески, – ответил тот. – Двадцать пачек фильтровых...

Они «...ударил по рукам», и старый огнеупорщик попал под каблук «знатоков юриспруденции» – новый адвокат на воле требовал предоплаты для взяток ответственным за хранение дела людям, а Аркаша хотел курить...

Завхозу стало известно о сделке между Пакостой и матерым юристом «из каптерки», открывшим глаза неискушенному в праве ээку-первоходке на российское правосудие.

– Кто у тебя на воле? – спросил он Пакосту.

– Дочка. Студентка, – ответил тот.

– Звони, – предложил завхоз. – Будешь должен...

Свою дочку Пакоста, зажмурившись, увидел ребенком, худой малышкой младшего школьного возраста с косичками на рванце, впечатлитель-

ной и отзывчивой на всякую несправедливость. Она, как лакмусовая бумажка краснела, когда неправда торжествовала. Как-то один второгодник, Васька, отобрал у нее в буфете деньги, которые дала ей мама на пирожки. Но девочка не растерялась, хотя и была испугана наглостью и силой. На большой перемене она побежала в опорный пункт милиции (так ее учили родители и педагоги) и рассказала об этом дежурным, но те рассмеялись и не пошли отбирать у Васьки ее копейки.

– Придете с мамой, – ответил старший. – Напишите заявление – рассмотрим...

Но мама никуда не пошла, а, напротив, отшлепала дочку за своеволие и поставила в угол на целый час, запрещая брать в руки куклы. Вечером Оленька пыталась папу как самую высшую инстанцию, не понимая, почему Ваську не наказали, а ее оставили без игрушек.

– Он глупый, – ответил папа. – Ты никому не рассказывай в школе о том, что была в милиции и искала правду...

Но в классе узнали об этом, стали дразнить Оленьку ябедой и пакостой, превращая в пытку ее фамилию и жизнь.

Более месяца она плакала на шее у папы, не брала в школу деньги на пирожки.

– Я не хочу быть Пакостой!..

– Ты вырастешь, выйдешь замуж и возьмешь себе другую фамилию, – твердил отец, лаская дочурку.

Она засыпала с надеждой на счастье, а он – Пакоста – вздыхал, не зная, как ему успокоить ребенка завтра.

Темной тюремной ночью ближе к утру, когда успокаиваются дежурные, и лишние уши доносчиков зарыты в постельном белье, Андрей Андреевич тихо взял у завхоза телефонную трубку, вышел на лестничный марш и, оглядываясь назад на «атасника», «чтобы и тот не слышал», дозвонился до дома. Дочка перепугалась – жила она одна, ежедневно моталась в соседний город на лекции в академию. При родителях она часто ночевала в общежитии – было место, сообща и рефераты пишутся легче, а теперь... Оленька боялась оставить квартиру без присмотра, даже когда учеба затягивалась до вечера. После убитой матери остались какие-то деньги в сбербанке – ни много ни мало, жила без долгов.

Пакоста клялся в любви, божился в невинности, просил у нее прощения, за то, что «так вышло», доказывая, что не убивал Анюту – мать Оленьки, что скоро все выяснится и он вернется домой...

– Ты только приди на свидание и принеси сигарет... А то посадят меня на счетчик подлые зэки, а?... Доча?... Я тебя люблю...

Но она не поверила в полную невинность отца. Им же воспитанная, девушка с детства впитала в себя уважение к государственности и знала, что у нас «ни за что не сажают» – в России нет более жестокого и коварного человека, чем тот, что сидит в тюрьме.

Вчерашняя осень была дождливой и слякотной – выпадет снег, растает; большая лужа у зоны росла и кисла на тротуаре до холодов, и некуда было ее вымести, откачать – канализационные люки забиты, зона давно задолжала городу за воду, за свет, за иные услуги – счета росли. Ударили морозы, и цепкие льды обжали бетонный забор по всему периметру от первой и до последней вышки. Мела поземка... Оленька понуро скользила на кратковременное свидание к отцу, тянула на санках тяжелую сумку с теплыми вещами, с провизией. Около входа в тюремную гостиницу была очередь. Две расфуфыренные молодухи – одетые не по сезону, в коротких пальто, в тонких колготках обе – жадно курили душистые сигареты, сплевывая на снег тягучие слюны, кашляли по ветру, сморкались в сторону собачьей будки, откуда время от времени лениво базил на них одинокий «привратник» – лохматый алабай по кличке Тарзан. На крылечке, беспокойно вздыхая, всхлипывала укутанная в серый пуховый платок старушка, рядом лежал старый пузатый рюкзак цвета «хаки» с отвислыми пустыми кармашками, напоминающий болезненную фигуру завсегда сегодняшних поликлиник – обрюзгшего калеку, ожидающего конца полуторачасовой пятиминутки врачей. Дверь загудела, и старушка, кряхтя, согнувшись в три погибели, потянула поклажу в контрольное помещение зоны для досмотра. Ближайшая к ней молодуха решила помочь, выплюнула на снег сигарету и «пристегнулась до лямки», но суровая стражница пресекла ее подвиг и выставила обратно.

– Холодно же на улице, Сергеевна, чего грубишь?

– Гетры надо носить, бесстыжая!.. Светишь окошками!

Гудящая дверь закрылась.

– Коза-а! – незадачливая подруга огрызнулась, но дежурная услышала и ответила:

– Проститутка!.. Пойдешь у меня в последнюю очередь!..

Металлическое полотно покачнулось обратно к людям, и с казенного сапога на улицу вылетел маленький серый дистрофик – котенок, едва позабывший мать. Должно быть, привычный к такому «лихачеству», он как ни в чем не бывало мирно уселся около Оленькиных ног и стал умываться. Вылизывая правую лапу теплой влагой, котенок подносил ее к мордочке, натирал ей глаза и щеки, не обращая внимания на сварливые крики сторон.

– Конфеты им вынь!.. Сигареты им вынь... Трусы перед ними сними и на наличие героина выверни наизнанку, – ворчала женщина, – пиво не пей, не дыши, не смейся, живи себе честно, не меняя мужчин, забудь про оргазмы. Даже презервативы в развернутом виде...

Она закашлялась. Оленька испугалась и переспросила про сигареты:

– Как это вынь?

– А то ты не знаешь – вон урна. Сиди и выворачивай гостинцы.

Сварливая молодуха показала Оленьке свою сумку – сигареты лежали россыпью в целлофане, словно спагетти.

– А так не пускают? – в надежде спросила девушка.

На это ей мирно ответила другая женщина, старше первой:

– Барыги... Если ты не хочешь трясти на морозе конфеты, то купи их в тюремном буфете втридорога, дочка.

– Да где же деньги?

– Вот то-то...

– А ты небось к жениху?.. – перебила беседу первая – самая наглая и бойкая. – А я его знаю?..

– К отцу, – ответила Оленька.

– Заметно... За что он сидит?

Девушка промолчала.

– Молчишь?.. – удивилась соседка. Она уже успокоилась и смотрела на девушку с пониманием:

– Значит, так надо... Ну, ну... Я – Наташка.

В помещении что-то красили. Ржавая железная тара «Строительный мусор» стояла на кирпичах, почти вплотную к крылечку. Всякий прохожий мог ею воспользоваться, выбрасывая окурки, бумажки, тряпки... Оленька стала перебирать конфеты, освобождаясь от фантиков. Наташка заметила в назидание:

– Дома готовься. – И подала два прозрачных пакета: – Это тебе для чая и сигарет.

Одна из конфетных оберток была подхвачена ветром. Она зашуршала и потянулась по снегу в сторону собачьей будки. Полудохлый котенок ожил и бросился вслед.

– Смелый котенок, – заметила Оленька, обращаясь к новой знакомой. – Кобель от него такого худящего в будку забился, словно от генерала.

– Боится, – сказала Наташка.

– Кого боится?.. Котенка?..

– Есть тут один обиженный Агасфер – масть у него такая – уборщик штаба, неприкасаемый. Самый последний человек...

– И что?.. – испугалась Оленька.

– Это его котенок... Звать – Моисей.

С минуту они глядели, как серый комочек резвился с бумажкой на глазах у собаки, робко выглядывающей наружу из конуры. Потом Наташка открыла Оленьке правду на странное поведение животных.

– Чует родное мясо... Вчера обиженные собаку сожрали и накормили котенка.

– Вот живодеры, – вздохнула Оленька.

– А кто, ты думаешь, около зоны лед убирает?.. Петухи! Поймали они бродячего кабыздоха, и секир ему башка...

– Мало им человеческой крови...

– Лечат туберкулез.

Двери в зону открылись.

– Ты чего девчонку запугиваешь, – строго сказала охранница. – Нет здесь туберкулеза! – И кивнула Оленьке: – Заходи.

– Ты, Сергеевна, сходи и убедись, – проворчала Наташка. – Там шукура валяется... Сырыми кусками кормили, урчал котище...

Она кивнула головой в сторону заброшенного склада, мимо которого, скользя по наледи пешеходной дорожки, тащила на кратковременное свидание санки другая девчонка, а чуть поодаль, сидя на корточках около закопченной бочки с огнем, какие-то черные люди грелись, поджаривая на палочках хлеб...

– Сам Агасфер Иванович кашеварит, – согласилась дежурная, – он теперь у нас в штабе «за главного».

Гнев у нее прошел, и она снисходительно улыбалась людям.

На свидании Оленька испуганно вздрагивала при каждом шуме из коридора тюремной гостиницы, куда привели ее отца, до неузнаваемости худого и издерганного. Он пересчитывал выпотрошенные из пачек сигареты: скрупулезно, скаречно, по нескольку раз, руки дрожали – так горе-шабашники пересчитывают на воле копейки, отжатые за выполненную «халтурку». Раскладывал их на кровати кучками по двадцать штук, заглядывал едва ли не в каждую сигарету, оценивая качество табака. Аркаша, которому он задолжал, был очень привередливым человеком...

– Ты бы взяла у них курево, а?.. Доча?.. Дороже на три рубля... Сходила бы в наш тюремный буфет? – Купленные на этаже у дежурного сигареты имели товарный вид, не рваные, словно мусор, – маленький бизнес жил и приносил барыши сотрудникам. Но у Оленьки не было денег. Стыдливо и виновато она глядела на пол, словно ее, а не кон-

феты, раздели при досмотре и кинули в наказание в комнату не к отцу, а к бандиту, убившему мать.

– Лапают при досмотре... Руки холодные, злые, цепкие... От страха мурашки – липкие тараканы бегут и бегут по коже, вгоняя в дрожь...

– Терпи, доченька!.. Я терплю...

– Так ты!.. – заикнулась она и всхлипнула, прикусив язык... И, вспоминая женщину в форме, сказала: – Ругается матом, называет воровкой... А я... ничего не украла... А я никого не убила! Соседи по дому злятся, косятся, шепчутся и шипят... За что мне, отец?

– Прости меня, доченька, пожалей...

Он коснулся ее волос...

– Вот выйду замуж и не буду Пакостой... Ни за что, никогда.

Ближе к ночи мороз окреп. Холодная дверь на волю покрылась инеем, гудящий замок отомкнулся не сразу. Словно голодная мошкара, над миром кружился неласковый снег. На выходе Оленька услышала жалобный крик из ящика, где лежали фантики от ее конфет. Котенок, играя, увлекся и угодил на самое дно. Крутые железные стенки были неприступны для его когтей, он скребся, звал на помощь, но... Кто-то высыпал в ящик остатки едкого розового пигмента, и, когда Оленька вытащила котенка наружу, тот с ног и до головы был перепачкан краской. Оказавшись на свободе, Моисей отряхнулся и стал мяучить около двери в лагерь, желая тепла. Но краска еще светилась на шкуре, и, получив очередного пинка от строгой дежурной, котенок выкатился на пешеходную дорожку, увидел Оленьку и помчался ее догонять, оставляя на запорошенной наледи розовые следы...

13 ноября 2007 года

Александр Сидоров

«Гоп со смыком»

История песни – история народа

Повествуя о «блатной лирике» в очерке «Аполлон среди блатных», писатель и старый лагерник Варлам Шаламов среди прочих босяцких песен упомянул одну:

«Есть песни эпические – вроде отмирающего уже "Гоп со смыком"».

Варлам Тихонович ошибся в своих прогнозах. Бесшабашная песня «Гоп со смыком» не отошла в небытие. И до сих пор стоит поставить любимую аудиокассету – из колонок польется хрипловатый голос Аркаши Северного:

*Гоп со смыком – это буду я,
Братцы, посмотрите на меня:
Ремеслом я выбрал кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
И тюрьма скучает без меня.*

Выражение «гоп со смыком» связано с уголовной «специальностью» уголовников – так называемым «гоп-стопом». «Гоп-стоп» – это уличный грабеж «на испуг», когда босяк внезапно налетает на жертву, ошеломляя ее, обчищает (часто – с применением насилия) и так же внезапно исчезает. Этот прием и назывался в старину «гоп со смыком». Слово «гоп», согласно «Толковому словарю» Владимира Даля, *«выражает прыжок, скачок или удар... гопнуть, прыгнуть или ударить»*. «Смык» же в данном сочетании с «гоп» обозначает вовсе не смычок, а, согласно тому же Далю, является синонимом слова «шмыг» и образован от глагола «смыкнуть» («шмыгнуть»).

Журнальный вариант. Полностью текст «Гоп со смыком» – великий эпос русского блатного народа» опубликован на сайте журнала: www.index.org.ru

То есть «гоп со смыком» – это мгновенный наскок с ударом и быстрым исчезновением нападающего. Этому соответствует и параллельный термин «скок с прихватом» – грабеж с умыканием добычи.

При этом грабители часто использовали выражение «Гоп-стоп!», обращалось оно к жертве и означало требование остановиться. Примерно в этом же смысле оно нередко используется и теперь: с целью обратить внимание на себя. Например: «Гоп-стоп, Дима, не проходите мимо!» Или в известной лагерной песенке:

*«– Гоп-стоп, Зоя,
Кому давала стоя?
– Начальнику конвоя,
Не выходя из строя!»*

Нынешнему читателю «гоп-стоп» более известен по знаменитой песне Александра Розенбаума: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...»

Песня существует во множестве вариантов, в некоторых подробно расписывается райская жизнь с издевательским описанием православных святых и примкнувшего к ним Иуды Искарриота:

*Но так как я играю и пою,
То жить, наверно, буду я в раю,
Где живут одни святые,
Пьют бокалы налитые.
Я такой, что выпить не люблю.*

*В раю я на работу сразу выйду,
Возьму с собою «фомку», ломик, выдру¹.
Деньги нужны до зарезу,
К Богу в гардероб залезу –
Я его на много не обижу!*

*Бог пускай карманы там не греет,
Что возьму, пускай не пожалеет.*

¹ Ф о м к а – специальный воровской ломик для отжатия дверей, в отличие от других разнообразных ломиков («лукич», «карандаш» и пр.). В ы д р а, в ы д р о – специальная отмычки для взлома замков на дверях купе в пассажирских поездах. Другие варианты – «Возьму с собою пушку, ломик, выдру» (пушка – пистолет); «Возьму с собою фомку, шпалер, выдру» (шпалер, шпаер, шпайер – пистолет). У Утесова – «Возьму с собою бунку, шпайер, выдру». Б у н к а – воровской ломик (одесский жаргон).

*Шубы, золото, караты,
На стенáх висят халаты –
Дай нам Бог иметь, что Бог имеет!*

*Кодексов в раю не существует,
Кто захочет, тот идет ворует.
Магазины, лавки, банки –
Там, стоит все для приманки,
О ворах никто и не толкует!*

*Иван Предтеча там без головы
Имеет свою фабрику халвы.
Даром что он безголовый,
Малый хоть куда фартовый,
А глаза у него, как у совы.*

*Фома Неверный тоже не бедней.
Его мне окалечить всех верней –
Ведь он в долг святым не верит,
Чистоган всегда имеет –
Отберу, пока их не пропил.*

*И всех святых я рад буду калечить,
Чтоб жизнь свою земную обеспечить.
Заберусь к Петру и Павлу,
Ни копейки не оставлю –
Они пускай хоть с голоду подохнут.*

*Николку я недавно повстречал.
Признаться, старикашку не узнал:
Чудеса творить он бросил,
Ходит милостыню просит
(На пенсии, как видно, не прожить!).*

*Исус Христос совсем переродился,
Ответственным лицом быть ухитрился:
Стал он важным финансистом,
Славится специалистом,
Говорил, что здорово нажился.*

Архангел всем известный Михаил
С Иисусом все компанию водил:
Часто вместе выпивали
И с девчонками гуляли,—
Меж святых Распутиным он слыл.

Святой Георгий тоже там живет,
Но меж святых буйном он слывет:
Нет того дня, чтоб не подрался
Или с кем не поругался,
Панику на всех в раю наводит.

Илья-пророк живет на том же свете,
Катается в серебряной карете.
У него лошадки чудо,
Прокатиться бы не худо.
Заберу, продам их на Конной.

Занялся темным делом Гавриил
(Архангелом хорошим раньше был),
Теперь ходит по фасону,
Все берет на фармазону,
У Николки торбу тоже двинул.

Мария Магдалина там живет
И меж блатными бандершей слывет:
Бардачок она открыла,
Проституток напустила,
За удар червонец там берет!²

² Варианты:

«Святая Магдалина там жила,
Среди святых разврат она вела —
Бардачок она открыла,
Святых девок напустила,
По червончику за ночь брала».

«А есть еще Мария Магдалина,
Думают, она вполне невинна.
Но, друзья, я врать не буду,
К ней по ночам ходил Иуда —
А Иуда зря ходить не будет».

По поводу Марии Магдалины существует свидетельство, что эта тема развивалась в не дошедших до нас версиях более полно и цинично. Так, в «Автобиографии» Давида Арманда, которая относится к довоенному ГУЛАГу, читаем о «Гоге со смыком»:

«Песня была полуцензурной. Пока Гоп-со-смыком играл в карты, умирал, попадал на Луну, дрался с чертями, напивался, покупал шкуру (крал бумажники), в том числе у Иуды Искарриота, ее можно было слушать не краснея. Но когда на Луне он встречал Марию Магдалину, начиналось черт знает что».

Завершается «Гоп» часто «моралью»:

*С этим свою песенку кончаю,
А всей братве навеки завещаю:
Вы же мой завет примите –
Пейте, нюхайте, курите,
На том свете все Господь прощает!*³

Значительная часть балладного повествования отведена рассказу о пребывании героя в раю. Подобный сюжет, как и сюжет о пребывании героя в аду, довольно распространен в славянском (в том числе русском) фольклоре. Например, «Сапожник на небе», где сапожник оказывается в раю, но его оттуда изгоняют за склочный нрав. Нередко герой успеваешь побывать и в раю, и в аду. Например, в быличке «Как купцов сын у Господа в гостях был» сын купца сначала пирует с Господом в раю, а затем путешествует с Ним в ад. Есть сюжет о том, как мужик путешествует по раю и по аду с Николаем-Угодником. В рассказе «Как царь Соломон из ада вышел» повествуется, как библейский Соломон перехитрил чертей и сбежал из пекла в рай. В быличке «Обмиравшая» героиня слушает рассказ горького пьяницы, которого освободил из ада ангел-хранитель.

Наиболее перекликающийся с «Гопом» источник – древнерусская «Повесть о бражнике како внииде в рай». Мы помним, что значительная часть воровской баллады посвящена издевательской насмешке над святыми и перечислению их неблагоприятных поступков. «Гоп со смыком» в этом смысле продолжает русскую (вернее сказать, славянскую) смеховую традицию «Повести о бражнике».

В произведении рассказывается о том, как *«бысть неки бражник, и зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшом*

³ Вариант – «*Это все Господь ворам прощает*».

господа бога прославлял, и часто в ночи богу молился». Однако после смерти апостол Петр не впускает пьянчужку в рай: «Бражником zde не входимо!» И тут начинается самое интересное. Пьяница вопрошает: «Кто ты еси тамо? Глас твой слышу, а имени твоего не ведаю». Петр называет себя, и бражник тут же припоминает ему, что тот трижды отрекся от Христа. Затем на место Петра приходит Павел, и бражник пеняет ему, что он «первомученика Стефана камением побил». Место Павла занимает царь Давид, но и у него отыскивается «пятно в биографии»: усла своего военачальника Урию на смерть, а потом завладел его женой. Попеременно подвергаются бражникову разоблачению царь Соломон, святитель Николай, Иоанн Богослов. Устыдив всех, пьяница все-таки попадает в рай, где усаживается на самое почетное место. Когда же святые начинают ему на это пенять, следует блестящий по издевательству аргумент:

«Святи отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!» И рекоша вси святии отцы: “Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков”. Аминь».

Другими словами, у «Гопа» и «Бражника» полностью совпадают мотивы разоблачения неблаговидных поступков «райского общества».

Тема насмешек и издевательства над святыми позднее была продолжена в русской фольклорной традиции. Мы имеем в виду век девятнадцатый, когда возникла известная богохульная студенческая песенка «Там, где Крюков-канал и Фонтанка-река...». Несмотря на явный отсыл к Петербургу (где находятся соответствующий канал и река), старейшая запись этой песни сделана в Казани и с казанскими топонимами (Казанка-река и т. д.) в середине XIX века. Есть и множество других вариантов, в том числе киевский со Святым Владимиром (вместо святых Исаакия и Харлампия, храмы в честь которых стоят в Петербурге), а также, возможно, московский с Василием Святым. Приведем для иллюстрации «питерский» и «киевский» (наиболее богохульный) тексты:

*Там, где Крюков канал и Фонтанка-река,
Словно брат и сестра, обнимаются,
Там студенты живут, они песни поют
И еще кое-чем занимаются –
Через тумбу-тумбу-раз, через тумбу-тумбу-два,
Через тумбу-три-четыре спотыкаются.*

*А Исакий святой с колокольни большой
На студентов глядит, улыбается –*

*Он и сам бы не прочь погулять с ними ночь,
Но на старости лет не решается.
Через тумбу-тумбу-раз...*

*Но соблазн был велик, и решился старик –
С колокольни своей он спускается.
Он и песни поет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...*

*А святой Гавриил в небеса доложил,
Чем Исакий святой занимается,
Что он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...*

*В небесах был совет, и издал Бог завет,
Что Исакий святой отлучается,
Мол, он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...*

*На земле ж был совет, и решил факультет,
Что Исакий святой зачисляется:
Он и горькую пьет, он и песни поет,
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...*

*А святой Гавриил по рогам получил
И с тех пор доносить не решается.
Он сам горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается –
Через тумбу-тумбу-раз...*

В переделке вятских семинаристов кощунственные интонации песни многократно усилены, там появляется, например, «*Иван Богослов, / Покровитель ослов*»⁴. Я сам помню некоторые куплеты, которые мы пели в школьные годы, когда мне было лет десять – двенадцать (вто-

⁴ См.: Поздеев В.А. «Фольклор и литература в контексте "третьей культуры"». М., 2002.

рая половина 60-х годов прошлого века). Никакой Фонтанки и Крюкова канала в них не было (я учился в Ростове-на-Дону), зато, помимо святой Елены, которая «ушибла колено», там фигурировал святой Никанор – «мошенник и вор» – и множество других святых, из которых мне запомнился лишь евангелист Матфей:

*А святой Матфей
С колокольни своей
Все глядит и похабно ухмыляется:
Он и сам бы не прочь
Провести с милой ночью,
Но на старости лет не решается.*

Эта студенческая песня явно оказала влияние на формирование антирелигиозных мотивов «Гопа» – слишком уж отчетливо слышится ее отзвук в воровской балладе. Даже припев «через тумбу-раз» и т. д. (в другом варианте звучит рефрен «Вера чудная моя») имеет соответствие в «Гопе со смыком». Одна из переделок песни специально подчеркивает:

*Много есть куплетов «Гоп со смыком» да, да.
Все они поются с громким криком: «Ха-ха!»*

Нельзя не согласиться с профессором Неклюдовым, который замечает: *«Обращает на себя внимание незаурядная для низовой песенной традиции "богословская эрудиция" авторов – в сочетании с ничем не сдерживаемым богохульством. Все это позволяет довольно уверенно предположить, что первоисточник был создан в семинаристской среде; о том же свидетельствует и тема пьянства – излюбленная в антицерковной сатире в самой церковной среде».*

Это обстоятельство (участие в создании «Гопа со смыком» образованной, но маргинальной части священнослужителей) позволяет нам с достаточной степенью очевидности определить ту историческую литературную традицию, которая явно повлияла на возникновение мотива насмешки над святыми, составляющего значительную часть ранних вариантов уголовной баллады.

Я имею в виду «Гаргантюа и Пантагрюэля». Этот роман Франсуа Рабле должен был пользоваться в семинарской среде особой популярностью. Именно в тридцатой главе повествования о приключениях великана Пантагрюэля мы встречаемся с рассказом о пребывании Эпистемона – друга Пантагрюэля – на том свете. Воскрешенный Панургом

Эпистемон рассказывает, кого он видел после смерти. Эпистемон приводит длинный список великих в этой жизни людей, которые, умерев, влачат не соответствующее былому величию существование. Вот лишь некоторые из них:

*Ксеркс торгует на улице горчицей,
Ромул – солью,
Тарквиний сквалыжничает,
Кир – скотник,
Цицерон – истопник,
Агамемнон стал блюдолизом,
Дарий – золотарь,
Сципион Африканский, в одном сапоге,
торгует на улице винной гущей,
Ланселот, Рыцарь Озера, сдирает шкуры с павших лошадей,
Траян ловит лягушек,
Гектор – кухонный мужик,
Парис – голодранец,
Ахилл убирает сено,
Клеопатра торгует луком,
Семирамида ловит вшей у бродяг...*

Отдельной строкой проходят священнослужители:

*Папа Юлий торгует с лотка пирожками,
Папа Бонифаций Восьмой торгует тесьмой,
Папа Николай Третий продает бумагу,
Папа Александр – крысолов,
Папа Каликст бреет непотребные места,
Папа Урбин – приживал,
Папа Сикст лечит от дурной болезни.*

Далее Рабле продолжает издеваться над представителями Церкви:
«Я видел, как Патлен, казначей Радаманта, приценивался к пирожкам, которыми торговал папа Юлий.

«Почем десяток?» – спросил Патлен.

«Три бланка», – отвечал папа.

«Не хочешь ли три удара палкой?» – сказал Патлен. – Давай сюда пирожки, негодяй, а сам ступай за другими».

Бедный папа заплакал и пошел. Он сказал своему хозяину-пирожнику, что у него отняли пирожки, а тот отхлестал его так, что кожа его не годилась потом даже на волюнку.

Я видел, как мэтр Жан Лемер, изображая папу, заставлял всех бывших королей и пап целовать ему ногу, затем важно, по-кошачьи выгибая спину, благословлял их и приговаривал:

«Покупайте индугенции, бестии вы такие, покупайте, благо дешевы! Разрешаю вас от вин и гренков, то бишь от вин и грехов, и позволяю вам оставаться никчемными людьми до конца дней».

Разумеется, в раю не обходится без выпивки и блуда:

«Я видел Эпиктета, одетого со вкусом, по французской моде: под купой дерев он развлекался с компанией девиц – пил, танцевал, закатывал пиры по всякому поводу, а возле него лежала грудка эку с изображением солнца.

Увидев меня, он любезно предложил мне выпить, я охотно согласился, и мы с ним хлопнули по-богословски».

Кстати, именно у Франсуа Рабле встречается и мотив кражи на том свете. Кир выпрашивает у Эпиктета милостыню, и тот дает ему эку:

«Обрадовался Кир такому богатому улову, однако ж всякое прочее жулье, которое там околачивается, как, например, Александр Великий, Дарий и другие, ночью обчистили его».

Благоденствует на том свете и поэт Франсуа Вийон, который, по преданию, был уголовником и сочинил ряд баллад на жаргоне кокийяров – средневековых французских профессиональных преступников.

Как легко убедиться, по тому же принципу построена богохульная песня о святом Исаакии (Харлампии, Владимире, Василии). Мотивы пьянства, распутства, воровства, торгашества и проч. перекочевали и в «Гоп со смыком». Влияние Рабле и раблезианства на эту уголовную балладу очевидно; другое дело, можно спорить о путях этого влияния – скорее всего, опосредованных, через низовую семинарскую субкультуру.

Но возникает вопрос: почему в уголовной балладе так обильно представлены богохульные мотивы и почему они в конце концов исчезают из «Гопа со смыком»?

Совершим небольшой исторический экскурс. В уголовном мире царской России уважения к религии и к ее служителям не было. Ско-

рее, наоборот. Петр Якубович в мемуарах «Записки бывшего каторжника» пишет:

«...Особенно ярко проявлялась ненависть арестантов к духовенству. Последнее пользовалось почему-то одинаковой непопулярностью среди всех, поголовно всех обитателей каторги... Это какая-то традиционная, передающаяся от одной генерации арестантов к другой вражда...»

Причина ненависти к духовенству со стороны уголовно-арестантского мира заключалась в том, что Церковь как социальный институт пользовалась всемерной поддержкой государства и как бы освящала собой все несправедливости, государством творимые. При этом духовники призывали народ к смирению, терпению и непротивлению, что особо бесило именно бесшабашных, вольнолюбивых, строптивых «бродяг», «варнаков», «босяков». То есть ведущую роль играл дух противоречия.

После Октябрьской революции в число главных своих врагов большевистская власть наряду с дворянством в первую голову зачислила и духовенство. В стране подвергались разграблению церковные ценности, сносились храмы, представлявшие собою шедевры зодчества. Особым репрессиям подвергались церковнослужители. Они были объявлены «классовыми врагами» и подвергнуты жестоким репрессиям. Сами священнослужители нередко открыто становились на сторону врагов революции; кроме того, священники резко осудили декрет об отделении Церкви от государства и призвали всех православных к его саботированию.

Большевики с приходом к власти развернули политику тотальной антирелигиозной пропаганды. В нее включается «Союз безбожников» во главе с Емельяном Ярославским. Создается крупное государственное издательство «Атеист», выходит в свет иллюстрированная газета «Безбожник» (к конце 20-х годов тираж ее достиг 500 тыс. экз.), псевдонаучный журнал «Антирелигиозник»...

Закрываются или уничтожаются церкви и монастыри. Многие из них приспособляются под клубы, кинотеатры, библиотеки, склады утильсырья, колонии для беспризорных.

Вот некоторые наиболее популярные лозунги 20-х годов:

Наука и религия несовместимы

Пионеры, бейте тревогу – наши родители молятся богу

Против церковников – агентов мировой буржуазии

От поповской рясы отвлечем детские массы

Уголовники открыто и без колебаний разделяли точку зрения официальных властей. Как мы помним, священнослужителей «курки» и прежде не жаловали. Теперь же, когда на священников обрушилась новая власть и те попали в разряд «политических», – уголовники и вовсе потеряли к ним всякое почтение. Насмешки, издевательства над Церковью и верой, унижение и преследования священнослужителей были нормой в Советском государстве. То же самое царило и в уголовной среде, и в арестантском сообществе.

Именно поэтому созданная в первой половине 20-х годов прошлого века разбитая баллада «Гоп со смыком» о путешествии грабителя на тот свет получила яркую антиклерикальную и богохульную окраску.

Однако в дальнейшем сюжет о житии святых в раю практически выпадает из уголовной баллады. Разумеется, свою роль сыграла пластинка Утесова, вышедшая в 1932 году. Леонид Осипович исполнил сильно усеченный вариант «Гопа», и этот текст оказал влияние на последующее устное бытование песни. Но вряд ли это обстоятельство имеет решающее значение. Ведь когда-то в Ленинграде выходила на пластинке и вариация «Мурки» без уголовной атрибутики, в стиле «жесточего романса». Однако влияния на сюжет дворовой и уголовной песни он не оказал.

Есть куда более серьезные обстоятельства. Дело в том, что уже со второй половины 30-х годов отношение Советского государства к религии стало меняться. Это изменение с негодованием отметил уже в 1936 году Лев Троцкий в труде «Преданная революция»:

«Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен... По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета».

Приостановку (а фактически – остановку) «штурма небес» следует рассматривать в общем контексте свертывания оголтелого революционного интернационализма и возрождения российской государственности. Так, «Малая советская энциклопедия» 1930 – 1932 годов безоглядно поносила величайших исторических деятелей России, в том числе Александра Невского, Минина и Пожарского, Петра Первого, Суворова, оценивая их с точки зрения «классовой теории». Но уже с 1934 года обо всех этих деятелях официальная пропаганда начинает говорить с восторгом, на экраны страны выходят апофеозные фильмы «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940) и т. д. Возвращается из мест лишения свободы большинство виднейших историков, в 1929–1930 годах брошен-

ных туда по обвинению в «монархическом заговоре» и прочей ерунде; многие из них удостоиваются высоких почестей и наград.

Это связано с приходом к власти в Германии Гитлера и необходимостью противостоять германскому фашизму. Сталин и руководство страны вынуждены были принимать в расчет то обстоятельство, что агрессивные планы фюрера направлены непосредственно на Восток. Причем фюрер был намерен уничтожить Россию независимо от ее политического устройства. Поэтому Сталин и его окружение должны были думать о пробуждении патриотизма, национального самосознания.

Немыслим был этот процесс без возрождения уважения к Русской Церкви, православной вере, что отчетливо видно в истории с разгромом оперы «Богатыри» в Камерном театре. Вообще-то эта опера-фарс была создана еще в 1867 году композитором Александром Бородиным (автором «Князя Игоря») на либретто драматурга В.А. Крылова и являлась пародией на распространенный в то время жанр русской «романтико-исторической» оперы. Бородин использовал мелодии Ж. Оффенбаха, Дж. Мейербера, А. Серова, русских песен и т. п.

Однако в начале 30-х годов либретто оперы взялся «творчески обновить» Демьян Бедный. Безобидный, незлобный юмор Бородина и Крылова обратился в издевательство и надругательство над великим князем Владимиром Святославичем, русскими богатырями и крещением Руси. Вышедшая на подмостки в 1932 году, «опера» всячески восхвалялась официальной пропагандой. Былинные богатыри выступали в роли жандармской охранки, а князь Владимир предстал тираном-держимордой.

В 1936 году режиссер Таиров решает возродить эту мерзость в своем театре. Однако неожиданно знаменитый театральный деятель получает звонкую оплеуху: постановлением Комитета по делам искусств «Богатыри» категорически запрещены! Причины запрещения совершенно замечательны:

«Спектакль... а) является попыткой возвеличить разбойников Киевской Руси как положительный революционный элемент, что противоречит истории... б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются... носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа».

Фактически крещение Руси и роль православия в истории государства получают положительную оценку. Таким образом, власть стремилась завоевать авторитет у верующей части населения.

Когда же грянула Великая Отечественная война, отношения Русской Православной Церкви и государства вообще изменились коренным образом. В трудную для России минуту коммунистическое руководство обратилось за поддержкой к русскому православию. Со своей стороны, в первый же день войны митрополит Сергей в пастырском послании благословил народ на защиту священных рубежей Родины.

В ответ советская власть закрыла все антирелигиозные издания и распустила «Союз воинствующих безбожников». 9 ноября 1942 года митрополит Сергей направляет лично Сталину поздравительную телеграмму следующего содержания: «Я приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя... который ведет нас к победе, к процветанию в мире и к светлому будущему народов...» Телеграмму тут же публикует газета «Правда». 4 сентября Сталин принимает в Кремле трех высших иерархов РПЦ и дает согласие на избрание патриарха (чей престол пустовал с 1924 года). Созванный 7 сентября 1943 года первый с 1917 года Поместный Собор избрал патриархом митрополита Сергия. В августе 1945 года, после Великой Победы, Церкви было разрешено приобретать здания и предметы культа.

Воровской мир своевременно уловил эти перемены. Среди уголовников щеголянье «верой Христовой» стало особым «шиком». Это отразилось в обряде принятия новичков в «воровскую» касту. Теперь он получил название «крещения». Церемония как бы подражала христианскому таинству крещения. Во-первых, человек обращался в новую веру – «воровскую». Во-вторых, он получал при этом новое имя («кликуху», «погоняло»). Причем отныне все звали его только новым, «воровским» именем; предыдущая кличка напрочь забывалась. Назвать «законного вора» старой, «пацанской» кликухой значило нанести ему оскорбление, принизить его в «масти». Наконец, в-третьих, каждому «блатному» при «крещении» либо вешался на шнурке-гайтане, либо выкалывался на груди так называемый «воровской крест». Он имел форму православного, но без распятого Христа.

«Крест обычно был гладким, но если случались художники, их заставляли иголкой расписывать по кресту узоры на любимые темы: сердце, карта, крест, обнаженная женщина...»⁵

Таким образом отличали крест «воровской» от других нательных крестиков, которые носили многие арестанты – особенно из числа «раскулаченных» крестьян.

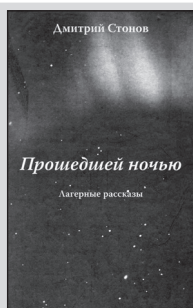
⁵ Варлам Шаламов. На представку.

Помимо крестов, наносились и татуировки религиозного содержания: Богоматерь (или Мадонна) с младенцем, церковные храмы, ангелы... Уже значительно позже, в период «сучьих войн», эти наколки получили особый смысл. Например, нанесение Богоматери означало – «Мой дом – тюрьма», то есть указывало на опытного «каторжанина»-рецидивиста; число куполов на татуированном соборе указывало на количество полученных сроков, причем купол с крестом – срок, отсиженный «звонком» (от начала до конца). И так далее.

С тех пор популярна в арестантском мире так называемая «воровская молитва»:

*Господи, спаси и сохрани
От моря Охотского,
Конвоя вологодского,
От лагерной вышки,
От короткой стрижки,
От злобных ключников,
От стальных наручников,
От земли-матушки,
От кирки-лопатушки,
От хозяина-беса,
От пайки-недовеса
и проч.*

С изменением отношения воровского мира к православию из знаменитой блатной баллады «Гоп со смыком» исчезают и куплеты, связанные с издевательством над святыми. Остается лишь Иуда Искариот да Господь Бог, которого Гоп обещает «намного не обидеть».

Дмитрий Стонов

Прошедшей ночью.

Лагерные рассказы. М.: Возвращение, 2007.
261 с.

Дмитрий Стонов

Суи

1

Люди моего поколения помнят китайцев, которые без особого труда переходили границу и широким потоком растекались по стране. Одни из них открывали прачечные, дешевые столовые, игорные дома, где курили опий; другие торговали чесучой, яркими шелками, игрушками и бумажными веерами – этими убогими украшениями убогих жилищ; третьи поражали толпу фокусами: задрав головы и ловко размахивая руками, они бросали и ловили ножи, тянули изо рта разноцветные ленты и легкие, как пух, платочки, сморкались пятиалтынными – монеты блестящим пунктиром вылетали из ноздрей и со звоном и шуршанием падали в шапку...

С революцией поток китайцев стал истощаться. Изменились условия жизни – у них и у нас. Изменился и состав людей, всякими правдами и неправдами перебирававшихся через рубеж. Теперь это были люди физического труда, и, попав в нашу страну, они спешили устроиться на работу. Новостройки охотно их принимали, китайцы с готовностью взваливали на плечи тяжелый труд. Первые нуждались в рабочей силе, вторые – в хлебе.

В тридцатых годах границу заперли на замок. Однако голод продолжал гнать китайцев с востока на запад. Темными ночами, в пургу, в ливень они (правда, в небольшом числе) возникали на нашей земле. Что было с ними делать? После проверки их отправляли в самые дальние края – на те же тяжелые работы.

И некто Суи, когда он пробрался в нашу страну, прежде всего попал в руки пограничников и лишь впоследствии – в Республику Коми. У пограничников он получал горячие щи и настоящий хлеб, жить было можно. Но сущий рай наступил в Коми. За деньги, которые он зарабатывал погрузкой и выгрузкой угля, он покупал сколько угодно мягкого и свежего хлеба и похлебки, снимал угол и раз в месяц ходил к Маруське и напивался. Жилось, одним словом, припеваючи, порой он и сам удивлялся своему благополучию. Даже война не намного нарушила счастье. Суи усердно работал, сверх положенного получал дополнительные порции хлеба, варево, хоть и жидкое, выдавалось в достаточном количестве.

Но вот через несколько лет после войны, когда вновь наладилась жизнь, произошло что-то... в мире или в личной судьбе Суи? После двенадцатилетнего пребывания на Севере его вдруг арестовали и в вагоне с железной решеткой отправили в большой город.

2

Признаюсь, мне неловко начать рассказ о Суи с его улыбки: сколько раз приходилось читать об этой примелькавшейся китайской улыбке! Однако первое, что бросилось в глаза, когда он вошел в камеру, была именно его улыбка. Она как бы плыла впереди него, она излучалась кожей лица, она играла на скулах, раздвигала губы, обнажая большие и желтые зубы. Казалось, он пришел не в тюремную камеру, а явился на гулянку, где его ждали с нетерпением, и, сияя улыбкой, он извинялся за невольное опоздание. Кивнув всем вместе и каждому в отдельности, он, как только удалились надзиратели, положил на пол узелок и произнес свое имя. Оно, как и у большинства китайцев, состояло из трех слов, но разобрали и запомнили мы лишь одно – Суи.

Неловко мне злоупотреблять и всеми этими «мало-мало», «ходи-ходи» – они также в достаточной мере бытуют в книгах о китайцах. Скажу одно, – что за двенадцать лет жизни в Советском Союзе он (быть может, потому, что сильно был занят и мало общался с людьми) освоил десятка три русских слов. Тут же, чтобы уже не возвращаться к этому, замечу, что за недосугом он не успел ликвидировать свою неграмотность и только в камере запомнил несколько букв, так что, к собственному удовольствию, мог прочесть на папиросной коробке слово «Катюша».

– Катюша, – читал он и, поднимая узкие блестящие глаза, улыбаясь, многозначительно смотрел на своих учителей. – Ка-тю-ша...

В камере Суи заскучал по работе. Его не смущало то, что он сидел взаперти, не смущали строгий тюремный режим, железная решетка на окне, тридцатиминутные прогулки, обыски, бесконечное щелканье «глаз-

ка». Не трогало его и то, что говорить в камере можно было вполголоса. Он вообще предпочитал молчать. Заключенные читали книги, играли в шахматы, в домино, в шашки, тихонько переговаривались, тихонько, случалось, поругивались, а Суи, бывало, сидит, положив на колени свои огрубевшие от работы руки, сохранившие еще следы и запах угольной пыли, сидит и молчит – час, два, три, весь день и длиннейший вечер – до отбоя. Что происходило в его душе? Он сидел, положила руки на колени, лицо его, точно плохо вылепленная маска, без морщин, было замкнуто, как и язык. Лишь впоследствии мы поняли, что он тосковал без дела. Он привык к работе с малых лет, она начинала и кончала его день, она давала волчий аппетит и добрый сон, она была смыслом и содержанием его жизни. Сидеть неподвижно и без дела было для него трудней самой изнурительной работы, у него, как он потом мне объяснил, от непривычки болела спина, болели ребра и внутренности, ныли ноги и звенело в ушах, даже глаза почему-то слезились.

Все это натолкнуло его на работу, обнаруженную им в камере. В эту работу он вцепился всеми своими тоскующими по труду пальцами, всем напором рабочего тела. Я говорю о тех мелочах, которые заключенные должны делать сообща, – выносить и промывать парашу, до зеркального блеска натирать пол, подметать, застилать постели, вытирать пыль. Уже на третий день он забрал всю эту работу в свои руки, а так как она не могла занять весь его досуг, прибавил к ней другую – стирал в уборной наши носовые платки. В бане он помогал нам мыться, докрасна натирал наши спины.

В камере существует неписанный закон: из купленных в ларьке продуктов дарить неимущему десятую или двадцатую долю. Для Суи папиросы, стеклянные леденцы, а иногда и лишний кусок хлеба и недоеденная баланда являлись как бы придачей к основному подарку – работе. Еды выдавали мало, а для человека физического труда – явно недостаточно, дополнительные крохи, перепадавшие Суи, очень емугодились. По своему обыкновению улыбаясь, он съедал их с поспешностью человека, познавшего голод, а твердые леденцы расщелкивал с таким треском, что строгие надзиратели неизменно открывали дверь и приказывали «не безобразничать шумом».

3

Первый допрос! Я не знаю заключенного, который не вернулся бы от следователя потрясенным. Впервые арестованный слышит грозное и страшное обвинение во всех возможных преступлениях, впервые убеждается в том, что выйти на волю ему не удастся ни при каких обстоятельствах, впервые видит человека, которому вверена его судьба!

Но вот открылась дверь, и мы увидели вернувшегося с допроса Суи, – улыбка беззаботного и счастливого ребенка играла на его лице, летела нам навстречу. Он сел на койку, не спеша достал папиросу, закурил и, так как десять пар глаз были устремлены на него, тихо и удивленно произнес:

– Много-много писала!

До сих пор не забыть мне звучание его голоса. Суи был удивлен и восхищен тем, что, пока он сидел за столиком и ничего не делал, важный начальник исписал несколько листов, и все – о нем.

– Что же он писал? – спросили некоторые из нас и в ответ услышали все то же восхищенное «много писала, все, все писала». Потом, явно жалея о бедности своего языка, он показал палец, испачканный черной мастикой. Да, большой начальник долго писал, он исписал не один лист, а Суи мог лишь приложить ко всем этим бумагам отпечаток пальца – отпечаток пальца, ничего больше.

– Бессловесный – что дитя, без понятия, – сказал суровый старик в стальных очках, читавший все время одну книгу, – напишут они ему, ироды.

Суи кивнул головой – из всех слов, сказанных стариком, до его сознания дошло одно – «напишут». И вновь удивился и восхитился он долгописанием начальника и из стороны в сторону покачал головой и прищелкнул языком. Что он мог противопоставить умению следователя? Ничего! И он еще раз поднял и показал черный от мастики палец, извинительная улыбка мелькнула на его лице. Вот, к сожалению, все, что он мог сделать: он приложил палец и тотчас же отдернул, на бумаге остался след...

Чтобы вознаградить себя за долгие часы безделья в кабинете следователя, Суи в этот день старательней обычного мыл и чистил парашу, не жалея сил, работал щеткой, насильно вырвал у многих из нас носовые платки и так стирал их, что брызги и пена летели во все стороны.

4

Главный свой изъян – плохое знание языка – Суи ощутил в ходе дальнейшего следствия. Это был крупный недостаток, при всем желании заключенный никак не мог его побороть. На все вопросы он отвечал утвердительно и говорил «хорошо», но этого было мало, потому что начальник – и с каждым разом все больше – начал раздражаться, кричать и стучать кулаками по столу. Теперь, к великому огорчению Суи, следователь не столько много-много писал, сколько много-много ругался.

Нетрудно, обладая небольшой долей воображения, представить себе, как протекало следствие. За столиком сидит человек и в знак

согласия кивает головой. Ему говорят, что он «с заранее обдуманном намерением» в свое время перешел границу, и он согласно наклоняет голову. Ему далее говорят, что своим переходом границы он «выполнил задание пославшей его державы», и он кивает и говорит «да». Ему, наконец, бросают в лицо обвинение в шпионаже «в пользу известного государства», и он наклоном головы подтверждает сказанное.

Я знаю цену отрицания, в годы сталинского произвола она была равна нулю. Но поединок неравных существовал, следовательно должен был потратить какое-то количество энергии, чтобы сломить сопротивление обвиняемого. В результате этой борьбы следовательно утверждался в сознании (или делал вид, что утвердился, это все равно), что вволю поработал, «разоблачил преступные махинации», сделал все, что возможно. В случае же с Суи весь напор следователя пропал зря, сложная машина обвинения работала вхолостую, не встречала даже мнимого, даже ничего не стоящего противодействия. Человек привычно размахнулся, чтобы со всей силой обрушить кулак на голову противника, а тут оказалось, что противник особенный: он существует и в то же время его как бы и нет, – и кулак повис в воздухе. Наконец, помимо согласия «на все», надо ведь было еще арестованному кое-что придумать, назвать две-три фамилии сообщников, с которыми он держал связь, назвать полученную за измену сумму. Вообразите же ничего не выражающее лицо китайца, на все отвечающего «да», «да», «да». Как тут не разозлиться, не рассвирепеть? И – главное – как завершить дело, даже формально придерживаясь инструкции?!

С этим вопросом, накаляясь злостью, следовательно не раз обращался к заключенному. Но что, что мог ответить Суи? Опечаленный сидел он на следствии, опечаленный являлся в камеру, даже работа, даже еда перестали его занимать. Что-то случилось с начальником, начальник злился и кричал, виноват, видимо, был Суи – в чем, в чем? Этого он не знал, как не знал, каким образом помочь беде. И он был удручен, с трудом выговаривая слова, объясняя, он поднимал плечи и разводил руками, и на одобрительные наши улыбки отвечал беспомощной и жалкой улыбкой простой и доброй души.

Между тем время шло, дело следовало закончить, придать ему положенную форму...

5

Незадолго до кончины обреченный на смерть больной чувствует облегчение, ему кажется, что он стал поправляться. Существует, видимо, закон копеечной пощады, он-то и проявляет себя в самые трудные

моменты, чтобы в следующие дни широко и уже без колебаний открыть ворота злой беде...

Как-то Суи вернулся от следователя раньше времени и в хорошем настроении: глядя на него мы вновь вспомнили его первые тюремные часы. Оказалось, что начиная с завтрашнего дня на его допросах будет присутствовать переводчик. С трудом, пользуясь больше жестами, он рассказал нам об этом и, закончив и убедившись, что его поняли, широко и добродушно улыбнулся.

Слушая его рассказ, мы тоже улыбались. Был конец сорок девятого года, никто из заключенных не сомневался, что из следственной тюрьмы у него один путь – в лагерь. Но для китайца нам хотелось исключения: переводчику удастся объяснить, что никакой связи с «известным государством» у Суи нет и не могло быть, двенадцать лет тому назад он в поисках работы пришел к нам и все двенадцать лет честно зарабатывал свой хлеб. Товарища по родине и языку переводчик, конечно, поймет с первого слова, поймет и объяснит начальству, что здесь произошло глупое недоразумение и заключенного китайца надо немедленно выпустить. Размахивая руками и потихоньку шипя, мы показывали Суи, как, выйдя из тюрьмы, он вновь будет орудовать лопатой, шуровать уголь. Один из нас, пошатываясь, прошелся по камере, потом обнял попавшегося на его пути заключенного, прижался к нему, и Суи догадался, что речь идет о его завтрашнем дне, что это он, сам он, выпив, бредет по Коми, обнимает Маруську, и счастливая улыбка вновь обнажила его зубы. Внезапно, прикрыв глаза, он произнес несколько фраз на китайском языке. Это, без сомнения, объяснялся он со своим переводчиком, с которым завтра увидится, это он, может быть, впервые за двенадцать лет заговорил на своем языке. Мы прислушались к его речи и, само собой, ничего не поняли, ни слова. Но по его маловыразительному лицу все же можно было понять, что это была очень убедительная речь, призыв к родному брату, просьба помочь вырваться из капкана, в который он попал по ошибке. Потом он молча смотрел в пространство, слушал тишину и кивал, кивал. Несомненно, товарищ отвечал ему в том же прямом и дружелюбном тоне...

6

На следующий день Суи вызвали к следователю, и мы пожелали ему вернуться с доброй вестью, как можно скорее и окончательно покинуть камеру. Мысленно мы вместе с ним шли по длиннейшим лабиринтам коридоров, присутствовали при допросе. Суи во весь голос, не жалея слов, рассказывал о недоразумении, и, выслушав объяснения пере-

водчика, «большой начальник», как называл его Суи, решил пересмотреть дело, зачеркнуть вздорное обвинение. Много ли нужно, чтобы установить невиновность бессловесного китайца, распутать узел?..

Мы были заняты светлыми размышлениями и вернулись к действительности лишь в тот момент, когда совсем неожиданно и раньше времени щелкнул замок и в камеру ввели Суи.

Даже в не совсем светлой, лишенной солнца камере видно было, что он расстроен. Лицо его стало глиняным, глаза недоуменно косили. Желание говорить распирало, он невнятно пробормотал несколько слов, но они, видно, не подошли, не могли выразить его мысли, и он не произнес – выдохнул, каркнул лишь одно:

– Корея!

Это было нужное слово, напрягаясь, он на разные лады повторил его несколько раз:

– Корея! Корея! Корея!

Потом, видя наше сочувственное недоумение, запинаясь, мучаясь, добавил:

– Моя – Китай! Она – Корея!

Не сразу, о многом догадываясь, из разрозненных частиц составляя целое и беспрестанно допрашивая Суи, мы общими усилиями восстановили сцену, которая произошла у следователя. Полный радостных надежд Суи вошел в кабинет следователя. Ему недолго пришлось ждать. Скоро порог кабинета переступил и сел рядом со следователем небольшого роста человек с такими же, как у Суи, блестящими и черными глазами. Суи привстал, поклонился и, упоенный музыкой своего языка, произнес несколько фраз – быть может, тех самых, что накануне прозвучали в камере. И вдруг раздалась ответная речь, и в первые несколько секунд Суи, вероятно, подумал, что он сошел с ума или научился говорить по-китайски: ни одного слова из того, что сказал черноглазый человечек, он не понял. Тогда, чтобы рассеять недоумение, беспокойство, страх, Суи опять заговорил на своем языке, он говорил четко, медленно, скандируя. И вновь на совершенно непонятном языке ответил переводчик и в конце концов перешел на русский:

– Мы – Корея!

И Суи тоже вынужден был прибегнуть к русскому, он сказал:

– Моя – Китай!

Тут вмешался в беседу следователь, он был явно огорчен – возиська с ними! – он хотел еще поправить дело:

– А разве не все равно? – спросил он и сам же ответил: – Один дьявол!

Нет, было не все равно, китаец не понимал по-корейски, кореец – по-китайски, и, убедившись в этом, следователь прежде всего вознегодовал. Он дал волю своему раздражению, влетело и китайцу, и корейцу, в кабинете гремела отборная ругань. Сущее наказание с этим китайцем! Следователь охотно распахнул бы дверь и пинком в зад выгнал бы Суи. Но положение требовало, чтобы он позвонил в тюрьму и сказал, что можно явиться за арестованным «в такой-то кабинет». И только когда пришел надзиратель, не в силах себя сдержатъ, следователь крикнул:

– Забери этого черта!

7

Несколько дней Суи не вызывали, его оставили в покое, и постепенно мы также стали успокаиваться: стрелка нашего неизменно фальшивящего компаса чаще, чем следует, поворачивалась в сторону благополучия. Не знаю, не могу понять, почему мы для Суи делали исключение, почему большинство из нас полагало, что судьба будет к нему милостива. То ли слишком уж очевидна была вздорность его истории, то ли подкупала его бессловесная покорность. Так или иначе, мы продолжали думать, что все наладится, пройдет немного времени, и Суи отправят в Коми. «Айда в Коми», – говорили мы ему, и он понимал нас, согласно кивая головой.

На четвертый день часа за полтора-два до отбоя (время в камере определяють на глазок) Суи вызвали к следователю. Вернулся он незадолго до сна, так что узнать подробности допроса нам не довелось. Впрочем, Суи был краток, на все наши вопросы и жестикуляцию он ответил одним словом:

– Сидела.

Сквозь дрему (это было, вероятно, минут через двадцать после отбоя, камера не успела еще по-настоящему заснуть) мы слышали, как надзиратель явился за Суи. Ночью нас повели в баню. Коридорные часы показывали два. Вернулись мы через час. Суи все еще не было. Его доставили, когда рассвело. Тотчас же его повели в баню. Придя из бани, он успел раздеться и лечь. В следующую минуту надзиратель объявил подъем.

Итак, следователь начал вызывать Суи на ночные допросы. Зачем он это делал, что могла дать, добавить к «признанию» Суи пытка бессонницей? Очевидно, в необычном этом деле следователю надо было использовать весь набор приемов, чтобы потом, отчитываясь перед старшим, показать, что было сделано все возможное, применены все средства...

Обычно Суи вызывали через несколько минут после отбоя, возвращался он поздно ночью, а через полчаса его вновь будили и держали до подъема. Никакого, собственно, допроса не было, заключенный сидел за своим столиком, а начальники, сменяя друг друга, следили за тем, чтобы он не спал. Так было ночью. А с подъема до отбоя – весь день – обязанности начальников старательно выполняли надзиратели.

В первые три дня Суи мужественно выдержал испытание. Надзиратели то и дело щелкали «глазком», зорко следили за тем, чтобы он не засыпал... По своему обыкновению, они внезапно открывали дверь и появлялись перед Суи. При всей своей придирчивости они не могли сделать ни одного замечания. Не было случая, чтобы глаза его закрылись, голова опустилась, чтобы он прислонился к стене и, как это обычно случается, потеряв над собой контроль, внезапно захрапел. Разумеется, он заметно отошал, испарина часто покрывала его лоб, веки набухли и покраснели. Но он был вынослив, не поддавался слабости. Сомкнув пальцы, держа их на коленях, он сидел «как положено». Лепное его лицо было, как всегда, неподвижно, как всегда, походило оно на маску, глаза не мигали. К нему обращались, и он поворачивал голову, как обычно, хорошо видел и слышал. Молчаливый, он почти перестал говорить.

Прошла четвертая бессонная ночь, наступил четвертый день.

8

Сложен человек, и часто трудно, невозможно по внешнему виду судить о душевной его работе. Когда произошла перемена в Суи? Мне представляется, что началась она после четвертой бессонной ночи. Медленней обычного вошел он в камеру, он был задумчив, глубокая морщина надвое пересекала лоб. В таком напряженно-задумчивом состоянии я видел его впервые. Было примерно за полчаса до подъема, но он и не пытался лечь. После шести утра нас, как обычно, повели в уборную. Суи пришлось окликнуть, он не слышал распоряжения надзирателя. Принесли кипяток, хлеб; не отвечая на наши напоминания. Суи не прикоснулся ни к тому, ни к другому. Он весь был поглощен мыслью и думал, видно, словами: губы его шевелились как у молящегося.

Вдруг он заговорил.

– Моя – человек? – глядя поверх наших голов и ни к кому не обращаясь, спросил он и длинными тонкими пальцами коснулся своей груди. – Моя – человек? – еще раз спросил он и утвердительно ответил теми же словами: – Моя – человек.

Такое было впечатление, что впервые в жизни он задумался над тем, кто же он, в сущности, и ответ дался ему нелегко. Сейчас глаза его

как бы глядели вовнутрь, длинные пальцы по-прежнему упирались в грудь. Он точно взвешивал эти два слова и несколько раз повторил их с непоколебимой уверенностью:

– Моя – человек, моя – человек!

Потом с той же твердой уверенностью, по своему обыкновению акцентируя, добавил:

– Человек – спи. Человек – спи, спи!

Замученные бессонницей заключенные знают несколько приемов, пользуясь которыми можно ненадолго отвлечь внимание надзирателей и минут пять соснуть. Ни к одному из них Суи не прибег. Утвердившись в том, что он человек и человеку надо спать, он сбросил кирзовые сапоги и лег на койку. Он закрыл глаза до того, как в камеру вошел надзиратель. Не знаю, успел ли Суи заснуть за эти считанные секунды, но на окрик он не откликнулся. Надзиратель толкнул его, и, поднявшись, Суи обнажил стиснутые зубы. В этот момент он был похож на огрызающегося зверька.

– Моя – человек, – громче обычного сказал он. – Человек – спи, спи.

Надзиратель был опытный старый служака, но и он растерялся и только и нашелся, что сказал:

– Ну и сиди как положено. Пройдись по камере, если что. Спать нельзя.

Суи отрицательно покачал головой и вновь лег на койку.

– Спи, спи, – успел он сказать до того, как закрыл глаза, и повернулся лицом к стене. – Человек – спи.

Ничего не говоря, надзиратель взял его за плечо, встряхнул и попытался поднять. По-прежнему лежа спиной к надзирателю, Суи ногами уперся в железные прутья койки. Они недолго возились – силы были неравные. Поднявшись, Суи вновь по-звериному обнажил зубы, стиснул их, нос его наморщился.

– Встань! – крикнул надзиратель. – Встань и стой!

Он отодвинул койку от стены, чтобы ее хорошо было видно из глазка. Но еще до того, как он отошел к двери, Суи опять лег.

– Спи, – произнес он. – Спи-спи.

Сейчас он руками и ногами обхватил койку, всеми силами готовился он защищать свое право на сон. Надзиратель ушел и вернулся с двумя помощниками. Втроем они оторвали Суи от койки и вынесли ее из камеры. И только они закрыли за собой дверь, как Суи, разбросав руки и ноги, лег на пол.

– Спи, – бормотал он. – Моя человек. Спи.

Надзиратели вернулись в камеру. На этот раз их было четверо. Они пинали Суи сапогами, пытались перевернуть на спину. Он долго не давался, потом сел и, вытянув шею, из стороны в сторону поворачивая голову, точно собираясь кусаться, показал стиснутые зубы. И, должно быть, в этот момент он так был необычен, так страшноват, что здоровенные сержанты отступили на несколько шагов. Рыча, Суи встал на ноги. Он схватил свою пайку хлеба – она одна осталась на столе – и бросил в одного из надзирателей. Он протянул руку к кружке, но не успел ее взять. Надзиратели набросились на него.

– Спи, – рычал он, всеми своими слабыми силами отбиваясь от них. – Спи!

На руках его вынесли из камеры.

Больше мы его не видели.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 03.12.2007 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «Алгоритм».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно